

А.Л. МАНУЧАРЯН

ФРГ
И БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ
КОНФЛИКТ

ЕРЕВАН

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԿԻՎԱԳՐԱԳՈՒՄԻ ԻՆՏԵՆՏ

Ռ. Լ. ՄԱՆՈՒԶԱՐՅԱՆ

ԳՖՀ-Ն ԵՎ ՄԵՐԶԱՎՈՐԱԿԵՎԵՅԱՆ
ԿՈՆՖԼԻԿՏԸ

(1960.-1980-ԱՆՈՆ ԹԹ.)

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1991

993.0 ✓
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЕНИИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. Л. МАНУЧАРЯН

ФРГ И БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ
КОНФЛИКТ

(1960—1980-е гг.)

637350
II
056469

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЕНИИ
ЕРЕВАН 1991

ББК 66.2 (4Ф)
М 242

Печатается по решению
ученого совета Института востоковедения
АН Армении

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Н. С. Оганесян*

Рецензенты:

кандидаты исторических наук
Г. М. Григорян, Ш. Л. Каралмурхан

Манучарян А. Л.

М 242 ФРГ и ближневосточный конфликт (1960—1980-е гг.) / [Отв. ред. Н. О. Оганесян]; АН Армении, Ин-т востоковедения. — Ер.: Изд-во АН Армении, 1991. — 241 с.

На основе обширного документального и фактического материала предпринята попытка комплексного анализа позиции Федеративной Республики Германии в арабо-израильском конфликте, способствующего всестороннему освещению международного аспекта ближневосточного конфликта. В работе прослеживается эволюция политики ФРГ в регионе: от однозначно произраильской в 60-е гг. к сбалансированной и уравновешенной в 70—80-е гг.

Рассчитана на востоковедов, историков-международников и широкий круг читателей.

М $\frac{0503030000}{703(02)-91}$ 27—90

ББК 66.2 (4Ф)

ISBN 5-8080-0137-4

ВВЕДЕНИЕ

7 сентября 1949 г. была образована Федеративная Республика Германии. Возрожденные после второй мировой войны благодаря огромной финансовой помощи и политической поддержке США западногерманские монополии начали все активнее с каждым годом проникать на мировые рынки. ФРГ, преемница и наследница германского империализма, превратилась сначала в объект воздействия различных политических сил, а затем сама стала важным субъектом международной жизни¹. Однако до того, как играть одну из ведущих ролей в международных отношениях, Западная Германия прошла через десятилетия—от угара «холодной войны» 50—60-х гг. до мучительного приспособления к политическим реальностям и пересмотру ряда «аксиом» своей внешнеполитической стратегии в семидесятые и восьмидесятые годы.

Специфическое положение ФРГ как главного стратегического плацдарма военного блока НАТО характеризуется и ее особой ролью, которая была predeterminedена Западной Германией со стороны правящих кругов США и Англии после второй мировой войны—«противостояние и сдерживание коммунистической экспансии» в условиях существования двух противоборствующих систем. Являясь тесно интегрированной частью мировой капиталистической системы, ФРГ следовала общей стратегической линии Запада, на ее внешней политике сильнее сказывалось влияние других ведущих капиталистических держав, с которыми страна связана системой военно-политических договоров.

В 1950—1960-е гг. ФРГ в экономическом отношении стала одной из развитых держав, но в политическом отношении продолжала занимать второстепенное, часто подчиненное положение от США, Англии и Франции. И именно стремление преодолеть этот разрыв, приобрести большую самостоятельность в рамках западного сообщества, всегда составляло характерную черту внешнеполитической стратегии ФРГ.

Особенно наглядно эта черта проявилась в ее ближневосточной политике, в частности в эволюции позиции ФРГ относительно арабо-израильского конфликта.

Ближневосточный регион привлекал западногерманские монополии обширным рынком сбыта готовой продукции и своими богатыми сырьевыми ресурсами. И уже в планах первого правительства ФРГ, возглавляемого канцлером Конрадом Аденауэром, Ближний Восток занял особое место. Опираясь на тезис «традиционной немецко-арабской дружбы», провозглашая основным принципом своей ближневосточной политики отсутствие каких-либо имперских интересов, широко используя дозвиг «антиколониализма», западногерманский капитал подготовил тем самым идеологическую почву для начала своей экономической, политической и культурной экспансии на Ближнем Востоке. Канцлер ФРГ Вилли Брандт считал позже одной из немногих положительных сторон прошлого Германии именно отсутствие у ФРГ традиций бывшей колониальной державы. «Ни одна из молодых наций не должна была завоевывать свою свободу в войне с Германией». Отсутствие колониальных традиций, писал В. Брандт, — это тот капитал, который должен быть нами сохранен»⁵.

ФРГ в 50-е гг. в начальный период становления своей ближневосточной политики, большое внимание уделяла экономическим связям с арабскими странами, не проявляя интереса к военно-стратегическому значению Арабского Востока и не ставя задачи вовлечения их в военные блоки⁶.

В апреле 1956 г. на проходившей в Стамбуле конференции руководителей дипломатических представительств ФРГ в странах Ближнего Востока была принята программа ближневосточной политики, осуществление которой предусматривало: использование возможностей, предоставляемых в этом районе западногерманской экономике; проведение в области культуры политики, учитывающей «симпатии арабских народов к Германии»; защиту военных интересов ФРГ в регионе; противодействие признанию «восточной зоны» (т. е. ГДР.—А. М.) со стороны арабских государств⁷. Конференцией руководил статс-секретарь МИД ФРГ Вальтер Хальштейн, чьим именем и была названа доктрина («доктрина Хальштейна»), по которой Западная Германия, выступая в качестве единственного представителя немецкого народа, обязана была разорвать все отношения со страной, признавшей ГДР суверенным государством. Проведение доктрины и жизнь было обусловлено полной поддержкой со стороны капиталистических государств. В отношениях с арабскими странами ФРГ также стремилась неукоснительно придерживаться курса противодействия признанию ГДР. Ближневосточная политика Западной Германии, считали в Бонне, прежде всего должна служить непризнанию «советской зоны» со стороны арабских государств⁸.

Идеологи западногерманского капитала пытались прикрыть пропагандистским туманом новые уточненные и замаскированные методы проникновения на арабский рынок. Проводевались идеологические основы политики экспансии как экономической помощи, равноправного партнерства. Основным же идеологическим оружием в 50-е гг., как и позднее, было возведение в постулат «коммунистической угрозы» арабским странам. Известный западногерманский дипломат В. Грете предлагал Западу решительным сопротивлением попытаться остановить «резко увеличившуюся коммунистическую экспансию» в регионе⁷. Министр иностранных дел ФРГ Генрих фон Брентано считал, что для достижения интересов своей страны в регионе ФРГ должна гармонично уравновесить экономические и внешнеполитические цели, чтобы таким образом начать плодотворное сотрудничество, что было выгодно Западной Германии. Это, по его мнению, отличалось бы от «державно-политической нацеленности вырабатываемой экономической стратегии» СССР, стремящегося создать решающий политический фактор в третьем мире в противостоянии двух мировых систем⁸.

Делая ставку на сотрудничество с национальной буржуазией арабских стран, ведущие политические деятели Западной Германии были убеждены, что основные силы арабского национализма являются неизменно антикоммунистическими и Западу необходимо видеть именно в них ведущих хозяев Ближнего Востока.

Однако только применение, хоть и успешное, идеологического оружия для обеспечения проникновения не могло бы содействовать столь активной экономической экспансии в страны региона: если в 1950 г. экспорт ФРГ здесь составлял лишь 373 млн. марок⁹, в 1956 г. — 1630 млн. марок, то уже в 1961 г. — 2088⁹, т. е. за десять лет западногерманский экспорт увеличился в 7 раз.

Эти тенденции в политике федерального правительства в 50-е гг. на арабском рынке, имевшие конечной целью достижение тесного политико-экономического сотрудничества с арабскими странами, вызвали резкую реакцию со стороны союзников ФРГ, особенно Англии и Франции. В своем стремлении расширить экспансию в арабских странах набиравшая с каждым годом экономическую мощь Западная Германия пыталась миновать конкурентной борьбы. Вместе с тем, предлагая арабским странам выгодные условия экономических взаимоотношений (без политических требований, кроме одного — непризнания ГДР), применяя демпинг и получая значительную политическую и финансовую поддержку со стороны правительства, монополии и бан-

⁷ Здесь и далее в тексте речь идет о немецких марках ФРГ.

ки ФРГ уже к середине 50-х гг. вывели страну на третье место по объему экспорта и капиталовложений в арабских странах.

Столь активное и стремительное укрепление позиций ФРГ в регионе обусловлено совместной деятельностью с монополиями и правящими кругами США. В основе политического сотрудничества ФРГ и США, писал советский исследователь Я. Я. Эттингер, лежала не только определенная общность целей (расширение своего влияния за счет ослабления позиций Англии и Франции в арабских странах), но и тесное переплетение интересов западногерманских и американских монополий, поскольку американский капитал занимал значительные позиции в экономике ФРГ. США были непосредственно заинтересованы в экономической экспансии Западной Германии в арабские страны¹⁰. И поскольку концерны ФРГ, преследуя собственные экспансионистские цели, выступали и как проводники политики США, то последние обеспечивали свою поддержку для вытеснения Англии и Франции с традиционных рынков арабских стран. В 50—60-е гг. ближневосточная политика ФРГ проходила в строгих рамках и беспрекословно в русле ближневосточной политики США—главного союзника Западной Германии.

Препятствием для развертывания широкой экономической экспансии Западной Германии в арабских странах уже в первые годы после образования ФРГ явились отношения с государством Израиль, который после своего образования в мае 1948 г. в ходе войны 1948—1949 гг. аннексировал арабские земли, чем препятствовал созданию в Палестине арабского государства. Арабо-израильский конфликт принимал затяжной характер, борьба с Израилем и сионизмом становилась общепарабской идеей.

В этой ситуации западногерманское правительство начало переговоры с представителями международных еврейских кругов и Израиля с целью обелить ФРГ в глазах мирового общественного мнения и сгладить впечатление о немцах после второй мировой войны, что в значительной степени сказывалось на международном престиже Федеративной Республики.

Придя к власти в 1949 г., канцлер К. Аденауэр прилагал все усилия, чтобы хотя бы немного облегчить тяжелое бремя Холокоста, висевшее над Западной Германией. В «упорядочении» отношений с евреями канцлер видел одну из важнейших задач своей политики¹¹.

После того, как федеральный канцлер в 1951 г. в бундестаге официально признал ответственность Германии за преступления нацистов против евреев, представители Израиля и Всемирного еврейского конгресса начали переговоры с ФРГ, на которых западногерманская сторона подтвердила свое желание выплатить госу-

государству Израиль и частным лицам, проживающим в Израиле, компенсацию в виде репараций и финансовых влате кей за убытки, нанесенные им Третьим рейхом. Переговоры о компенсации велись в течение 1951—1952 гг. и завершились подписанием 10 сентября 1952 г. в Люксембурге договора, согласно которому ФРГ обязалась выплатить Израилю 3,45 млрд. марок и кроме того дать «индивидуальную компенсацию» жертвам нацистских преследований, ныне проживающим в Израиле¹².

Федеративная Республика, писал западногерманский историк Б. Френденфельд, должна была свое решение «вернуться в свободную семью народов» сделать достоверной и убедительной действительными актами «компенсации»¹³. Причем для «достоверности» своего шага официальные лица ФРГ возвестили о том, что все немцы коллективно виновны за преступления гитлеровской Германии и всегда должны чувствовать глубокий стыд за то, что сделали нацисты, умертвив 6 млн. евреев. Президент ФРГ Т. Хейс прямо указывал, что это должно стать «основой, на которой могла бы быть осуществлена любая моральная, экономическая или политическая реституция» Израилю¹⁴.

Против теории всеобщей вины немецкого народа за злодеяния гитлеровского режима выступил лидер Социал-демократической партии Германии К. Шумарер. Справедливо отрицая коллективную вину немецкой нации за преступления фашистов, он ссылаясь на то, что против гитлеровцев борьбу вели чуть ли не одни социал-демократы, игнорируя вместе с тем борьбу тысяч других антифашистов, коммунистов, католиков, протестантов¹⁵.

Основной целью, которую преследовали правящие круги ФРГ, оказывая Израилю крупную финансовую помощь, было укрепление его экономики и, в конечном счете, усиление военного потенциала. Правящие круги США были заинтересованы в том, чтобы именно Западная Германия несла это бремя, поскольку Соединенные Штаты, проводящие в начале 50-х гг. активную арабскую политику для вовлечения этих стран в сферу своего влияния, пытались делать вид, что непричастны к агрессивному курсу Израиля и желали, чтобы военно-экономическая помощь Израилю не исходила от них самих. И хотя предоставление таких финансовых платежей Израилю в виде репараций влекло за собой ухудшение состояния бюджета ФРГ и обострение отношений с арабским миром, правящие круги страны в марте 1953 г. ратифицировали Люксембургский договор, так как видели, что этим они получают поддержку своей внешней политики и от влиятельного международного сионизма.

Люксембургский договор открыл дверь и для проникновения самих западногерманских монополий на израильский рынок. «Им

в одной другой стране Ближнего Востока нельзя проводить капиталовложения столь экономично и с такими шансами на успех, как в Израиле»,—писала позже западногерманская газета «Дневельт»¹⁶. А уже в 1957 г., т. е. через пять лет после подписания договора о компенсации, другая газета—«Франкфуртер альгемайне цайтунг»—с триумфом констатировала: «Соглашение по репарациям делает израильскую экономику зависимой от германской индустрии на необозримый срок»¹⁷.

На XIV съезде компартии Израиля (1961 г.) политика ФРГ была охарактеризована следующим образом: «С экономической точки зрения они сумели превратить Израиль в важный рынок западногерманских товаров и важную сферу приложения капитала западногерманских монополий, а также в трамплин для дальнейшей экспансии германского империализма на Среднем Востоке. Что касается политической стороны вопроса, то они сумели обеспечить моральную реабилитацию своего неонацистского режима со стороны правительства Бен-Гуриона»¹⁸.

Как и предполагали в Бонне, арабские страны неодобрительно отнеслись к немецко-израильскому договору, подписанному в Люксембурге. По свидетельству информированного египетского журналиста М. Хейкала, арабский мир был шокирован этим соглашением¹⁹. Арабская общественность не могла понять, почему именно государство Израиль должно представлять жертвы нацизма? С пониманием отнесясь к компенсации частным лицам и семьям, в финансовых платежах и поставках товаров Израилю арабы видели, и вполне обоснованно, лишь попытку военно-экономического укрепления враждебного им государства.

Особенно встревожил арабов сам факт выступления ФРГ на стороне израильских интересов, тем более, что до этого Западная Германия была вполне лояльна и нейтральна в отношении арабо-израильского конфликта. Примечательно и то, что в преддверии подписания Люксембургского договора большинство арабских стран изъявили желание иметь дипломатические отношения с ФРГ. Египет был первой страной, с которой Западная Германия установила 16 октября 1952 г. дипломатические отношения на уровне посольств. Среди арабских стран ФРГ именно на Египте сконцентрировало свое внимание, особенно после июльской революции 1952 г., что было связано и большим влиянием Египта и в Арабской Лиге, и во всем исламском мире²⁰.

Египетское правительство 9 ноября 1952 г. опубликовало в связи с немецко-израильским договором ноту протеста, которую до этого передало федеральному правительству. В ней говорилось, что арабские государства выступают против этого договора не из-за антисемитских мотивов, а лишь в целях самообороны, увидев

в нем потенциальную опасность своей безопасности²¹. К этому протесту присоединилась и Лига арабских стран, выразившая опасение, что немецкие поставки в Израиль частью могут быть реэкспортированы и что Израиль в твердой валюте сможет купить оружие и другой военный материал у третьей страны. Следующим возражением арабов было то, что поставки и платежи ФРГ Израилю смещают экономическое равновесие на Ближнем Востоке, что, по мнению канцлера Аденауэра, выражало стремление арабских стран заключить соответствующие экономические договоры с ФРГ.

Федеральное правительство выталось достигнуть взаимопонимания с арабскими государствами. Было опубликовано правительственное заявление «К арабским странам»²², в котором Бонн пытался разъяснить арабам основы и границы договора с Израилем и тем самым снять «возникшие недоразумения». ФРГ дала гарантию арабским странам не посылать в Израиль оружия и стратегических товаров, и кроме того заверила в своей готовности, в рамках возможного, содействовать укреплению экономики арабских стран. Вместе с тем Бонн повторно выразил свое желание и далее развивать «традиционно хорошие и дружественные отношения с арабскими народами»²³.

15 ноября 1952 г. в ноте правительству ФРГ Лига арабских государств заявляла, что договор между правительствами Западной Германии и Израиля создает очень серьезную угрозу существованию арабских стран, исходя из чего арабские государства разорвут все экономические отношения с ФРГ²⁴. Правительство в Бонне игнорировало этот арабский ультиматум, и Лига объявила экономический бойкот ФРГ. Аденауэр считал, что ни одна страна не имеет право указывать Западной Германии, в каких отношениях ей быть с Израилем. Он отмечал, что договор с Израилем — «это прежде всего моральная, а не политическая проблема»²⁵.

Все возрастающее значение арабо-израильского конфликта прямо отразилось на проведении политики ФРГ в регионе. Отношения страны с арабским миром стали сложными. 7 марта 1953 г. правительство Египта подписало долгосрочный торговый договор с ГДР²⁶, а 20 марта того же года объявило о восстановлении экономических отношений с ФРГ²⁷. Тогда же правительство ФРГ направило в Каир представительную экономическую делегацию под руководством статс-секретаря Бестрика, чтобы выяснить все затруднения, появившиеся в отношениях с арабским миром из-за договора ФРГ с Израилем. Делегация предложила Египту долгосрочный кредит на сумму в 400 млн. марок и заявила о готовности ФРГ участвовать в финансировании строительства Асуанской плотины. Правительство ОАР отклонило западногерманские

предложения. Как писал М. Хейкал, в этот период Гамаль Абдель Насер видел свою самую большую после революции политическую проблему в подписании в 1952 г. немецко-израильского договора²⁸. Арабские страны видели в этом договоре первые симптомы будущей поддержки Израиля со стороны не только ФРГ, но и ее покровителей и союзников—США, Англии и Франции. Арабские страны попытались следовать линии Египта и продолжать бойкот, но, как и Египет, вскоре отменили его. Со временем острота проблемы притуплялась, так как западногермано-израильские отношения развивались скромно и только в экономической сфере. Канцлер Аденауэр признавал, что «без сомнения израильско-немецкое соглашение легло бременем на отношения ФРГ с арабскими странами». Он был уверен, что поскольку Западная Германия относится к тем государствам, которые не имеют на Ближнем Востоке никаких претензий, то и отношения с арабами будут опять нормализованы²⁹. До 1956 г. к Египту и Сирии, уже установивших с Бонном дипломатические отношения, присоединились Ливан, Ирак, Иордания, Саудовская Аравия и Судан³⁰.

Серьезной проверкой отношений ФРГ с арабским миром, как и всей ближневосточной политики, стали события в этом регионе, вошедшие в историю как Суэцкий кризис 1956 г. Национализация Суэцкого канала египетским правительством была отрицательно встречена западными странами, был разработан проект «интернационализации канала», который был поддержан западной манским правительством. Учитывая, что «важные политические и экономические интересы» ФРГ должны были рассматриваться на конференциях в Лондоне по Суэцу, министр иностранных дел фон Брентано принял в них участие и заявил о «поддержке совместных усилий по урегулированию международного конфликта»³¹.

29 октября 1956 г. израильские войска напали на Египет, а 31 октября к военным операциям против Египта присоединились Англия и Франция. Началась так называемая «тройственная агрессия». В письме канцлеру Аденауэру фон Брентано в связи с этим писал, что Англия и Франция побудили Израиль к вторжению, создавая тем самым основу для собственной интервенции³². Правительство ФРГ, как свидетельствуют документы, было серьезно озабочено ходом событий, так как не могло не думать о непосредственных последствиях этой акции не только на западный союз и американо-европейские отношения, но и всю международную ситуацию в целом. Одобрение агрессии, которое федеральный канцлер передал по дипломатическому каналу правительствам Великобритании и Франции, было тщательно утаено от общественности³³. Несмотря на то, что почти все независимые арабские страны порвали дипломатические отношения с агрессорами и,

тем самым, западногерманские монополии лишались сильных конкурентов на арабском рынке, правительство ФРГ, исходя из союзнических соображений, проявило солидарность с ними, что несколько отличалось от позиции США.

Федеральное правительство, как член западного сообщества, не могло радоваться поражению стран-членов НАТО, видя последствия этого в укреплении позиции СССР в регионе. Канцлер Аденауэр считал, что «активность СССР в Египте и арабских странах возбуждает опасность», так как поставки нефти из этого региона попадут под контроль Советского Союза, что представляет «чувствительное военное ослабление Запада». Свое наступление на Европу СССР начинает с Ближнего Востока, писал он. А продажа оружия в 1955 г. Египту, по мнению канцлера, это «не нейтральная торговая сделка, а политический акт, настоящей целью которого явилось проникновение СССР в арабский мир»³⁴.

В создавшейся ситуации, когда и США формально, но осудили в Совете Безопасности ООН агрессию против Египта, канцлер ФРГ решил поехать с официальным визитом в Париж. Этот визит 6 ноября 1956 г. был воспринят во Франции с благодарностью как «свидетельство европейской солидарности», тем более, что федеральный канцлер (в отличие от большинства членов НАТО) защитил «тройственную агрессию», хотя бы потому, что она, как он считал, в «последнюю минуту давала шанс вытеснить Советскую Россию из этой части земли»³⁵. Опасаясь, что «политический фронт, который начал образовываться в ООН под руководством Советского Союза и США», может вызвать чрезвычайно нежелательные последствия на решение германского вопроса³⁶, правительство ФРГ решило все же во всем продолжать следовать линии Вашингтона и не выступать открыто в поддержку Франции и Англии.

Министерство иностранных дел ФРГ после возвращения Аденауэра из Парижа 7 ноября 1956 г. заявило, что поездка федерального канцлера имела очень важное значение для прекращения огня на Суэцком канале³⁷. В своей речи в бундестаге по возвращении из Франции Аденауэр заявил, что правительство ФРГ выступает против военных акций Франции и Великобритании. Выражая сожаление, что мирные предложения, выработанные на двух лондонских конференциях («интернационализация канала»—А. М.), не представили основу для урегулирования, канцлер оправдывал агрессивные действия Израиля. Он, в частности, отметил, что вооруженная интервенция Израиля против Египта носила характер, с одной стороны, «реакции на предполагаемую опасность, с другой—была превентивным ударом против

существующего порядка»—что и привело вскоре к последующей интервенции английских и французских вооруженных сил. Слово «агрессия» ни в одном официальном документе ФРГ не употреблялось. ФРГ оправдывала действия агрессоров, которые, по ее мнению, вполне справедливо считали, что «лишь такими действиями можно локализовать конфликт, который в ином случае мог бы вызвать непредвиденные обстоятельства»³⁸. В ответ на критику социал-демократической фракции бундестага о впечатлении, будто федеральное правительство поддерживает агрессию против Египта, было заявлено, что ФРГ поддерживало все справедливые усилия, направленные на урегулирование конфликта»³⁹.

Исследуя позицию Бонна в сузском вопросе, советский историк Я. Этингер справедливо считает, что она ярко продемонстрировала внутреннюю борьбу двух тенденций в западногерманской политике на Арабском Востоке: «с одной стороны, стремление использовать ослабление колониальных держав в интересах западногерманских монополий, а с другой—вытекающую из участия ФРГ в НАТО необходимость солидаризоваться с этими же державами. Страх перед социалистическим лагерем, боязнь дальнейшего развития национально-освободительного движения также способствовали тому, что в сузском вопросе, несмотря на «особые соображения» в конечном счете взяла верх тенденция к единству действий с остальными империалистическими странами»⁴⁰.

Рассматривая арабо-израильский конфликт как составную часть общего противостояния между Востоком и Западом, ФРГ резко критиковала политику США в отношении ведущей арабской страны—Египта, считая, что Соединенные Штаты отдали Египет в «лоно СССР»⁴¹. Канцлер Аденауэр в своих воспоминаниях писал, что американцы не поняли стремлений Насера и, отказав ему в кредитах на строительство Асуана, совершили тяжелейшую политическую ошибку⁴². Обращаясь к событиям 1956 г., Аденауэр отмечает, что он пришел тогда к выводу, что «если хочешь достичь собственного влияния, необходимо иметь самостоятельную силу». Канцлер считал, что ФРГ и другие ее европейские союзники не должны «полностью идти на буксире» Соединенных Штатов, а должны создать возможность для проведения собственной европейской политики⁴³.

Необходимо отметить, что после сузского кризиса борьба против Израиля стала более тесно связываться арабскими народами с их борьбой против колониализма и империализма. В силу этого и сам арабо-израильский конфликт приобрел более ярко выраженный международный характер⁴⁴. В арабском мире позиция Советского Союза, сыгравшего решающую роль не только в сры-

ве «тройственной агрессии», но и ликвидации ее последствий—выводе войск с арабской территории—значительно окрепла. Это вызвало в Бонне сильное беспокойство: правящие круги страны опасались, что влияние СССР в конечном счете приведет к признанию ГДР арабскими странами. И поскольку ФРГ не была отягощена открытой поддержкой агрессоров, арабские страны видели в ней желательного партнера, который мог бы заменить Францию и Англию. Именно поэтому правительство ФРГ отказало проекту министра иностранных дел фон Brentано открыть миссию ФРГ в Израиле, что естественно вызвало бы нежелательную реакцию со стороны арабов, тем более сразу после «тройственной агрессии», застрельщиком которой был Израиль⁴⁵. Однако, несмотря на это, отношения с Израилем, не будучи официальными, продолжали считаться «центральными» для МИД ФРГ на Ближнем Востоке⁴⁶.

В 50-е гг. ближневосточная политика ФРГ преследовала одну важную цель—проникновение и закрепление на арабском рынке. В условиях жесточайшей конкуренции с «традиционными хозяевами» Францией и Англией, западногерманские монополи, получив поддержку США, успешно выполнили эту задачу. Вместе с тем существующие арабо-израильские противоречия оказывали влияние на проведение ближневосточной политики. Так, подписав в 1952 г. договор о компенсации с Израилем, ФРГ подставила себя под удар со стороны арабов и после этого любой свой шаг на Ближнем Востоке пыталась совершать с оглядкой на арабо-израильский конфликт. Недолговечность экономического бойкота арабских стран Западной Германии объясняется локальным пока еще характером арабо-израильского конфликта, разобщенностью и слабостью арабского лагеря. Несмотря на итоги первой арабо-израильской войны, Израиль не представлялся таким уж мощным в военном плане государством, а помощь ФРГ—действенной и результативной. Провоцирование Израилем «тройственной агрессии» 1956 г. значительно изменило взгляды арабов и на отношения Израиля с западными государствами. Исходя из этого, федеральное правительство ФРГ стало проводить более осторожную политику в регионе. Однако, будучи инструментом в руках правящих кругов США, Западная Германия, как ни пыталась обходить острые углы на Ближнем Востоке, все же была вынуждена идти, вопреки своему желанию, и на конфликтные ситуации, зведомо зная, что понесет значительный урон. Такая ситуация сложилась к середине 60-х гг., когда ближневосточная политика ФРГ пережила глубокий кризис.

Хронологические рамки настоящей работы (1960—1980-е гг.) обусловлены именно тем, что лишь с 60-х гг. мы можем говорить об активизации ближневосточной политики ФРГ, выборе ее однозначной позиции относительно сторон-участников арабо-израильского конфликта. Завершается исследование первым периодом правления правительства канцлера Г. Коля (1982—1986 гг.), что дает представление не только об эволюции позиции Федеративной Республики в отношении ближневосточного конфликта, но и о политике этой страны в регионе в настоящее время.

P II
637350

ГЛАВА I

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ФРГ В 1960-е ГГ.

§ КРИЗИС БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ФРГ

«Непричастность» Федеративной Республики Германии к колониальной политике Англии и Франции, опасения арабских стран в условиях массовой антисоветской и антикоммунистической пропаганды и их экономическая привязанность к мировому капиталистическому хозяйству, как и выгодные торгово-экономические соглашения, предлагаемые арабам западногерманскими монополиями—все это в совокупности сыграло свою роль: арабский мир с готовностью шел на расширение контактов с Западной Германией. Эти свои шаги ФРГ подкрепляла широкой программой помощи развитию арабских стран, которая с признательностью принималась.

В политическом аспекте Бонн также пытался выступать с «проарабских позиций», тем более, что это не ущемляло права Израиля. Так, ФРГ одной из первых признала Иракскую Республику. Двойственный характер политики ФРГ в регионе проявился и в дни американо-английской интервенции в Ливане и Иордании в 1958 г., когда Бонн колебался в своей поддержке США и предложил выступить в роли посредника между странами Запада и арабским миром.

Это свидетельствовало не только о повышении престижа ФРГ в арабских странах, но и о том, что федеративное правительство начало предпринимать попытки отмежевания от прямых и колониаторских методов своего союзника—США.

В конце 50-х—начале 60-х гг. ФРГ подписала с арабскими государствами ряд выгодных договоров, экономическая экспансия Западной Германии в арабских странах принимала новый, необратимый характер.

Однако, если с арабскими странами отношения ФРГ в конце

50-х — начале 60-х гг. развивались успешно и предавались огласке, то об отношениях с Израилем в этот период историки и общественность узнали позже, так как в основном западногермано-израильские контакты и переговоры носили тайный характер. Еще в декабре 1957 г. группа израильских представителей (Ш. Перес, А. Бен-Натан, Ласков) встретила с министром обороны ФРГ Франц-Йозефом Штраусом и заявила, что Израиль нуждается в практической помощи (т. е. оружии), а не деньгах. «Штраус меня сразу понял и ответил согласием», — вспоминал позже Шимон Перес. По свидетельству израильской журналистки Инге Дойчкрон, Израиль для Штрауса был частью западного мира, для защиты безопасности которого необходимо сделать все, «так как это в интересах ФРГ»¹.

24 декабря 1957 г. премьер-министр Израиля Д. Бен-Гурион, выступая в кнессете, заявил, что вследствие «враждебного отношения восточного блока», который не пошлет оружия Израилю, как и США, изменившие свою ближневосточную политику в период Суэцкого кризиса, единственным государством, поставляющим оружие в Израиль, может быть ФРГ². На это заявление федеральное правительство ответило с «чрезвычайным удивлением», что ни оружия, ни военного оборудования в Израиль не пошлет: «Неизвестно, какие предпосылки и факты могли толкнуть израильское правительство на это заявление». ФРГ была убеждена, что из правовых, конституционных и политических оснований не может экспортировать оружие на Ближний Восток, говорилось далее в заявлении³. Однако уже в 1959 г. по инициативе министра обороны Штрауса начались практические секретные поставки оружия в Израиль. Арабские страны были встревожены захватом Бен-Гуриона. В январе 1960 г. во время своего визита в Каир вице-канцлер ФРГ Людвиг Эрхард в беседе с президентом Насером еще раз категорически отверг «слухи» о поставках оружия из ФРГ в Израиль⁴. Однако факты опровергают и раскрывают двуличный характер этих опровержений Бонна.

Знаменательной вехой в эволюции позиции ФРГ в отношении ближневосточного конфликта и сторон, втянутых в него, явилась тайная встреча в Нью-Йорке в отеле «Уолдорф-Астория» 14 марта 1960 г. канцлера ФРГ К. Аденауэра и премьер-министра Израиля Д. Бен-Гуриона, организованная влиятельными американскими сионистскими кругами⁵. На ней было подписано секретное соглашение (на 25 машинописных листах) об отношениях между обоими государствами и обговорены поставки оружия в Израиль. Встреча оставила на канцлера глубокое впечатление. В своих «Воспоминаниях» он пишет, что для Бен-Гуриона признание моральной ответственности немецкого народа перед евреями было

важнее, чем широкие материальные платежи. Однако далее Аденауэр, противореча себе же, отмечает, что премьер-министр Израиля «требовал не денег, а соучастия ФРГ в развитии промышленности и сельского хозяйства Израиля в 50 млн. долларов ежегодно», из чего следует, что моральная сторона отношений между государствами для Израиля была лишь прикрытием требований материального характера, как бы от этого не отмежевался Израиль. Во время встречи Аденауэр заверил Бен-Гуриона, что ФРГ всегда согласна помочь Израилю, что исходило не только из чувства внутреннего долга, как писал канцлер, а и из политических соображений, поскольку Израиль «по своим убеждениям относится к Западу, то и в интересах свободного мира помочь развитию Израиля». Федеративная Республика не бросит Израиль на произвол судьбы—заверил канцлер премьер-министра Израиля. Одним из важнейших результатов встречи было достижение полного взаимного согласия в «коммунистической опасности в мире», которая угрожает Азии и Африке⁶.

В ноябре 1961 г. на встрече с канцлером ФРГ Аденауэром президент США Кеннеди требовал от ФРГ послать оружие в Израиль, мотивируя тем, что США не могут в этот период предоставить оружие, поскольку поставят этим под удар свои отношения с арабами⁷. Вследствие настойчивости президента США, уже давшего обещания Израилю, ФРГ в свою очередь пообещала Вашингтону, что возьмет на себя поставки в Израиль. Однако этот вопрос единолично не мог быть решен одним канцлером, для чего и была образована специальная комиссия в бундестаге. 13 декабря 1962 г. комиссия бундестага решила обсуждать вопрос о поставках вооружения в тайне, информировав лишь по два депутата от каждой партии, о чем стало известно позже⁸. Это обсуждение свидетельствует о том, насколько было заинтересовано федеральное правительство в сохранении тайны об этой сделке с оружием, прекрасно зная отношение арабского мира к поставкам вооружения Израилю. По первому секретному соглашению от 8 июня 1962 г. ФРГ обязалась поставить вооружения на сумму в 240 млн. марок⁹.

Для полноты оценки ситуации, сложившейся к середине 60-х гг. в отношениях ФРГ со сторонами арабо-израильского конфликта вследствие тайных поставок оружия в Израиль, обратим внимание на одно официальное заявление федерального правительства от 23 марта 1963 г. Заявление было сделано из-за протестов израильского правительства и широкой кампании, инспирированной сионистской прессой о деятельности западногерманских ученых, работающих в Египте над созданием и производством атакующих ракет. Цель этой кампании—прикрыть тайные поставки ору-

жия из ФРГ в Израиль. И вице-секретарь правительства по делам печати фон Хаке, в свою очередь, отмечая, что ученые в этой арабской стране работают без ведома и согласия федерального правительства, подчеркнул: «Известно, что федеральное правительство давно следует политике—не посылать оружие в области напряженности»⁹. Эти слова произносились в самый разгар поставок танков, ракет и другого оружия в Израиль!

Вскоре Конрад Аденауэр вышел в отставку, и 16 октября 1963 г. бундестаг избрал канцлером ФРГ Людвига Эрхарда, представителя монополистических кругов, представляющих отрасли обрабатывающей и экспортной промышленности. Новому канцлеру ФРГ пришлось на себе испытать давление США в вопросе поддержки Израиля. В июне 1964 г. Эрхард попросил правительство США освободить его от задания поставлять вооружение Израилю. Президент США Джонсон, имевший ранее встречу с премьер-министром Израиля Леви Эшколом, ответил отрицательно и, более того, предложил Федеративной Республике послать в Израиль еще дополнительно 200 американских танков М—48, отправленных вскоре в Израиль на английских судах¹⁰. Было решено, что поставки оружия должны остаться в тайне, чтобы не возбуждать мировое общественное мнение и не ужесточить позицию арабских стран в отношении Западной Германии¹¹. В предисловии к изданному МИД ФРГ сборнику документов этот шаг правительства объясняется большим давлением на Бонн со «стороны международной общественности», беспокоящейся, что якобы поставки оружия ОАР социалистическими странами уничтожили военное равновесие на Ближнем Востоке и ФРГ должна была поставками оружия в Израиль восстановить это равновесие между арабами и израильтянами, «способствуя тем самым безопасности тех людей, которые после долгих лет преследований и опасностей для жизни нашли в Израиле родину»¹². Поставки оружия мотивировались также тем, что арабская позиция в отношении Израиля вследствие внешней политики Египта стала ужесточаться и поэтому Бонн согласился с просьбой Израиля. Этому, мол, способствовали и резкие заявления правительств Сирии, Ирака и других арабских государств по палестинскому вопросу. Кроме того, желание союзников ФРГ—США, Англии и Франции, направленное на защиту «единственного надежного партнера Запада» на Ближнем Востоке путем поставок оружия из Западной Германии, хотя и суживало сферу действий и связывало во руках западно-германскую политику в регионе, вместе с тем воспринималось Бонном как должное, поскольку союзники, по мнению федерального правительства, «гарантировали и свободу Западного Берли-

на», поддерживали ФРГ в германском вопросе, не признавая существования государства ГДР¹².

Необоснованной является тенденция, которой придерживается ряд западногерманских исследователей, что при решении о поставках оружия одной из сторон арабо-израильского конфликта, морально-политические мотивы доминировали над реальной оценкой политической ситуации на Ближнем Востоке. В таком случае эти поставки не прикрывались бы завесой секретности и не сохранились в глубокой тайне. Именно реальное отношение к событиям на Ближнем Востоке, за которыми с беспокойством следили в столицах НАТО, и в Бонне в том числе, заставило федеральное правительство пойти на столь опасную сделку с поставками оружия в Израиль, цель которых была в конечном счете «приостановить распространение влияния коммунистических идей в арабском мире» особенно после прихода к власти багдадских режимов в Сирии и Ираке, имея сильный вооруженный оплот на Ближнем Востоке в лице Израиля.

Поставки оружия продолжались вплоть до 1965 г. Оно вывозилось из стран, где его закупала ФРГ, и под чужим флагом переправлялось в Израиль или же из ФРГ адресовывалось в третью страну и оттуда пересозилось в Израиль. С обеспечением Израиля двумя подводными лодками было еще проще — их поставила Израилю Англия за счет средств Западной Германии. Уже в 1963 г. в Израиль было поставлено из ФРГ 150 танков М—48. США с целью укрепления своих позиций в арабском мире продали танки такого же типа и Иордании, однако позже министр обороны Соединенных Штатов Макнамара, во время своего визита в 1964 г. в Европу, договорился с Бонном, что отныне США берут оплату поставок танков для Израиля через ФРГ на себя. Общие поставки оружия Израилю Западной Германией превысили заранее запланированную сумму. По неточным данным специалистов и прессы общая сумма западногерманских военных поставок Израилю доходила до 340 млн. марок. Вместе с тем бундесвер взял на себя обучение израильских военных специалистов и технического персонала. В конечном счете Израилю было поставлено более 200 американских танков М—48, противотанковые реактивные ракеты типа «Кобра», охранные танки типа «Ханкисс Р1», две подводные лодки 128 т водоизмещением каждая, транспортные самолеты «Нортатлас», 5 западногерманских военных быстроходных катеров «Ягуар—55», штурмовики типа «Флат—Г91». Кроме того в военных лагерях ФРГ прошли обучение около пяти тысяч израильских солдат и офицеров.¹⁴

В октябре 1964 г. западногерманская газета «Франкфуртер рундschau» опубликовала статью Ганса-Герберта Газбеля «Непри-

ятные возможности», которая снимала завесу секретности с поставок оружия в Израиль; о тайных поставках оружия из ФРГ стало известно мировой общественности.¹⁵ Арабские страны с негодованием восприняли более подробные сообщения о тайных поставках оружия за их спиной той страной, правительство которой постоянно напоминало им о своей «традиционной дружбе». Военное ведомство и госдепартамент США, узнав «вдруг» о том, что новейшее оружие, получаемое Западной Германией из США по линии НАТО, оказывается в Израиле, подняли «тревогу», демонстрируя тем самым свою непричастность к западногерманским поставкам оружия в Израиль, опасаясь ухудшить свои отношения с арабскими странами и потерять свой престиж в арабском мире.¹⁶

В результате широкой волны протестов арабских государств федеральный президент ФРГ Ойген Герстенмайер со специальной миссией посетил в ноябре 1964 г. Каир с целью разъяснить президенту Насеру истинное положение дел. Хейкал в своей книге «Каирское досье. Из секретных документов Гамаль Абдель Насера» подробно описал встречу Насера с Герстенмайером, который рассказал предысторию поставок оружия, отметив, что Кеннеди в 1961 г. «практически приказал Аденауэру послать оружие Израелю».¹⁷

Вместе с тем необходимо заметить, что уже до встречи с президентом ФРГ египетский военный атташе в Бонне Мухаммед Садек, будущий военный министр, сообщил Насеру подробности тайного договора. Но, как считает М. Хейкал, «Насер не успел прочесть его». Чем может быть обосновано это не вполне убедительное сообщение Хейкала — вывод, к которому он сам, однако, обходя этот момент, позже приходит: Насер не желал кризиса в отношениях с ФРГ, чувствуя, что информация о поставках оружия была дана ему Израилем умышленно, с целью настроить его против Западной Германии.¹⁸ Вполне естественно, что даже разрыв отношений Египта с ФРГ уже был на руку сионистским правящим кругам Тель-Авива. Однако перед арабами стояла более острая проблема. Намеки, которые Насер высказал Герстенмайеру, свидетельствовали о том, что нормализация западногермано-израильских отношений не повлечет за собой признания ГДР со стороны Каира.¹⁹ Вместе с тем Египет не мог бы войти в сложившейся ситуации против острейших нападков из Дамаска, Багдада и столиц других арабских государств, если не займет четкую позицию, осуждающую ФРГ за военную поддержку Израеля. В вопросе Израиль-Палестина позиция Сирии всегда была одной из решающих, и Египет, игравший до этого в некоторой степени руководящую роль в арабском мире по палестинской проблеме, автоматически бы се

потерял в случае сохранения дружеских отношений с государством, вооружавшим Израиль, т. е. Западной Германией, Сирией и Ирак поддержали бы все другие арабские государства в их безоговорочной, принципиальной позиции по палестинскому вопросу, тем более, что среди арабских правительств были опасения, что Египет мог бы пойти в вопросе признания Израиля по другому пути.²⁰

В январе 1965 г. президент ОАР Г. Насер пригласил Председателя Госсовета ГДР В. Ульбрихта посетить страну.²¹ Ни одно арабское государство не признавало до этого ГДР, и одним из самых последовательных в этом вопросе был президент Насер. Однако федеральным правительством приглашение Ульбрихта было рассмотрено как ответный умышленный шаг против поставок оружия Израилю, акцию против сантан святых внешней политики ФРГ—пресловутой «доктрины Хальштейна». В Бонне, в правительственных кругах поднялся переполох. И именно с этого момента начал развиваться настоящий политический кризис, который оставил заметный след во всей будущей ближневосточной политике ФРГ. Этот кризис выявил и обострил целый комплекс внешнеполитических проблем, чрезвычайно тесно связанных и переплетенных между собой.

Посол ФРГ в Каире был срочно отозван в Бонн для консультаций. Ему было поручено попытаться предотвратить визит Ульбрихта или хотя бы оттянуть его. По возвращении в Каир он передал послание федерального правительства Насеру и добавил: «Мы не независимая страна, как Египет... Вы должны понять, что это (поставки оружия—А. М.) не соответствует воле [Западной] Германии, а совершено под диктатом Америки. Вы не должны забывать, что Федеративная Республика оккупирована». Как свидетельствует Хейкал, Насер очень возмутился, услышав это: «Вы со своим экономическим потенциалом пришли сюда и говорите нам, неразвитой стране, что Вы не независимы? Мы стремимся получить от вас деньги и технические знания и после этого Вы приходите и говорите мне «что Вы не независимы? Это не аргумент, который я могу признать»²². Насер отказался отменить приглашение В. Ульбрихта в Египет. Эксперт СДПГ по Африке и арабским странам посоветовал правительству ФРГ пригрозить ОАР и арабским странам, в частности, тем, что в случае приглашения Ульбрихта бундестаг прекратит «помощь развитию» этим странам. В Бонне считали, что «доктрина Хальштейна» сработает и на этот раз и Насер побоялся лишиться той огромной финансовой помощи, которую оказывала ФРГ (50 млн. марок на техническую помощь, 230 млн. марок—на финансовую помощь, 1,1 млрд. марок—кредит на товары сроком на 10 лет). Статс-секретарь фон

Хазе заявил, что визит Ульбрихта в Каир «рассматривается как враждебный акт Египта по отношению к немецкому народу» и если визит состоится, то будет прекращена всякая экономическая помощь Египту со стороны ФРГ²⁵. Однако Насер не изменил своего решения,—более того, потребовал полного прекращения военной помощи Израилю со стороны Западной Германии. Посольства ФРГ сразу же прозондировали почву в других арабских странах и оказалось, что большинство арабских стран твердо согласны с линией Насера.

На проходившем с 9 по 12 января 1965 г. в Каире заседании Лиги арабских государств было принято решение, в котором, не называя ФРГ, в частности говорилось, что арабские государства полны решимости следовать единой политике в отношении любой страны, которая установит новые отношения с Израилем или будет защищать агрессивные военные усилия Израиля²⁶. По характеристике журнала «Дер Шлигел», «доктрина Хальштейна»—эта десятилетняя идея фикс немецкой внешней политики—встала перед угрозой слома об арабскую солидарность²⁷. Президент Насер опять выступил в Египте, подтверждая свою прежнюю позицию в германском вопросе, которая «не делает ничего, что может углубить раскол Германии и угрожать возможности германского воссоединения»²⁸. Тем самым он хотел снять обострение отношений, которое вызвал бы визит Ульбрихта. Федеральное правительство 12 февраля 1965 г. официально заявило, что отныне ФРГ не пошлет оружия в Израиль, предложив ему финансовую компенсацию²⁹. 14 февраля израильское правительство отвергло это предложение, а на следующий день ФРГ объявило о прекращении финансовой помощи Каиру.

Правительство Западной Германии заседало два дня, решая разорвать отношения с ОАР в связи с визитом Ульбрихта или нет. Было решено не разрывать отношений с Египтом, но нормализовать отношения с Израилем. Свой «непринципиальный подход» к «доктрине Хальштейна, требующей разрыва отношений с Египтом, правящие круги ФРГ обосновывали тем, что если бы Западная Германия была бы «вытеснена с Ближнего Востока Москвой посредством Панкова (резиденция правительства ГДР.—А. М.), то это был бы триумф коммунизма, в котором никто в свободном мире, в том числе и Израиль, не был заинтересован. «Райнер Барцель, председатель фракции ХДС в бундестаге, заявил также, что этот шаг Бонна не означает капитуляции перед Насером, а является противодействием «советскому наступлению»³⁰. Западногерманское правительство, предвидя неизбежность принятия решения, от которого зависела бы вся их ближневосточная политика, обратилось с консультациями к союзникам. Однако ни Франция, ни Англия, ни США ничего не предприняли с целью под-

держат престиж ФРГ в арабском мире. Пассивная позиция союзников была осуждена в ряде выступлений членов правительства Западной Германии. В ответ послы США и Англии в Бонне заявили канцлеру Эрхарду, что они не могут пойти на разрыв отношений с Каиром, так как этим лишат в свою очередь Запад присутствия и влияния на Ближнем Востоке²⁹. Французское правительство присоединилось к этой позиции, тем более, что оно уже присматривалось к тем экономическим проектам, которые перейдут к ней в случае, если Бонн разорвет отношения с арабскими странами. С этой целью в Каир даже вылетела группа из 15 влиятельных промышленников.

Правительственные круги ФРГ охватило глубокое разочарование, поскольку на поддержку союзников возлагались большие надежды. Западногерманский политолог Г. Бехтольд в статье «Отсутствие западной координации в Каире» писал, что для Федеративной Республики, занимающей важное место в проведении совместной западной политики в арабских странах, начало 1965 г. послужило горьким уроком, т. к. стало ясно, что среди западных держав экономический потенциал не обязательно приравнивается к политическому, а политические интересы ФРГ еще долго не будут абсолютным обязательством для союзников. Никто из союзников не обязался помочь Бонну в его противостоянии арабским странам вследствие политики поддержки Израиля еще со времени подписания «договора о компенсации». Автор, отмечая стремление США и Франции сохранить хорошие отношения с арабами, с сожалением приходит к выводу: в результате того, что ФРГ «взяла часть западной ответственности за существование и безопасность Израиля на себя», поставила ему оружие, теперь с нее же и «сдирают шкуру» за это³⁰. Достаточно оригинален анализ сложившейся для ФРГ ситуации главного редактора газеты «Ди Цайт» М. Дёнхофф, которая писала, что Федеративная Республика находится в двойном переплете: с одной стороны, Египет, на который Бонн, следуя «доктрине Хальштейна», оказывает давление, с другой—Израиль, в отношении которого Западная Германия находится в состоянии «самоосознания своей вины». «Сейчас мы должны один день танцевать под свист Каира, на следующий—под свист из Иерусалима,—пишет автор.—Для арабов—мы поставляли оружие Израйлю—значит предали арабов; для евреев—мы отказались от поставок оружия—их предали, и это несмотря на миллиардную помощь Израйлю и из-за 60 млн. марок, которые мы хотим возместить деньгами, а не оружием»³¹. Эти мысли являются подтверждением отсутствия какой-либо принципиальности внешней политики ФРГ на Ближнем Востоке.

Кризис углублялся, чему в немалой степени способствовала непримиримая позиция влиятельным силам международного союзни-

ма, требующих от правительства США оказать давление на позицию ФРГ, заставить Бонн выступить однозначно на стороне Израиля, не идти даже на малейшие компромиссы с арабами, даже ценой разрыва всех отношений с арабским миром. В Соединенные Штаты срочно вылетел Р. Барцель, который встретился с президентом Джонсоном и «руководством еврейского общества». Он сообщал в Бонн, что Федеративная Республика подвергается опасности потерять доверие в Америке; сионистские круги из-за прекращения поставок оружия Израилю уже сейчас мобилизуют конгресс против Бонна, влиятельные еврейские банки США и Европы, промышленники вычеркнут фирмы ФРГ из списка партнеров, массовая сионистская организация Бнай Брит и Ветеранов войны начнут организовывать бойкот всех западногерманских товаров, уже проводятся антинемецкие демонстрации в разных уголках США³². Его сообщения, как пишет Ф. Шинкар, имели в дальнейшем заметное влияние на канцлера Эрхарда³³. Сам Р. Барцель, вспоминая эту поездку в США отмечал, что «каждые 30 минут» он принимал в отеле еврейские делегации — бизнесменов, лоббистов, журналистов. Для оказания давления на эмиссара из ФРГ были привлечены и религиозные деятели. Контакты же с израильским правительством были налажены при посредничестве бывшего генерала американской армии Юлиуса Клейна, заслуги которого, как пишет Барцель, идут с организацией встречи канцлера Аденауэра с премьер-министром Бен-Гурионом. Барцель встретился в Нью-Йорке на квартире Клейна с послом Израиля в США Хартманном и, как он вспоминает в своих мемуарах, «мы вскоре пришли к согласию»³⁴. Оно основывалось на том, что ФРГ не должна «подаваться давлению Насера, что означало бы создание опасности для Израиля, поскольку Насер хочет уничтожить Израиль. Дипломатическая победа над [Западной] Германией, пишет Барцель, дала бы ему сигнал в полной его безнаказанности и вскоре привела бы к войне. Он повторяет известные тезисы о том, что политика Федеративной Республики основывается на сохранении равновесия в отношении сторон арабо-израильского конфликта и защите безопасности Израиля, «поскольку Египет Насера находится под сильным советским влиянием». Лидер фракции ХДС Р. Барцель выступил активным сторонником установления дипломатических отношений с Израилем, считая что это заставит арабских соседей Израиля признать его международный авторитет, «жизненное право на существование в безопасных границах»³⁵.

5 марта 1965 г. Барцель вернулся из США и, заявив канцлеру Эрхарду, что «Федеративная Республика потеряет свой престиж и свою честь, потребовал, чтобы федеральное правительство непременно предложило Израилю установить дипломатические отношения. И если канцлер не примет этого решения, то Барцель

созывает Президиум ХДС для решения этого вопроса³⁸. Лидеры фракции ХДС/ХСС Аденауэр, Кроне, Барцель, Штраус имели беседу с канцлером, убеждая его в том, что прекращение поставок вооружения Израилю необходимо компенсировать не только деньгами, но и установленном нормальных дипломатических отношений, какую бы это реакция не вызвало в арабских странах. Более того, Барцель и Штраус потребовали разорвать дипломатические отношения с ОАР. Этот ультиматум ХДС/ХСС в некоторой степени был связан с теми требованиями, которые поставили перед специальным посланником правительства ФРГ, депутатом бундестага (ХДС) и крупным промышленником К. Бирренбахом на встречах в Тель-Авиве Л. Эшкол, Г. Меир, Ш. Перес. Одно из их требований гласило: «Будущий немецкий посол должен иметь резиденцию не в Тель-Авиве, как шефы миссий других держав, а в Иерусалиме (что означало остаться «нейтральной» к решениям ООН), фактически выступая наперекор решению о международном статусе Иерусалима»³⁹.

Против установления дипломатических отношений с Израилем выступало МИД ФРГ. Министр иностранных дел Герхард Шредер считал, что установление западногермано-израильских дипломатических отношений неизбежно приведет к кризису отношений с арабами, ослаблению общей западной позиции к дальнейшему «проникновению восточного блока» в стратегически и экономически очень важный ближневосточный регион. Это ослабление позиции ФРГ менее всего будет в интересах Израиля, поскольку «коммунистические государства энергично и без раздумия направят арабский национализм против Израиля»⁴⁰. Шредер выступал за сбалансированный курс сохранения дружественных отношений и с Израилем, и с арабскими странами. Позже он писал, что у правительства до этого вообще не было намерений устанавливать дипломатические отношения с Израилем, и это рассматривалось естественно со стороны израильского общества⁴¹. Ф.-И. Штраус публично требовал от Шредера ухода с поста министра иностранных дел, обвиняя его в пособничестве арабам⁴².

Посол ОАР в Бонне Гамаль Мансур сообщил 20 марта 1965 г. Насеру, что в ФРГ существуют три тенденции относительного дальнейшей позиции страны к сторонам арабо-израильского конфликта: 1) Шредер и фон Хассель, выступающие против каких-либо экономических и дипломатических санкций в отношении Египта и призывающие к согласию с арабскими странами; 2) группа Штрауса и приближенные бывшего канцлера Аденауэра, выступающие за прекращение экономической помощи Египту, тем самым предупреждая ультимативно все остальные арабские страны; 3) круги, втянутые в сделку с оружием и требующие как установления дипломатических отношений с Израилем, так и предоставле-

ния ему неограниченной военной и экономической помощи. Аденауэр, критикуя канцлера Эрхарда, заявил, что тот не должен был угрожать разрывом отношений с ОАР, а вместо этого сразу признать Израиль и продолжать поставки оружия. В конечном итоге в прекиях внутри правительства ФРГ верх одержала группа, активно выступавшая за установление дипломатических отношений с Израилем. Как пишет М. Хейкал, после долгих сомнений «Эрхард решил наказать Египет признанием Израиля»⁴¹.

МИД ФРГ, проанализировав ситуацию на Ближнем Востоке, пытался составить прогноз: как разовьются события на Ближнем Востоке и как отреагируют арабские правительства в случае установления дипломатических отношений ФРГ с Израилем. Предполагалось, что 13 арабских стран вероятнее всего разделятся на следующие три лагеря: 1) Египет, Ирак, Йемен разорвут дипломатические отношения с БФРГ и признают ГДР; 2) Иордания, Сирия, Алжир прервут отношения с БФРГ, но не прекратят экономических связей с ФРГ и не признают ГДР; 3) Тунис, Ливан, Марокко, Саудовская Аравия, Кувейт останутся на резких протестах.

В заявлении федерального правительства «К положению на Ближнем Востоке» от 7 марта 1965 г., в частности, говорилось, что установление дипломатических отношений с Израилем является лишь шагом к нормализации отношений между обеими странами. Арабским странам не надо его рассматривать как действие, направленное против них. Кроме того, федеральное правительство для получения поддержки консервативных арабских режимов использовало и пропагандистские маневры, заявляя, что все это произошло из-за политики президента Насера, «давшего свободную дорогу все возрастающему коммунистическому влиянию в арабском мире»⁴².

Созванное по требованию Ирака 9 марта 1965 г. в Каире чрезвычайное заседание Лиги арабских стран приняло следующие решения: разрыв дипломатических отношений с ФРГ, если она на деле призывает Израиль разорвать экономических отношений, если Федеративная Республика останется на своей враждебной позиции по отношению к ОАР; бойкот западногерманских товаров и установление эмбарго на нефть в ФРГ из арабских нефтедобывающих стран.⁴³ Египетский представитель резко осудил проводимую на Ближнем Востоке и Африке политику ФРГ как империалистическую и неоколониалистическую. Арабские министры иностранных дел подтвердили резолюцию о новых отношениях арабских государств к другой стране на основе позиции этой страны к вопросу Палестины. На этом заседании министры иностранных дел стран-членов Лиги арабских государств выжились и серьезные разногласия. У большинства участников заседания единство было

лись по двум вопросам: отзыв послов и разрыв дипломатических отношений с ФРГ в случае ее призвания Израилем. Тунис, Марокко и Ливия не были согласны с этим решением Лиги. К требованию Египта о разрыве экономических отношений с Западной Германией присоединились только Ирак и Йемен. И тем не менее эти решения до предела обострили ситуацию, в результате чего ФРГ лишилась всего накопленного годами политического багажа и авторитета в арабском мире.⁴³

Федеральное правительство выступило с новым заявлением «Об отношении ФРГ к Израилю и арабским странам», в котором пыталось предотвратить этот шаг арабских государств. Правительство ФРГ убеждало, что оно «очень заинтересовано в хороших отношениях со всеми арабскими странами. Оно очень серьезно восприняло арабское беспокойство положением на Ближнем Востоке.» Далее в заявлении говорилось, что Западная Германия своим решением прекратить поставки оружия Израилю «внесла свой вклад в разрядку ситуации на Ближнем Востоке, что было в интересах арабских стран»⁴⁴. Бросается в глаза та легкость, с которой правящие круги ФРГ варьируют своими принципами в отношении сторон арабо-израильского конфликта. Если ранее они поставки оружия Израилю считали мерой, содействующей мирному урегулированию ближневосточного конфликта вследствие созданного равновесия сил на Ближнем Востоке, то сейчас они прекращение этих же поставок расценивали как свой вклад в разрядку на Ближнем Востоке.

Помимо заявлений федеральное правительство предприняло и ряд практических шагов с целью предотвратить разрыв отношений с арабскими странами. Так, в течение короткого периода Египет несколько раз посетил крупный промышленник, депутат бундестага Р. Вернер/ХДС/, перед которым в Каире поставили следующие требования: прекращение поставок оружия Израилю; отказ от предстоящей официальной встречи канцлера Эрхарда с премьер-министром Эшколом; компенсация поставленного оружия Израилю таким же количеством Египту; предоставление Египту кредита в 750 млн. марок на вторую пятилетку. И хотя в правительстве ФРГ раздавались голоса, что необходимо принять эти требования и, более того, повысить объем «помощи развитию» и притом без дискриминаций, требования Египта были решительно отвергнуты.⁴⁵

Столицы Ливана и Сирии посетил статс-секретарь Ларс: статс-секретарь МИД Карстенс — короля Фейсала, который мог бы выступить против политики Насера и отношении ФРГ из-за столкновения интересов Саудовской Аравии и Египта в Йемене; депутат Штольтенберг посетил Судан. В Марокко, Тунис и Ливию чрезвычайные посланники не были посланы, так как правительства

этих стран по дипломатическим каналам дали понять, что не предпримут жестких шагов против Бонна. В арабских столицах проходили демонстрации протеста перед зданиями посольств Западной Германии. Неожиданно быстрое решение израильского правительства об установлении полных дипломатических отношений с ФРГ поставило Бонн перед дилеммой. Ведь в случае установления дипломатических отношений с Израилем Западная Германия теряла обширный и емкий арабский рынок (5% западногерманского экспорта): кула, например, в 1964 г. было экспортировано товаров на полтора млрд. марок и импортировано нефти почти на 2 млрд. марок. А главное, Федеральное правительство опасалось, что ввиду отсутствия экономического и дипломатического присутствия ФРГ ничто уже не помешает арабам признать ГДР.

Как было уже отмечено, кнессет Израиля после четырехчасового заседания принял решение об установлении дипломатических отношений с ФРГ на уровне посла, несмотря на многочисленные демонстрации протеста израильских граждан, переживших все невзгоды и несчастья, которые им доставила вторая мировая война. Израильское правительство стремилось установлением дипломатических отношений с ФРГ использовать этот, в какой-то степени исключительный, шанс, с целью привести западногермано-арабские отношения к разрыву и тем самым ослабить влияние арабских стран в Западной Европе. Израильское правительство ни в коем случае не могло упустить возможности поднять свой престиж на международной арене, доказав миру, что арабские страны не являются преградой при решении внешнеполитических задач Тель-Авива. Выступая 16 марта 1965 г. в кнессете, Леш Эшкар заявил что, с одной стороны, установление дипломатических отношений с Бонном — «это полный значимости пример отпора шантажистскому давлению наших соседей», которые хотят навязать другим странам чувство вражды в отношении Израиля, с другой стороны, подчеркнул он, ФРГ имеет большую силу и влияние в Европе и ЕЭС, чем и воспользуется Израиль⁴⁷. За установление отношений с ФРГ проголосовали 66 депутатов кнессета, 29 — против и 10 — воздержались⁴⁸. Среди противников установления отношений были и враждебно относящиеся к Федеративной Республике будущие премьер-министры Израиля Голда Меир и Менахем Бегин.

Характерно, что если в начале кризиса израильские государственные и общественные деятели не стремились к установлению дипломатических отношений с ФРГ, то теперь в марте 1965 г., они активно добивались этого. Привлекает внимание ряд их высказываний по этому поводу, в значительной степени разъясняющий позицию Израиля. Так, в интервью журналу «Шпигель»

израильский министр Шимон Перес заявлял, что в западногерманской конституции должна быть особая статья, касающаяся Израиля, по которой ФРГ обязана была бы конституционно защищать Израиль. «Я считаю безопасность важнее, чем дипломатические отношения. Границы защищаются не послами, а оружием,—говорил он.—Я не хотел бы видеть немецко-израильские отношения основанными исключительно на финансовых соглашениях»⁴⁹. Израильские стремились завладеть как можно большим количеством оружия, а не вылечить «моральные страдания» немцев за прошедшую войну установленным с ними дипломатическими отношениями. На вопрос, что он считает важным для Израиля, оружие или дипломатические отношения, бывший премьер-министр Бен-Гурцион уверенно ответил: «без сомнения, оружие». ФРГ «должна в дальнейшем посылать нам оружие». Заявляя, что у немцев есть моральный долг, который и должен их обязать посылать оружие детям тех, родителей которых преследовали нацисты и которые создали свой очаг—государство Израиль, Бен-Гурцион предупредил, что вместе с тем немцы не имеют никакой моральной почвы посылать оружие Насеру, чего не было у федерального правительства и в мыслях⁵⁰. Выступая в Брюсселе перед прессой председатель исполкома Всемирного еврейского конгресса Наум Гольдман подверг критике решение Бонна о прекращении поставок оружия Израилю, охарактеризовав позицию ФРГ «серьезнейшей ошибкой» в западногерманской политике в отношении арабо-израильского конфликта. В будущем, вероятно, Федеративная Республика в рамках НАТО пошлет оружие Израилю, предположил он⁵¹.

Федеральное правительство решительно выступило против того, чтобы заявить миру лишь об установлении дипломатических отношений с Израилем без каких-либо сопутствующих экономических и финансовых соглашений. Вслед этим разрыв тайного договора о поставках оружия Израилю был бы утвержден перед всеми арабскими странами. Бонн придавал большое значение тому, чтобы у арабов не сложилось мнение о существовании нового тайного соглашения между ФРГ и Израилем. Во время встречи канцлера Эрхарда с руководителем торговой миссии Израиля в ФРГ Ф. Шиннаром последнему было заявлено, что новые отношения с Израилем будут строиться на следующих принципах—без тайных договоров, без поставок вооружения, без привилегированного положения Израиля в «помощи по развитию» среди других стран, которым она оказывается⁵². Это было со стороны ФРГ последней попыткой сделать «хорошую мину при плохой игре» перед арабскими государствами.

Канцлер ФРГ Эрхард и премьер-министр Израиля Эшкол обменялись в связи с установлением дипломатических отношений

посланиями. Эрхард писал, что позиция, занятая Федеративной Республикой Германии, свидетельствует о понимании ею «особого положения немцев в отношении евреев всего мира, в том числе и Израиля». Он убеждал, что «путь к счастливому будущему обоих наших народов будет проложен»⁵³. Эшкол в своем ответном письме разделил надежду канцлера в том, что их совместное решение является значительным шагом к лучшему будущему⁵⁴.

12 мая 1965 г. ФРГ и Израиль установили дипломатические отношения на уровне послов. На следующий же день федеральное правительство выступило с заявлением, в котором вновь заверило арабов, что установление дипломатических отношений с Израилем не направлено против арабских стран, «особенно народов тех стран, с которыми немецкий народ дружен», и что между ФРГ и Израилем не существует никаких тайных договоренностей⁵⁵.

Вечером 12 мая 1965 г. первым разорвал дипломатические отношения с Бонном Ирак. В течение двух дней с ФРГ разорвали дипломатические отношения еще девять арабских государств — ОАР, Алжир, Сирия, Саудовская Аравия, Кувейт, Йемен, Иордания, Ливан и Судан. Тунис, Марокко и Ливия дипломатические отношения с Западной Германией сохранили. В результате раскола арабского мира на два лагеря, правительство ОАР отложило свое предварительное решение урегулировать отношения с ГДР, вплоть до признания. Египет, стремясь сохранить единство среди арабских государств, разорвавших отношения с ФРГ, не желал признанием ГДР содействовать созданию трехстороннего раскола. Саудовская Аравия, Кувейт, Иордания и Ливан отвергли подобный шаг как «недискутируемое требование»⁵⁶. Правительственные круги в Каире считали, что на этой стадии развития событий необходимо предупредить произраильские элементы в боннском правительстве от распространения антиарабских настроений в ФРГ, отвести их от лозунгов, что арабы «противники» «германских надежд на объединение»⁵⁷.

Разрыв рядом арабских стран отношений с ФРГ свидетельствовал о серьезном поражении, которое потерпела западногерманская ближневосточная политика. Позиции Бонна на Ближнем Востоке серьезно пошатнулись вследствие его политики сговора и тайных поставок оружия Израилю. Крах арабской политики ФРГ произошел в результате попыток Бонна оказать давление на режим Египта во главе с президентом Насером, вмешательства во внутренние дела этой страны, не подчинившегося «доктрине Хальштейна». Курс федерального правительства на сближение с Израилем вызвал настолько гневный протест и негодование среди арабской общественности, что даже прави-

тельства ряда консервативных прозападных государств арабского мира разорвали дипломатические отношения с ФРГ.

В 60-е гг. боннская политика поддержки Израиля была особенно опасна тем, что она являлась составной частью политики «холодной войны». Бонн поддерживал агрессивные устремления правящих кругов Израиля, вооружая и финансируя его, представляя тем самым угрозу миру на Ближнем Востоке. Поставки стратегических товаров значительно укрепили экономику Израиля, более того, они способствовали тому, что более 80% израильских предприятий, производящих оружие, были построены с помощью ФРГ⁶⁰. Продукция и сырье, отправляемые в Израиль, входили в составленный список товаров, на которые было наложено эмбарго на отправку в социалистические страны, так как они характеризовались как «важный для войны материал»⁶¹.

В ФРГ огромную роль в оказании помощи Израилю играли западногерманские монополии и банки. Среди тех, кто делал добровольные взносы в казну Израиля, были «Дойче банк», «Берлинер Банк», «Франкфуртер банк», «Байернше апотекеи—унд лексель-банк», старый банковский дом «Леопольд Зеллманн» из Кельна, «Золмон Оппентейм юнгере унд К^о», «Дж. Штейн», концерты «Херти», «Маннесманн», «Фридрих Крупп» и многие другие⁶². Свой «мост дружбы» с Израилем навел западногерманский король прессы Аксель Шпрингер, подаривший Израилю в 1966 г. 3,6 млн. марок⁶³.

Стремись вооружить Bundeswehr атомным оружием, ФРГ сотрудничала с Израилем в исследовательских работах в области атомной энергии. Только с 1960 по 1966 год фирма «Фольксваген» предоставила Израилю на эти цели 25,4 млн. марок, а федеральное правительство—81,5 млн. В научно-исследовательском институте имени Вебмана в Реховоте (Израиль) работало 52 ученых-атомника и свыше 400 специалистов из ФРГ. И вместе с тем официальные лица в Бонне утверждали, что ФРГ не имеет ничего общего с израильскими проектами по созданию атомной бомбы⁶⁴.

В 1965—1967 гг. между ФРГ и Израилем установились тесные политические, экономические и культурные отношения. Так, 11 мая 1966 г. было подписано соглашение о предоставлении кредитной помощи Израилю в размере 160 млн. марок, которое с каждым годом должно было возобновляться⁶⁵. Западногерманские капиталовложения за один лишь 1965 г. возросли вчетверо по сравнению с 1964 г. и существовала тенденция к их дальнейшему росту⁶⁶. В 1965 г. западногерманский экспорт в Израиль составил 276,4 млн. марок⁶⁷. Премьер-министр Израиля Л. Эшкол, в одном из своих интервью, выразил удовлетворение состоянием дел в отношениях с Западной Германией, подчеркнул, что ФРГ

должна помочь Израилю стать членом ЕЭС и тем самым способствовать дальнейшему развитию экономики Израиля⁶⁶. Визит бывшего канцлера ФРГ Конрада Аденауэра в Израиль в мае 1966 г. являлся не только выражением ему благодарности со стороны правительства Израиля за его многолетние усилия в деле поддержки Израиля и его политики, но и признанием всей западногерманской политики в отношении Израиля и удовлетворение развитием отношений между обеими странами⁶⁷.

Охарактеризовавший ближневосточную политику ФРГ как «сложное искусство балансирования с целью не впасть ни на одного или обоих чувствительных партнеров» (арабов или израильтян), западногерманский исследователь Й. Крислер откровенно заявлял, что для достижения какой-либо внешнеполитической цели на Ближнем Востоке ФРГ должна выйти из арабо-израильского конфликта, чтобы не дать в противном случае повода арабским странам признать ГДР⁶⁸. А если уж и произошел «Сталинград немецкой ближневосточной политики», как писала западногерманская пресса, то уловило искать возможности для того, чтобы не только Израиль, но и арабские государства стали дипломатическими партнерами ФРГ⁶⁹.

Кризис ближневосточной политики Федеративной Республики выявлял слабые стороны ее внешнеполитических концепций, излишнюю уверенность в своем международном влиянии, особенно среди арабских стран, опирающуюся на чрезвычайной заинтересованности арабских правительств в экономической и финансовой помощи со стороны ФРГ. Правящие круги Бонна считали, что постоянным провозглашением опасности «коммунистического проникновения» на Ближний Восток они смогут прикрыть и оправдать вооружение Израиля хотя бы среди большинства арабских государств. В то же время ФРГ даже при угрозе разрыва отношений с арабским миром все равно пошла на поддержку Израиля, исходя не только из политических соображений, но и под решительным международным давлением. В ФРГ тем не менее глубоко анализировали причины, повлекшие за собой столь нежелательный исход на Ближнем Востоке.

Кризис показал, что Федеративная Республика должна сама заботиться о себе, писал в мае 1965 г. в органе Христианско-демократического союза «Политише майнунг» («Политическое мнение») Г. Кастер. Бонн, считал он⁷⁰, должен восстановить доверие арабских правительств незаменимым средством — предоставлением широкой экономической помощи и новыми предложениями кредита. Анализируя причины разрыва арабскими странами отношений с Бонном, Кастер в другой своей статье писал, что проведение самостоятельной ближневосточной политики Федеративной Республике постоянно мешали интенсивные усилия Ва-

шингтона, направлявшего Бони на Ближнем Востоке, то одним курсом, то другим. Такой ошибкой, по мнению автора, являлось и предоставление широкой финансовой помощи в основном только Египту, так как существовала провозглашенная со стороны США «опасность падения Египта в восточный блок». И ФРГ следовала беспрекословно этому курсу, что, отметим, было выгодно и ей самой. Арабские же страны, отмечал Кастер, всегда видели в лице ФРГ длинную руку Америки, чему имели достаточно оснований. Автор предлагал не рассматривать более Каир как центр арабского мира, не ставить ставку лишь на него одного, а в будущем установить тесные отношения со всеми арабскими странами, тонко учитывая различные тенденции их внутри- и внешнеполитического развития⁷¹. Профессор политологии и в Мюнхена П. Ноак, критикуя механизм выработки и принятия решений в правительстве ФРГ, видел одну из главных причин возникновения кризиса в нерешительных действиях правительства, в противостоянии ведомства канцлера и его близкого окружения с МИД ФРГ. Кроме того, по его мнению, активная гибкая внешняя политика ФРГ не была возможна в этот период из-за «доктрины Хальштейна, которая сыграла в данном случае роль «линии Мажино»⁷². Западногерманские арабисты Э. Хельменсдорфер и П. Майер-Ранке считали, что Бони «сам себе нанес вред», «слесиво связан» вопрос признания ГДР и поставки оружия Израилю, подтолкнув арабские страны на разрыв отношений с ФРГ по вопросу о Палестине⁷³.

Как следует из вышесказанных мнений и других, аналогичных им, в основном все западногерманские исследователи видели ошибку федерального правительства, в тех или иных элементах и стадиях развития кризиса, в неспособности правильно и вовремя оценить и среагировать на выступления и требования арабских государств, в неуказательном следовании «доктрине Хальштейна», но никто критически не относился к самому главному элементу кризиса — тайным поставкам современного вооружения Израилю, что и явилось причиной возникновения кризиса. Если даже критике подвергался основной принцип внешней политики ФРГ — «доктрина Хальштейна», то отсутствие малейшей критики в адрес решения о поставках оружия Израилю говорит о месте и роли Израиля во внешней политике Западной Германии.

В поисках «причин», вызвавших провал политики на Ближнем Востоке, эксперт по ближневосточным проблемам Х. фон Имхофф заявил, что во всем виновата была Сирия, которая, выйдя из «насеровского фронта», косвенно сыграла роль буфера и подтолкнула Египет в вопросе разрыва отношений с ФРГ. И именно вследствие сирийской позиции Египет был вынужден консолидироваться с арабскими странами, приняв резолюцию о

разрыве отношений со странами, которые поддерживают Израиль, а в данном случае — с Западной Германией⁷⁴. Такая постановка вопроса не беспорядна, поскольку Египет довольно-таки принципиально следовал антиизраильскому курсу в целом, а в отношении с ФРГ первым из арабских стран выступил против поставок оружия Израилю, начав этим широкое выступление остальных арабских государств. Необходимо подчеркнуть и последовательную линию, которой придерживались в этом вопросе также правительства Сирии и Ирака. Совместное выступление десяти арабских государств значительно подняло их международный престиж, заставило других прислушиваться к их мнению. Провал арабской политики ФРГ в 1965 г. явился в будущем предостережением и для других государств, заставил их задуматься и даже пересмотреть свое отношение относительно сторон, вовлеченных в арабо-израильский конфликт. Сам факт того, что ФРГ перестала посылать оружие Израилю и перешла к новым формам его финансово-экономической поддержки, говорил об успехе арабской политики.

После разрыва дипломатических отношений с арабскими странами в прессе ФРГ стали появляться нотки недовольства тем, что для западногерманской промышленности потеря такой, сулящей в будущем большие прибыли, обширный арабский рынок, несмотря на приобретение друга в лице Израиля. Представители торгово-промышленной буржуазии, имеющие деловые связи и прямые интересы в арабском мире, считали, что дипломаты и правительство допустили ошибку на Ближнем Востоке. Вследствие этого прекратилось выполнение ранее взятых обязательств по «помощи развитию»: являющейся важным стимулом западногерманского экспорта товаров в арабские страны, и кроме того, «основной составной частью современного неоколониализма, переходящего от методов внешнеэкономического принуждения и разграбления колоний к системе экономических, политических и идеологических отношений подчинения развивающихся стран»⁷⁵. Монополии ФРГ много теряли в результате разрыва дипломатических отношений с арабскими странами, чем, собственно говоря, и объясняются их призывы к правительству Западной Германии начать более благоразумную политику в отношении стран этого региона.⁷⁶

Уже 10 ноября 1965 г., выступая в бундестаге, канцлер ФРГ Л. Эохард заявил о своей готовности восстановить связи с арабскими странами, если они проявят понимание того факта, что между Бонном и Тель-Авивом существуют нормальные отношения⁷⁷. 25 февраля 1966 г. на пресс-конференции он выразил готовность восстановить «традиционные» отношения с арабскими

государствами, отметил, что нынешнее состояние—отсутствие дипломатических отношений—«неудовлетворительное»⁷⁸. 10 июня 1966 г. канцлер ФРГ, выражая готовность возобновить отношения, заявил, что поскольку они прерваны арабскими правительствами, то и инициатива должна исходить от них самих⁷⁹. После подписании западногермано-израильского соглашения об оказании финансовой помощи, правительство ФРГ обратилось к арабским странам «как можно скорее» нормализовать прерванные отношения, заверяя их, что оказание помощи кредитом Израилю не направлено против арабских стран, а является лишь частью, охватывающей весь мир политики ФРГ по оказанию помощи развивающимся странам. В заявлении, обращенном к арабским государствам, выражалась надежда на «благоразумие арабских стран»⁸⁰.

Однако федеральное правительство лишь на словах ждало прояснения «инициативы» арабских стран в деле восстановления прерванных дипломатических отношений, практически же оно вело активную политику неофициальных контактов с арабскими государствами. МИД ФРГ был взволнован тем, что ни одна арабская страна не выполнила своего намерения и не признала ГДР. В самих арабских странах, нормализованные отношения с Западной Германией, существовали мощные тенденции в пользу восстановления отношений с Восточной, поддерживаемые западными союзниками ФРГ—США, Англией и Францией, которые все же увидели в провале ближневосточной политики ФРГ ослабление общих позиций Запада в регионе. С этой точки зрения для них было предостережением выступление президента Насера в Хелуане 18 ноября 1965 г.: «Наш друг не тот, кто склоняется на сторону Израиля и хочет показать нам неоимпериализм или сохранить старую в отношении нас империалистическую политику, кто «страдает» от упрочения социалистических порядков в наших краях, тому мы не станем силой навязывать свою дружбу»⁸¹.

В заключительном комюнике 46-й сессии Совета Лиги арабских стран (Каир, сентябрь 1966 г.) было подтверждено, что страны Запада, поставляющие оружие Израилю, поощряют тем самым его на агрессию⁸². А министр обороны Ирака Шакер Шукри ранее заявил, что «Израиль—это не единственный агрессор, поскольку мы считаем врагами все империалистические державы, поддерживающие его»⁸³. Вместе с тем в ряде арабских государств раздавались голоса о необходимости восстановления дипломатических отношений с ФРГ. Так, Баки надеялся, что, предложив в обмен оказание большой финансовой и технической помощи, он восстановит в скором времени отношения, по крайней мере, с Иорданией, Саудовской Аравией, Ливаном и Суданом—после то-

го, как в конце 1966 г. будет сформировано новое федеральное правительство.

В 1966 г. ФРГ в экономическом, внешне- и внутривластическом отношениях неожиданно оказалась в весьма неустойчивом положении, чему в некоторой степени содействовало и крупное поражение внешней политики ФРГ на Ближнем Востоке. Правительство канцлера Людвиг Эрхарда, опиравшееся в бундестаге на союз блока ХДС/ХСС и Св.ДП, задолго до окончания срока правления подало в отставку. Эрхард, как тремя годами раньше Аденауэр, был устранен не в силу поражения своей партии на выборах, а в результате «дворцового переворота». «Это была попытка различных сил в ХДС/ХСС и стоявших за ней групп монополистического капитала спасти прежний внешнеполитический курс путем тактических изменений и привлечения к власти более гибких исполнителей»⁸⁴. Значительная часть правящего класса Западной Германии осознала, что неизбежные поправки к проводившемуся до этого внешнеполитическому курсу едва ли можно будет осуществить без активного участия в правительстве представителей Социал-демократической партии Германии. Лидеры СДПГ понадобились для того, чтобы повысить гибкость и авторитет внешней политики ФРГ по отношению к социалистическим и развивающимся странам⁸⁵. В конце ноября—начале декабря 1966 г. в Бонне был создан правительственный блок—ХДС/ХСС и СДПГ, так называемая «большая коалиция», продолжающая ставшую традиционной опору во внешней политике на «атлантическую солидарность», на тесный союз с США⁸⁶ и провозгласившая новую восточную политику, носившую показной характер. По сути дела правительство ФРГ продолжало ревизионистский курс, отказываясь от признания нерушимости границ в послевоенной Европе, так как стоявшие у власти представители ХДС/ХСС оставались тесно связанными с внешнеполитическим наследием Аденауэра⁸⁷.

В первом же своем правительственном заявлении вновь избранный канцлер ФРГ Курт Георг Кизингер (ХДС) обратился к проблеме ближневосточной политики страны, в основном следуя принципам прошлого правительства Эрхарда. Канцлер заявил, что с десятью арабскими государствами в настоящее время, к сожалению для ФРГ, нет дипломатических отношений. Но он, однако, выразил уверенность, что «традиционно хорошее сотрудничество» во взаимных интересах вскоре будет возобновлено и развито. Далее канцлер, отметив, что отношения с Израилем и еврейским народом улучшились благодаря установлению дипломатических отношений, заверил, что ФРГ пойдет «по этому пути и дальше»⁸⁸.

В дебатах по внешней политике новый вице-канцлер и министр иностранных дел ФРГ, председатель СДПГ Вилли Бранд подчеркнул, что новое федеральное правительство одной из своих важных задач считает «по возможности скорейшее восстановление добрых отношений» со всеми арабскими государствами, выступая вместе с тем за право Израиля на существование в безопасных границах. При этом В. Бранд отметил, что для правительства представляется само собой разумеющимся, что оно не будет вмешиваться во внутренние проблемы отдельных арабских стран и поддерживает усилия ООН, направленные на урегулирование «трудностей» на Ближнем Востоке⁸⁹.

Новое правительство и не скрывало, заявляя открыто, что оно стремится восстановить свои утраченные позиции на Ближнем Востоке. Исследователь проблем Ближнего Востока П.—Майер-Ранке советовал правительству ФРГ для достижения этой цели отказаться «плыть в фарватере Америки в арабском мире». Это, как и практика применения «доктрины Хальштейна» — «неэластичного инструмента» внешней политики ФРГ — привели к тому, что арабские страны отвернулись от Бонна. По его мнению, новая западногерманская ближневосточная политика должна учитывать сильный авторитет президента Насера, возросшее влияние социалистических стран на Ближнем Востоке и не ставить более арабов перед дилеммой — «ФРГ или ГДР». Бонн вернется на Ближний Восток, считал Майер-Ранке, если будет внимателен к арабской реальности и не будет вмешиваться во внутриарабские конфликты⁹⁰.

27 февраля 1967 г. МИД ФРГ сообщил, что Иордания и ФРГ заявляют о восстановлении дипломатических отношений, считая, что этим совершат шаг к укреплению «традиционных дружественных отношений»⁹¹. Таким образом, Иордания первой вышла из фронта колеблющихся арабских стран в вопросе установления дипломатических отношений с ФРГ, взяв инициативу на себя. Для Бонна, по свидетельству источников, этот шаг короля Хусейна был в некотором роде сюрпризом⁹². Впрочем, было ясно, что этот шаг претворяют с целью показать, что Иордания не находится в лагере Насера и может независимо осуществлять свою внешнюю политику. Разрывая кольцо арабской солидарности в отношении ФРГ, Иордания преследовала цель улучшить и свои экономические проблемы получением кредитов из Западной Германии, несмотря на то, что представитель правительства ФРГ, коснувшись будущих экономических связей с Иорданией, заявил журналистам что восстановление отношений с ней является политическим актом и не связано с какой-либо «экономической помощью этой стране». Заявление звучало весьма неубедительно, поскольку далее в

нем выразилось противоположное предыдущему высказывание, что экономические отношения между ФРГ и Иорданией, а также другими арабскими странами «будут складываться в зависимости от состояния политических отношений»⁹³, т. е. Бонн давал понять арабским правительствам, что только восстановив отношения они могут рассчитывать на западногерманскую помощь. Позднее статс-секретарь МИД ФРГ К. Шуц откровенно заявил арабским странам: «Только после восстановления отношений ФРГ намерена непременно начать переговоры о помощи»⁹⁴.

Попытки Бонна заставить и другие арабские государства последовать примеру Иордании не увенчались успехом. Так, в Мекке король Фейсал на вопрос, возобновит ли он отношения с Бонном, ответил, что если большинство арабских стран пожелают возобновить их, Саудовская Аравия подчинится решению большинства⁹⁵. Президент Насер отклонил возможность возобновления отношений между ОАР и ФРГ, отметив при этом, что «если даже все другие арабские государства возобновят отношения с Западной Германией, то ОАР все равно не пойдет на это»⁹⁶. Установление дипломатических отношений Иордании с ФРГ было охарактеризовано в Египте как «предательство Арабской Лиге из-за боннских концессий»⁹⁷. Сирийское правительство также осудило этот шаг Хусейна как «явное предательство» арабской солидарности⁹⁸. В заявлении министров иностранных дел Ирака и Ливана говорилось, что решение о восстановлении отношений с Бонном может принять только Лига арабских государств.⁹⁹

На проходившей с 14 по 18 марта 1967 г. сессии Совета Лиги позиция Иордании под давлением большинства арабских государств была строго осуждена. В ответной ноте Генеральному секретарю Лиги Абдель Халеку Хасуне Иордания ответила, что разрыв с Бонном в 1965 г. был совершен из-за солидарности с арабскими государствами, и так как «сегодня солидарность в арабском мире более не существует, то Иордания не видит никаких причин сохранять разрыв с ФРГ»¹⁰⁰. Столь однозначное выступление Иордании против арабской солидарности в вопросе ФРГ явилось результатом не только чрезвычайной заинтересованности в финансово-экономической помощи ФРГ, но и выражением политики ряда умеренных и консервативных арабских государств, которые, однако, пока открыто не выступили за улучшение политических отношений с Западной Германией. После серии контактов Бонна и его посредников с большинством арабских стран, желавших нормализации отношений с ФРГ, Генеральный секретарь Лиги Хасуня посетил Бонн (18–21 апреля 1967 г.), где имел встречу с канцлером ФРГ Кизингером и продолжительные беседы с министром иностранных дел Брандтом, подтверждавших ему

желание «как можно скорее восстановить» хорошие отношения с арабскими странами⁹¹. Визит Хасуна как бы подтверждал, что недовольство ряда арабских государств со своей стороны отсутствием отношений с ФРГ вскоре приведет к отмене решения Лиги от 1965 г. Так, министр иностранных дел Ливана Дж. Хаким заявлял в связи с визитом Хасуна в Бонн, что он был «внутренне удивлен». Говоря же о позиции Ливана, министр отметил, что настроен оптимистично относительно отношений с Бонном⁹². Каирская газета «Аль-Ахрам», наоборот, считала, что визит закончился для арабов неудачно, поскольку В. Брандт не дал никаких гарантий, даже гарантий нейтралитета Западной Германии в конфликте между арабскими странами и Израилем⁹³.

Кризис ближневосточной политики ФРГ, разразившийся в 1965 г., явился логичным следствием однозначной произраильской позиции Западной Германии и отношении сторон арабо-израильского конфликта. Политика правящих кругов Западной Германии, не принимая во внимание интересы арабских государств, содействовала вооружению Израиля, чем в значительной мере способствовала укреплению его агрессивных внешнеполитических притязаний. Усилия Бонна вернуть свои позиции на Ближнем Востоке, восстановить отношения с арабскими государствами, разорвавшими их вследствие установления дипломатических отношений между ФРГ и Израилем и тайных поставок оружия, были прерваны событиями на Ближнем Востоке, перешедшими в кризисную фазу.

§2. ПОЗИЦИИ ФРГ В ОТНОШЕНИИ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА В ПЕРИОД ИЮНЬСКОЙ ВОЙНЫ 1967 Г.

В условиях обострения отношений между Сирией и Израилем в апреле 1967 г. с целью не допустить нападения Израиля на Сирию в середине мая в Египте была проведена мобилизация войск. Отправка египетской армии из Суэца не преследовала реальных наступательных военно-политических целей, однако произошла эскалация конфликта, и к этому привела целенаправленная политика Израиля, которая поддерживалась США и была в основном скоординирована с политикой Соединенных Штатов. «Вывод войск ООН из Шарм-эш-Шейха и ввод египетских войск был в данном случае на руку США, «которые пытались политическими средствами заставить Насера капитулировать (т. е. вывести войска из этого района.—А. М.), либо сделать это военными методами с помощью Израиля»⁹⁴.

Египетское правительство, считая, что израильские и прои-

транские суда доставляют в порт Эйлат (Израиль) по Тиранскому проливу и Акабскому заливу грузы стратегического характера («немирные»), 22 мая блокировало залив¹⁰⁵. Начался акабский кризис.

В дни акабского кризиса в конце мая 1967 г. ФРГ целиком встала на защиту интересов Израиля, потребовав «свободы проливов» и заявила о нейтралитете в кризисе. «Мы не за односторонние решения, а за возможные решения, не за применение силы, а за политику ненападения. Вот почему наше правительство поддерживает принцип свободного прохождения судов по всем морям», — заявил министр иностранных дел ФРГ В. Брандт на пресс-конференции 31 мая 1967 г., не упоминая залив Акаба как таковой¹⁰⁷. Более того, интересен сам факт, что федеральное правительство было бы не прочь не высказывать своей точки зрения, даже в столь туманных выражениях и уклониться от заявления. Брандт зачитал подготовленное заявление лишь после того, как его попросили высказаться относительно позиции его правительства в вопросе о заливе Акаба.

Однако это заявление Брандта не должно ввести нас в заблуждение относительно истинной позиции ФРГ. Доказательством может служить и выступление органа СДПГ еженедельной газеты «Форвертс» за сдержанность и невмешательство в провозглашении официальной позиции. Ранее, 27 апреля 1967 г., газета призывала видеть большую разницу между опубликованным заявлением правительства и общественным мнением¹⁰⁸.

Израильский историк А. Нойштадт, отмечая, что хотя в вопросе блокады Египтом порта Эйлат «симпатия ФРГ несомненно была на израильской стороне», тем не менее укорял федеральное правительство в «уклонении от любого конкретного отношения». Эта осмотренность, писал он, приводила позже даже к инцидентам, которыми немецко-израильские отношения временно отягощались¹⁰⁹.

Однако все же заявление Бонна о нейтралитете ФРГ в отношении создавшегося на Ближнем Востоке кризиса не ввело арабские страны в заблуждение относительно истинной позиции федерального правительства. Так, на пресс-конференции 28 мая 1967 г. президент Насер отметил, что арабы не смогут забыть боннские подарки оружия Израилю, совершенные за спиной арабов. Президент обратил внимание журналистов на то, что западногерманские газеты выступают целиком на стороне Израиля¹¹⁰.

Бонн, как писала «Нойес Дойчланд», создал так называемый «кризисный штаб» в ожидании «расширения конфликта». Целью этого штаба было гарантирование, «в случае действительной опас-

ности, безопасности и порядка в федеральной области» (т. е. в ФРГ—А. М.)¹¹¹.

В кампанию против арабов активно подключились средства массовой информации ФРГ—радио, телевидение, пресса. В западногерманской печати на самую высокую ноту были подняты антиарабские настроения. Президент Насер отождествлялся с Гитлером. Действия Египта по блокированию Акабского залива сравнивались с вторжением Гитлера в Судеты. Шпрингеровская «Вельт» потребовала одновременно создать «корпус добровольцев» из молодых немцев для отправки в Израиль, которому предлагалось первым напасть на ОАР «без оглядки» на источники нефти и «диктатора»¹¹². Пресса ФРГ настраивала общественное мнение на то, что те действия, которые Израиль «вынужден будет совершить, вызваны провокациями арабов». Социал-демократическая «Форвертс» писала, что «Насер играет с огнем»¹¹³. «Насер призывает к войне»,—писал гамбургский журнал «Шпигель», называя президента ОАР фанатиком¹¹⁴.

Германо-израильское общество выступило с рядом заявлений и воззваний, в которых призывало общественность страны «выразить в настоящем кризисе солидарность с Израилем и находящимся под угрозой уничтожения израильским народом». «Блокада морского пролива Тирани—удар по миру. Она парализует израильский порт Эйлат. Умысел в том, чтобы прекратить экономическую жизнедеятельность Израиля. Мы призываем всех, в особенности бундестаг и федеральное правительство, не оставаться безмолвно в стороне»,—говорилось в другом призыве Германо-израильского общества, которое было подписано депутатом бундестага от СДПГ Алольфом Аридом¹¹⁵.

Резко выступая против любых проявлений нейтралитета в отношении ближневосточного кризиса со стороны западных союзников, западногерманская пресса, выражая интересы правящих кругов ФРГ, открыто требовала, чтобы правительства Англии, Франции и ФРГ «не оставляли США одних на Ближнем Востоке» и не имели иллюзий, что кризис не затронет Западную Европу. «Сейчас необходимо совместное выступление стран-членов НАТО на стороне Израиля, писала «Вельт» относительно плана Вашингтона создать «международную военно-морскую оперативную группу»¹¹⁶, которая гарантировала бы «свободу судоходства», т. е. прибегла бы к военному вмешательству на Ближнем Востоке. Для осуществления своей откровенно колонизаторской программы США пытались привлечь и Западную Германию¹¹⁷.

Сдержанная официальная позиция ФРГ, лишь косвенно намекающая на «агрессивный характер» действий ОАР, антиарабская

психологическая война, проводимая западногерманскими органами массовой информации с попустительства официальных властей, вызвали резкий протест даже в тех арабских странах, с которыми ФРГ поддерживала дипломатические отношения и которые резко выступали против решений Лиги арабских государств в вопросе об отношении с ФРГ.

Так министр иностранных дел Марокко Ахмед Ларакн в чрезвычайно острой форме критиковал антиарабскую позицию Бонна, потребовал от западногерманского правительства принятия действительно строгого нейтралитета. Острой критике подверглось федеральное правительство и в Иордании за свою занатую «однозначную позицию на стороне» Израиля в арабском кризисе, что, несомненно, вредило издавна восстановленным дипломатическим отношениям между ФРГ и Иорданией¹¹⁶.

Еще более обострились отношения ФРГ с арабским миром в связи с просьбой Израиля (которая больше походила на требование) поставить Израилю в кратчайший срок 20 тысяч специальных противогазов новейшей марки. Парижский еженедельник «Трибун де пасьон» сообщал, что «Тель-Авив имел план применения новых, исключительно сильных отравляющих веществ, полученных от ФРГ, и что, учитывая токсичность этих веществ, Бонн решил поставить Израилю 20 тысяч противогазов»¹¹⁷. Вначале вопрос о посылке противогазов Израилю обсуждался в тайне. Канцлер Кизингер, как сообщает хорошо информированный еженедельник «Шпигель», лишь указал министру обороны ФРГ Шредеру: «Мы должны это сделать». Свое несогласие с канцлером министр мотивировал тем, что посылка противогазов станет доказательством вмешательства ФРГ в ближневосточный конфликт на стороне Израиля. Тем более, что решение НАТО «запрещает посылку вооружения или военного имущества в области напряженности». Однако это формальное решение равьше федеральное правительство всегда спокойно обходило и на этот раз оно не явилось препятствием для решения проблемы в пользу Израиля. Подгоняемый Тель-Авивом посол Израиля А. Бен-Натан встретился с вице-канцлером В. Брандтом и попросил поторопиться с принятием решения о посылке противогазов Израилю. Брандт согласовал с канцлером вопрос «о помощи Израилю из гуманных соображений»¹¹⁸. Это решение оставалось в тайне от общественности, чтобы у арабов не появились сомнения в объявленном Западной Германией нейтралитете в отношении ближневосточного конфликта. На заседании правительства большинство министров высказались за поставку Израилю противогазов. Чтобы это не вызвало отрицательной реакции арабских стран,

предлагалось «не предоставлять противогазы напрокат, (т. е. не дарить), а продать, и у выходящихся сейчас под угрозой войны израильцам денег не требовать»¹²¹. 3 июня 1967 г. с целью «защиты гражданского населения Израиля» ФРГ послала в эту страну специальным самолетом 20 тысяч противогазов стоимостью 1,4 млн. марок¹²².

Это «гуманное мероприятие» Бонна вызвало возмущение в арабском мире. Заявлением об угрозе мирному населению Израиля и о необходимости защитить его от химического нападения арабов, западногерманское правительство широко подключилось к психологической войне Израиля против арабов. Арабскими странами посылка противогазов была охарактеризована как «грязные махинации пропаганды», которые направлены исключительно на дискредитирование арабских государств¹²³. На посылку противогазов Израилю из ФРГ Иордания ответила дипломатическим эдмаршем—отозвала своего посла для консультаций, а представитель Лиги арабских стран выступил с резким протестом¹²⁴.

С обострением кризиса на Ближнем Востоке Западная Германия стремилась всячески помочь Израилю не только в моральном и политическом аспекте, но и оказанием конкретной помощи. Так, Израилю срочно потребовались тяжелые грузовики для перевозки войск и грузов с границ Сирии и Иордании к Синаю. Израильское правительство попросило их у ФРГ. Промышленные круги ФРГ положительно отнеслись к решению правительства удовлетворить просьбу, тем более, что В. Бранд заявил, что грузовики не могут рассматриваться как военный материал¹²⁵. ФРГ в кратчайший срок предоставила Израилю 800 грузовиков.

В Израиле под шумиху об «агрессивности» арабов велись последние приготовления к войне. К концу мая была завершена полная мобилизация и созданы ударные группировки войск на египетской и сирийской границах¹²⁶. Весь план действий израильских войск был заранее тщательным образом спланирован и скорректирован в штабах НАТО. Боннская разведка, чья агентура довольно длительное время вела работу в арабских странах, особенно в ОАР и Сирии, снабдила Тель-Авив всей разведывательной информацией, а во время июньской агрессии Израиля вместе с ЦРУ и разведслужбой Англии полностью кооперировалась с израильской разведкой¹²⁷.

Военная машина Израиля была пущена в ход, и правительство страны использовало закрытие судоходства как прямой повод для начала агрессии¹²⁸.

5 июня 1967 г., внезапно напав на соседние страны—Египет, Сирию и Иорданию, Израиль в течение шести дней военных дей-

ствий оккупировал более 60 тыс. кв. км территории. Начатая Израилем война была не «превентивной», а агрессивной акцией против арабских стран¹²⁹.

В первые же дни войны Советский Союз решительно осудил израильскую агрессию, активно выступив в защиту арабских государств.

Активно поддерживающие Израиль не только политическими, но и военными средствами Соединенные Штаты заявили о том, что строго придерживаются «нейтралитета» в арабо-израильском конфликте. Этот тезис опровергается многочисленными фактами.

Европейские союзники ФРГ, бывшие колониальные державы Франция и Англия, имевшие опыт поражения своей ближневосточной политики после провала «стройственной» агрессии 1956 г., более осмотрительно подошли в вопросе определения и выражения своей позиции в июне 1967 г. Франция, поставившая Израиль самолеты и запчасти к ним, Западногерманские историки, пресса обвиняли де Голля в предательстве интересов Запада и выступлении «на стороне Советского Союза и арабов для служения собственным экономическим интересам»¹³⁰.

Западная Германия, огромная экономическая и военная помощь которой Израилю в определенной степени способствовала усилению военной мощи Израиля, не могла остаться в стороне и молчаливо наблюдать за происходящими событиями на Ближнем Востоке.

В день начала войны канцлер ФРГ Кизингер созвал срочное заседание кабинета, на котором была заслушана информация о ходе боевых действий и определена позиция правительства. Представитель правительства Алерс сообщил журналистам, что Федеративная Республика будет «строго нейтральна» и выразил надежду от имени правительства, что военные действия в скором прекратятся. В этот же день в МИД ФРГ руководителю боннского бюро Лиги арабских стран Кабани было заявлено, что ФРГ «независимо от величины гуманитарной помощи какой-либо стороне, будет строго нейтральна»¹³¹. Эта же позиция правительства была высказана послу Израиля в Бонне А. Бен-Натану. Представитель Лиги призвал федеральное правительство к сохранению своего нейтралитета и попросил не посылать материалов «стратегической важности» в Израиль. По сообщению Кабани, он получил от представителя МИД заверения, что ФРГ будет держаться в конфликте нейтрально.

В «процесс» определения позиции ФРГ в арабо-израильской войне подключились средства пропаганды. Влиятельная «Франк-

фуртер альгемайне» считала, что «после взвешивания всех возможностей и интересов» ФРГ, ее позицией должен быть «только нейтралитет». Ибо если исход борьбы в данном случае не затрагивает непосредственные интересы Западной Германии, то «независимо от симпатий и антипатий» нейтралитет—требование «самосохранения». Ясная и политически последовательная позиция государства—это одно дело, симпатии, которые питают его граждане к Израилю—другое, отмечала газета¹³². Если такие заинтересованные в происходящем на Ближнем Востоке государства, как Англия и Франция, провозглашают своей официальной позицией нейтралитет, то ФРГ, чтобы не разрушить до конца связи с арабским миром, должна и обязана взять политический курс нейтрального к конфликту государства. Главный редактор журнала «Шпигель» Р. Аугштайн в статье «Израиль должен жить» требовал отказать в «помощи развитию» тем государствам, имея в виду арабские страны, которые оспаривают существование Израиля. Апологет израильской агрессии, он критикует внешнеполитический курс правительства ФРГ, которая по его мнению, до этого лишь «лабирировала между двумя лагерями, чтобы не подвергнуть опасности «традиционную немецко-арабскую дружбу», а в это время израильские, только благодаря своей отваге, избежали катастрофы. Аугштайн считал, что правительство ФРГ должно не только словами помочь Израилю, но и положить «на весы Израиля» всю экономическую мощь ФРГ. Завершался этот призыв словами: «Израиль, Давид среди народов, должен жить»¹³³.

Подавляющее большинство средств массовой информации ФРГ (исключение составляли неонацистские, пацифистские и некоторые религиозные издания) оправдывало тактику «превентивного удара» и считало, что лишь действуя таким образом государство Израиль может существовать со своими соседями, которые определялись как «вражеское окружение». Военный обозреватель «Франкфуртер альгемайне», бывший генерал вермахта А. Ванштайн призывал израильских генералов быстро, в течение недели достичь поставленной перед армией стратегической цели (т. е. военными победами над арабскими армиями содействовать свержению режимов в ОАР и Сирии), до того, как великие державы вмешаются в ход событий на Ближнем Востоке¹³⁴. Разумеется, в данном случае имелся в виду Советский Союз, ведь Соединенные Штаты и другие западные державы не стали бы препятствовать победному маршу израильских войск по арабским территориям.

«Любая акция арабов против Израиля есть акция против западных держав, которые это государство поддерживают,—писал

профессор Э. Дойерлайн в журнале «Политише майнунг». Арабо-израильский конфликт, по его мнению, должен рассматриваться не в аспекте религиозной или социально-общественной борьбы, а в плане борьбы между СССР и Западом¹²⁰. И именно поэтому, напрашивался вывод из статьи, ни в коем случае нельзя оставлять Израиль одного в борьбе с арабскими странами.

На страницах западногерманской печати, по радио и телевидению широко пропагандировались боевые успехи первых дней израильской агрессии¹²¹. Политический обозреватель журнала «Штерн» С. Хаффнер позже писал, что тон западногерманских сообщений об израильских победах 1967 г. пробуждал воспоминания о 1914 и 1940 годах. Общественность ФРГ беспокоилась и ликовала вместе с Израилем¹²². Газеты выходили под крупными заголовками: «Арабы довели до войны», «Смерть Израиля—смерть свободного мира, смерть демократии», «Блицкриг—блицпобеда», «Победа Израиля—наша победа» и т. п. Спекулируя на чувстве «коллективного долга» всех немцев перед шестью миллионами умерщвленных нацистской Германией евреями, западногерманская пресса преподносила израильскую агрессию общественности ФРГ как единственный выход существования оставшихся в живых после второй мировой войны евреев. И вследствие своего огромного влияния на формирование общественного мнения, средства информации ФРГ создали у населения страны культ Израиля. Со страниц западногерманской прессы разило военным угаром, культом агрессии, голетрекательскими угрозами в адрес арабских государств¹²³.

В то время, когда федеративное правительство официально заявило о нейтралитете страны, некоторые министры, депутаты бундестага и другие официальные лица не скрывали своих симпатий к Израилю и в открытую афишировали в прессе свои взгляды. Лишь два министра пытались использовать в прямом смысле слово «нейтралитет»—министр обороны Г. Шредер (ХДС), который еще будучи в предыдущем правительстве министром иностранных дел, выражая интересы определенных промышленных кругов ФРГ, проводил проарабскую политику, и министр экономического сотрудничества Г.-Ю. Вишневски, который в качестве «друга арабов» «давно носил кличку Бен-Виш»¹²⁴.

Находившаяся в оппозиции Свободная демократическая партия в свою очередь считала, что федеральное правительство посылкой военной помощи (противогазов, грузовиков) противоречит объявленному им же строгому нейтралитету и заявляла, что в бундестаге потребует от правительства воздержаться от военных поставок какой-либо из участвующих в военных действиях сторон¹²⁵.

7 июля 1967 г. в бундестаге канцлер ФРГ Кизингер обратился к великим державам «с самым решительным призывом» использовать все свое влияние, чтобы ограничить конфликт на Ближнем Востоке и миротворчески призывал, «как можно быстрее покончить с ним». Отлично зная, какими большими усилиями США в Совете Безопасности ООН заставляют решение о прекращении огня на Ближнем Востоке, канцлер тем не менее объявлял, что именно Совет Безопасности «сумеет достичь прекращения военных действий». Сам факт того, что канцлер не обратился к Израилю с требованием прекратить огонь и не охарактеризовал действия Израиля как агрессию, говорит об истинной позиции ФРГ в конфликте. Канцлер, отмечая, что его правительство с высочайшей тревогой следит за событиями на Ближнем Востоке, в своем выступлении говорил об «искреннем сожалении», «то дело дошло до военных действий между Израилем и арабскими странами». Вместе с тем он выразил беспокойство, не создаст ли конфликт прямой угрозы для собственной безопасности ФРГ. Канцлер подчеркнул, что федеративное правительство «решилось на политику невмешательства, чтобы предупредить обострение конфликта и сохранить основу для содействия примирению и позитивному развитию на Ближнем Востоке». Правительство, верное принципу невмешательства, обещал он, не будет поставлять оружие воюющим сторонам и сделает все, чтобы это решение соблюдалось. Однако, продолжал канцлер, правительство не намерено препятствовать гражданам ФРГ, которые хотят «взять на себя задачи гуманитарного характера» в районе, охваченном кризисом¹⁴³. Это заявление и объясняет наличие большого количества граждан ФРГ, срочившихся в войсках Израиля во время «шестидневной войны». Позиция невмешательства не помешала проводить в открытую набор добровольцев в израильскую армию по всей территории ФРГ¹⁴⁴.

Председатель фракции ХДС в бундестаге Р. Барнелль, подчеркивая необходимость «четкой и разумной позиции правительства», на заседании в бундестаге отметил, что западногерманская общественность «отказывается от безразличия сердца». Барнелль заявил, что он не будет перечислять в качестве доказательства «страшное» собрание цитат из прессы ФРГ о том, что арабы еще до войны провозглашали намерение уничтожить Израиль¹⁴⁵. Таким образом, тепленщионная западногерманская пресса и в бундестаге оказала поддержку Израилю и являлась единственным свидетелем «агрессивности арабов» для Барнелля.

«Отважный народ Израиля борется за сохранение своего физического существования», — отмечал депутат от СДПГ Метцгер¹⁴⁶.

Социал-демократическая фракция бундестага, указав в своем выступлении Г. Шмидт, приветствует «категорическое заявление» о невмешательстве, однако, продолжал он, это не значит, что «мы морально или политически равнодушны» к развязке конфликта. Г. Шмидт утверждал, что война систематически подготавливалась арабами «при содействии и по желанию СССР», преследующего цель открытия «второго фронта против США и нас» (т. е. ФРГ). Считая, что намерение руководителей «другой части конфликта» — уничтожение «народа, успешно строящего демократию», Шмидт еще раз подчеркнул «единение» социал-демократов ФРГ с народом Израиля¹⁴⁵.

Представители оппозиционной СвДП, выступавшие против посылки противотанковых и грузовиков Израюлю, т. к. они причислялись к военному имуществу, от поставок которого в области напряженности ФРГ должна воздержаться, на заседании в бундестаге изменили свою позицию. Вначале представитель фракции СвДП Ф. Кюльманн-Штумм заявил, что посылка военного имущества является односторонним участием ФРГ в ближневосточном конфликте¹⁴⁶, но позже, во время дебатов, эта точка зрения не повторялась, т. к. не имела отклика и была очень «непопулярна». Наоборот, В. Шеель (СвДП) выступил против того, чтобы сопротивление его фракции насчет поставок Израюлю было грубо и превратно истолковано как выступление против «гуманной помощи» Израюлю¹⁴⁷. Вместе с тем Шеель поднял вопрос, большое ли различие между занятой правительством ранее позицией «нейтралитета» и провозглашаемой сейчас позицией «невмешательства». Г. Геншер (СвДП) предложил вернуться к определению «нейтралитета» как более четкого термина в международных отношениях¹⁴⁸.

Однако представители правящих партий настаивали на своем определении позиции страны в арабо-израильском конфликте, ибо именно формулировка «невмешательство» позволяла ФРГ недвусмысленно защищать агрессию Израиля. Выступление министра иностранных дел В. Брандта (СДПГ) в бундестаге четко разъясняло замысел правительства: невмешательство должно восприниматься лишь в военном смысле, а в политическом — ФРГ «небезучастна делу Израиля»¹⁴⁹. В позиции ФРГ нет морального безразличия и «инертности сердца» к израильтянам, — к такому совместному выводу пришли все партии бундестага. В завершение дебатов бундестаг принял решение: одобрить заявление федерального правительства «следовать на Ближнем Востоке политике невмешательства на основе нейтралитета в международном праве» и апеллировать к Совету Безопасности

ООН и великим державам, в особенности к США и СССР, сделать все возможное для достижения прочного мира на Ближнем Востоке¹⁵⁰.

Как видно из решения, бундестаг единогласно одобрил ближневосточную политику правительства и ни единым словом не осудил агрессию Израиля. Западногерманский историк фон Имхофф писал, что Федеративная Республика вместо «абсолютного и поэтому безрезультативного нейтралитета приняла политику невмешательства, которая давала возможность не скрывать наши симпатии находившимся под угрозой (т. е. Израилю— А. М.), не исключая в какой-то мере и интересы в арабском мире»¹⁵¹. Естествен для этого историка подход к позиции своего правительства, которое прикрываясь словами о невмешательстве, восторженно приветствовало аннексионистский курс Израиля. Израильский историк Е. Делигдши так охарактеризовал прения в бундестаге: эти политики (Г. Шмидт, Р. Барцель и др.) намекали на то, что из-за политических обстоятельств официальная позиция должна звучать нейтрально, но на самом же деле их формулировки были произраильскими¹⁵².

Начиная с экстренных выпусков шпрингеровской «Бильд»¹⁵³, которые бесплатно раздавались прохожим на улицах городов ФРГ, и кончая министрами федерального правительства—все муссировали тезис об «угрозе существования Израиля»¹⁵⁴. И это в то время, когда израильские войска стояли на берегу Суэцкого канала, выселяли арабов с Западного берега реки Иордан.

Механизм действия пропагандистской кампании в ФРГ в 1967 г. просто и ясно был раскрыт А. Шпрингером, владельцем 80% ежедневных газет ФРГ.

В 1969 г., выступая в Иерусалиме, Шпрингер рассказал, что до и во время «шестидневной войны» он «являлся в какой-то мере консультантом по Израилю для редакций собственных газет». «Я говорил своим редакторам, как в действительности обстоят дела и на основе этого развивалась позиция моих газет, которая до сегодняшнего дня не изменилась. За редким исключением мнение всех моих газет по отношению к Израилю было полностью идентичным. Кто может меня за это упрекнуть?»—спрашивал оратор. Более того, когда он говорил об этом на западногерманском форуме банкиров и промышленников, его речь была встречена бурными и продолжительными аплодисментами. В Иерусалиме Шпрингер рассказал с чувством гордости за выполненный долг шутку, которая ходила о нем среди его друзей: «В течение шести-

дешевой войны Аксель Шпрингер в Германии: шесть дней издавал израильские газеты»¹⁵⁵.

Мощный идеологический аппарат пропаганды ФРГ продолжал и после агрессии в полной мере распространять миф об «арабской угрозе» существованию Израиля. Близкие правительственным партиям органы печати называли президента Насера диктатором, а израильтян — «находящимися под угрозой». Мощная пропагандистская машина, созданная для ведения психологической войны, еще в начальные годы «холодной войны», из года в год твердила о «советской военной угрозе», о советском плане уничтожить «единственный очаг демократии на Ближнем Востоке — Израиль руками арабов».

Анализируя основы ближневосточной политики ФРГ этого периода, главный редактор аймайской газеты «Ал-Дустур» Дж. Хаммад писал, что пропасть между экономической мощью и подчиненной ролью ФРГ в международной политике по-прежнему большая. Имелось в виду, то, что сионизм, посредством влияния американцев на экономику и политику ФРГ, развивает свои позиции в финансах, промышленности, в крупных партиях, в прессе и других средствах массовой информации страны. При этом, отмечал Хаммад, умело используется оказывающая психологически большое воздействие искусная методика. В влиятельных органах средств массовой информации арабы представлены жаждущими войны, а израильтяне — миролюбивыми. Поток фильмов, документальных телефильмов и ежедневных газетных статей, продолжал автор, сионисты смогли «воспитать у немцев комплекс вины» и поставить табу на критику в адрес евреев. Завершая статью, Дж. Хаммад отмечал, что «немцу можно критиковать даже высшего государственного служащего, но не евреев или Израиль»¹⁵⁶.

Как бы полемизируя с иорданским журналистом, известный английский антикоммунист В. Лакер, пытаясь оправдать и завуалировать аппарат психологической войны против арабов, писал, что арабы зря считают, что евреи имеют большое влияние как на политику европейских государств, так и на средства массовой информации. Наоборот, убеждает, В. Лакер, их влияние чрезвычайно ограничено¹⁵⁷. Советские исследователи подтверждают факт существования мощного рычага давления сионистского лобби в конгрессе США, оказывающего при необходимости воздействие на определение внешнеполитического курса своего верного союзника по НАТО — Западную Германию¹⁵⁸.

Правящие круги ФРГ содействовали проведению и широкой антисоветской пропаганды, в которую активно включился и Франц Йозеф Штраус, федеральный министр финансов, заявлявший, что механизм действия НАТО не работает быстро в случае угрозы

безопасности Западу. «Чисто оборонительная» целевая установка НАТО, по Штраусу, не оправдывает себя. Штраус резко критиковал и ООН, выступая на съезде ХСС в Мюнхене 1 июля 1967 г. По его мнению, конфликт на Ближнем Востоке показал, куда бы пришла Европа, если бы люди в чем-нибудь положились на ООН. Заявляя, что международные договоры ООН «не стоят бумаги, на которой написаны», он высказал мнение, что для Израиля «без его собственных усилий результаты американских гарантий безопасности, если бы в них возникла необходимость, сказались бы слишком поздно». Штраус, разумеется, обошел тот факт, что агрессия Израиля поддерживалась поставками вооружения, информацией об арабских армиях, а также боеготовностью американского 6-го флота.

Позиция федерального правительства Западной Германии в отношении арабо-израильского конфликта была обусловлена не только желанием правящих кругов страны реабилитировать себя перед евреями за преступления нацистов, декларируя чувство «коллективной вины всех немцев» перед Израилем, но и тем, что Израиль являлся оплотом, «форпостом» НАТО на Ближнем Востоке и преследовал цель помешать развитию арабского национально-освободительного движения¹⁸⁵.

Единая произраильская позиция всех партий в бундестаге многолетние усилия средств массовой информации создать общественное мнение в пользу Израиля дали ошеломляющий результат. Широкие слои населения ФРГ стали на сторону агрессора, пожертвования в фонд помощи Израилю достигали колоссальных сумм. Немецкое объединение профсоюзов, одна из самых массовых общественных организаций ФРГ, купило на три миллиона марок израильского государственного займа и призывало всех членов профсоюзов в общих митингах с партиями, юношескими союзами, церковными организациями и студентами принять активное участие в деле «спасения существования Израиля»¹⁸⁶.

Большое влияние на выработку «симпатизирующей» позиции ФРГ в отношении Израиля в период южнотельской войны 1967 г. сыграли и усилия еврейской общины ФРГ¹⁸⁷. Малочисленная (25 тысяч) еврейская община в Западной Германии в дни ближневосточного кризиса использовала все свое влияние на определение политики ФРГ на Ближнем Востоке¹⁸⁸. Генеральный секретарь Центрального совета евреев доктор ван Дамм от имени живущих в ФРГ евреев выразил понимание «нейтралитету ФРГ в смысле военного неамесательства» в арабо-израильский конфликт. Требуя не оставлять Израиль одного, а помочь ему в его «трудном деле», ван Дамм призывал и далее общественность Федеративной Республики оказать энергичную поддержку Израилю в его тяже-

лом политическом положении. Доктор ван Дамм призывал не только правительство, но и все население ФРГ оказать поддержку Израилю в удержании завоеванных территорий¹⁶³.

Боннские правящие круги окружили заботой сионистские организации ФРГ, пишет польский публицист Т. Валихновский, и те в свою очередь не оставались в долгу, не скупясь на выражения благодарности ФРГ за выплату репараций, за участие в вооружении и обучении израильской армии. Весьма показательным в этом отношении был и пожж в Западную Германию генерала Арона Дорона, члена штаба израильской армии и ближайшего «соратника» Моше Даяна, одного из организаторов июньской агрессии против арабских стран, продолжает Т. Валихновский: он прибыл в ФРГ по приглашению Баварского союза еврейских общин. Особое внимание генерал уделил переселению еврейской молодежи ФРГ в Израиль, а также призвал укреплять связи с немецкой молодежью «во имя осуществления политической линии обоих государств»¹⁶⁴.

Позиция правительства ФРГ, занятая им в период ближневосточного кризиса в мае-июне 1967 г. была высоко оценена как Израилем, так и международными сионистскими организациями. В одном из своих интервью израильский премьер-министр Л. Эшкол высказал «глубокую признательность» Бонну за помощь, оказанную Израилю, а также за «многочисленные свидетельства симпатии и солидарности». Он выразил надежду, что ФРГ и в дальнейшем будет поддерживать Израиль¹⁶⁵. Выражая удовлетворение позицией Бонна в прошедшей войне на Ближнем Востоке, посол Израиля в ФРГ А. Бен-Натан особо подчеркнул свою благодарность прессе, радио и телевидению ФРГ, которые по его словам, «правдиво информировали» западногерманскую общественность о каждой фазе конфликта¹⁶⁶. Один израильский дипломат заявил в интервью газете «Форвертс», что «пожалуй в будущем сотрудничество с Федеративной Республикой будет лучше, чем с каким-либо другим государством»¹⁶⁷. Из Израиля в ФРГ, в знак признательности Немецкому объединению профсоюзов за помощь и поддержку израильской агрессии в срочном порядке вылетела делегация «Гистадрут» (профсоюзы Израиля), которая до этого избегала вступать на немецкую землю¹⁶⁸.

После июньской войны господствующие круги ФРГ продолжали вести явно произраильскую политику, и, финансируя строительство в оккупированной части Иерусалима, бросили вызов решениям ООН, выступившей против аннексии арабской части Иерусалима¹⁶⁹. Независимо от официальной позиции своего правительства боннские дипломаты высказывали полное удовлетворение Израилю не только в его успешных боевых действиях, но и в последующих усилиях, направленных на продолжение окку-

пации и политики заселения оккупированных территорий. Со стороны некоторых дипломатов, свидетельствует пресса, отмечалось эйфорическое удовлетворение действиями израильских властей¹⁷⁰. Более того, в западногерманской прессе Иерусалим сравнивался с Берлином, а проблема Иерусалима сравнивалась с берлинской проблемой. «В ближневосточном Берлине границы уже нет», — возвещал заголовок статьи западногерманского сиониста С. Шламмма в гамбургской «Бильд». Никто не может научиться у Израиля больше, чем Западная Германия. Тель-Авив повиновался не мировому общественному мнению, а своей национальной совести; он не дал себя парализовать и зашпионизировать, а с помощью решительной силы поставил весь мир перед свершившимся фактом, — оправдывая безоговорочно все шаги Израиля, писал автор. Первый вывод, который следует из этой необычной военной кампании, который должны сделать для себя западногерманские власти, по мнению С. Шламмма, полное опровержение «модного ныне тезиса, что войны уже не являются средством политики»¹⁷¹. Шламмм призывал федеральное правительство самим решить германскую проблему, разрушить границу, разделяющую Восточный и Западный Берлин, как это в Иерусалиме сделала израильская армия. Средства массовой информации столицей Израиля называли Иерусалим, чем признавали аннексию Израилем Иерусалима и выступали против решения ООН о международном статусе города.

Несмотря на то, что МИД ФРГ демонстративно и «пытался убедить» бывшего канцлера ФРГ Л. Эрхарда отложить свой визит в Израиль, он все же состоялся. Поездка Эрхарда по оккупированным районам Палестины и посещение им оккупированной восточной части Иерусалима была расценена в арабском мире, как «открытая поддержка Бонном израильских агрессоров»¹⁷². Эрхарда сопровождал председатель Всемирного еврейского конгресса Наум Гольдманн. Во время переговоров Эрхард заверил, что помощь Израилю со стороны Бонна будет оказываться и в дальнейшем и ФРГ сделает все возможное, чтобы Израиль был принят в ЕЭС в качестве ассоциированного члена¹⁷³. Посетивший Бонн специальным посланник израильского правительства Ш. Перес заявил, что Израиль благодарен ФРГ за активную поддержку в дни войны и подчеркнул, что Тель-Авив «сейчас более всего нуждается в моральной, политической и экономической поддержке» со стороны западных держав, в том числе и со стороны ФРГ. Особый упор Перес делал на оказание Израилю моральной поддержки со стороны как правительства, так и общественного мнения ФРГ¹⁷⁴.

И если дружественная позиция Западной Германии была доброжелательно воспринята партиями и общественными ор-

гапизациями Израиля, выступавшими до этого против или осуждая любые связи Израиля с ФРГ, то коммунистическая партия Израиля осудила как агрессию Израиля, направленную против арабских стран, так и поддержку действий Израиля со стороны правящих кругов Западной Германии¹⁷⁵.

Израильская агрессия и ее результаты вдохновили реваншистские и милитаристские круги ФРГ. «В течение многих десятилетий в военных школах всего мира будут прославлять авиационные операции Израиля, как образец военного искусства, который можно сравнивать разве только с решающим успехом германской «Люфтваффе» во время атаки на Польшу в сентябре 1939 г., — восторгалось кельнское радио, безоговорочно оправдывая действия израильских ВВС в 1967 г. и «Люфтваффе» в 1939 г.¹⁷⁶. Основой блиц-победы в блиц-войне была боеспособная танковая армия, с удовлетворением отмечал влиятельный западногерманский буржуазный журнал «Шпигель», появившаяся, что оружие для этих войск было поставлено из ФРГ два года назад¹⁷⁷ (более 200 современных американских танков М-48).

«Израильский эксперимент» вызвал у военищины ФРГ особый интерес: на ближний Восток выезжали одна за другой делегации представителей военно-политических кругов ФРГ для изучения боевого опыта израильской армии на месте¹⁷⁸.

Победа Израиля — это, собственно говоря, и наша победа. В немецких сердцах опять пробудилась самоуверенность, вызванная воспоминанием о Роммеле и его ученике Моше Даяне», писал в эти дни газета «Райнше пост». Портрет Даяна не сходил с первых страниц газет и обложек журналов, а базарский монетный двор даже выпустил юбилейную золотую медаль в его честь с картой Синайского полуострова¹⁷⁹.

Более того, результаты июньской войны на Ближнем Востоке послужили предлогом для нагнетания в Западной Германии атмосферы военного паника, на новую ступень была поднята проводимая военно-промышленным комплексом ФРГ кампания по вооружению. Выводы, к которым пришел в своем докладе министр обороны ФРГ Герхард Шредер на 13-м совещании командиров бундсвера в связи с «уроками ближневосточного кризиса», преследовали цель запугать общественность страны «необходимостью готовности к самообороне». Г. Шредер, особый упор делал на то, что «противника» (в данном случае имелся в виду СССР и страны социалистического содружества) «надо запугать». Для ФРГ, подчеркивал министр, единственным инструментом усиления ее безопасности являются вооруженные силы, которые, как показала ближневосточная война, необходимо еще более укрепить, вооружив и оснастив новой современной техникой¹⁸⁰.

Аналогичной по своему содержанию, но более откровенно на-

писанной, явилась статья боннского генерала Майер-Дитринга «Ближневосточный конфликт и объединение Европы».

Майер-Дитринг в своей статье отмечал, что ООН не в силах была предотвратить вспыхнувшую на Ближнем Востоке войну и к единому воззванию Совет Безопасности ООН пришел лишь после того, как Израиль «поставил мир перед свершившимся фактом». Считая, что «истинное влияние в дни кризиса имели лишь решительные действия Израиля», который правильно оценил «естественную неповоротливость» ООН, автор статьи уклоняется от объективного освещения реального хода событий¹⁵¹. Ведь именно Израиль, начав агрессию, затем не подчинился резолюции № 234 Совета Безопасности ООН от 7 июня и не «прекратил огонь», как требовала резолюция. А позже Израиль вместе с США «затеяли в Совете дипломатическую игру, утверждая, что неясно, кто именно нарушает резолюцию Совета»¹⁵². Вмешательству ООН мешали и первую очередь США, затягивая принятие резолюции Совета Безопасности ООН. США явно делали ставку на то, чтобы выиграть время и дать возможность Израилю не только захватить как можно больше территорий, но и добиться свержения существующих режимов в арабских странах¹⁵³. О позиции СССР в отношении ближневосточного конфликта и израильской агрессии говорит тот факт, что из 15 заседаний Совета Безопасности ООН — за период с 5 по 14 июня — десять были созваны по требованию Советского Союза, и именно антиарабская позиция Соединенных Штатов и зависимых от них государств препятствовала принятию решения о ликвидации израильской агрессии¹⁵⁴.

Все это, конечно, было хорошо известно бывшему генералу бундесвера Майер-Дитрингу, однако он приходит к следующему выводу: превентивный удар Израиля был «единственной возможностью освободить себя от опасного для жизни удушающего наступления арабов». ФРГ же, по мнению автора, должна усилить свою оборону и укреплять НАТО, и только в этом случае «можно быть увереннее»¹⁵⁵. Оправдывая тактику превентивного удара, являющегося единственной возможностью достичь своих политических целей, генерал требовал использовать «наступательные рецепты» Израиля, как например, «синайский бланкит».

Воспользовавшись ситуацией, сложившейся на Ближнем Востоке, командование бундесвера, стремившееся участвовать в определении ракетно-ядерной войны, заявляло, что бундесвер, как армия, находящаяся на «передовых рубежах НАТО», должен располагать ядерным оружием и средствами доставки ядерного оружия¹⁵⁶.

13 июня 1967 г. в день открытия сессии Совета НАТО западногерманская газета «Вельт» откликнулась большой статьей, в которой считала ход военных действий Израиля «весьма поучи-

тельным для атлантических государств», и что, несмотря на различие в положении Европы и Ближнего Востока, «опыт, накопленный в этом районе, можно перенести в Европу»¹⁸⁷. И именно в этом ключе проходила сессия Совета НАТО — перенимание опыта действий израильских войск. Представитель ФРГ также принимал участие в работе сессии, однако попытке генерального секретаря НАТО Брозио, заявившего на первом же заседании, что 15 атлантических государств должны составить «единый фронт» против арабов, противостояла лишь делегация Франции. Лидеры НАТО начеревались теперь использовать его механизм в попытке оказать давление на арабские государства¹⁸⁸.

Таким образом, из вышесказанного следует, что единственный вывод, который делал генералитет бундесвера и господствующие круги военно-промышленного комплекса ФРГ из уроков арабо-израильской войны в июне 1967 г., было требование увеличить ассигнования на военные расходы для дальнейшего укрепления бундесвера и НАТО перед «советской угрозой» как в Европе, так и на Ближнем Востоке.

Позиция ФРГ во время ближневосточного кризиса 1967 г. вызвала недовольство в арабских странах. В Каире и в других арабских столицах «никого не обмануло фарисейство западногерманских руководителей, разглагольствующих о своем нейтралитете в ближневосточном конфликте»¹⁸⁹. Бурю негодования вызвало в арабских странах сообщение о том, что западногерманский посол в Тель-Авиве вручил израильским властям чек на миллион марок, для восстановительной программы в Израэле после войны. Сирия, верная своему антиизраильскому курсу, объявила о закрытии западногерманского культурного центра в Дамаске, культурные связи с ФРГ прервал и Ирак, объявив эмбарго на товары, поступающие из ФРГ, в том числе на кино- и телефильмы.

5 июня 1967 г. арабские страны пришли к договоренности о прекращении поставок нефти в США, Англию и ФРГ, поскольку эти страны оказывали поддержку политике Израиля¹⁹⁰. На совещании министров «экономики, финансов и нефти арабских стран в Багдаде в августе 1967 г. было решено не поставлять нефть в страны, «подстрекавшие Израиль на агрессию» и поддерживающие ее — США, Англию и Западную Германию»¹⁹¹.

В Бонне с интересом следили за совещанием министров иностранных дел арабских стран, которое состоялось накануне встречи глав государств и правительств арабских стран в Хартуме. Несмотря на позицию в этом вопросе председателя исполкома ООН А. Шукейри, требовавшего разрыва всех отношений арабских стран с Бонном и призывания ГДР, конференция решила, что не может быть и речи о том, чтобы сделать этот вопрос в число дис-

кусионных на встрече в верхах. Тем более, что на продолжение отношений с Ближним Востоком настоятельно требовали Тунис, Ливия, Марокко и Иордания. Четкую негативную позицию против Западной Германии вследствие ее поддержки агрессии Израиля заняли лишь представители Сирии и Египта. Нейтральная позиция, занятая Алжиром на этом совещании, объяснялась в ФРГ желанием Алжира войти в ЕЭС в качестве ассоциированного члена, что в значительной мере зависело от мнения и позиции федерального правительства¹⁹⁵. Из Каира в связи с этим совещанием сообщали, что ФРГ больше не значится среди стран, в отношении которых арабы будут проводить экономический бойкот, и что министры иностранных дел арабских стран, под давлением представителей консервативных режимов под руководством Саудовской Аравии не высказались за признание ГДР. «Опасности дальнейшего ухудшения немецко-арабских отношений больше не существует», — писала близкая к правительственным кругам «Вельд»¹⁹⁶, вместе с тем отмечая, что согласно информации, имеющейся в Бонне, на совещании в Хартуме не будет обсуждаться германский вопрос, постоянно тревожащий боннские правящие круги. Конкретным выражением политики большинства умеренных и консервативных арабских государств явилось прекращение в прессе и по радио критики ближневосточной политики ФРГ. Рука об руку с этим шла и нормализация экономических отношений. С точки зрения Бонна, открытое возобновление нефтяных поставок из Ливии до решения совещания в верхах в Хартуме явилось лучшим свидетельством этого. Однако перспективы на улучшение политических связей с девятью арабскими государствами, не имеющими дипломатических отношений с Ближним Востоком, были минимальны.

Встреча глав государств и правительств арабских стран в Хартуме в сентябре 1967 г. в своей резолюции решила, что само перекачивание нефти может быть использовано для укрепления экономики арабских стран, подвергшихся агрессии, чтобы они смогли продолжать борьбу. И в связи с этим было решено снять эмбарго на поставку нефти в западные державы, поддерживающие Израиль, в том числе и в ФРГ¹⁹⁷.

В Западной Германии не рассчитывали, что арабское совещание в верхах в Хартуме приведет к «драматическому повороту» в сторону ФРГ, однако верили, что разногласия между немцами и арабами больше не будут подчеркиваться так остро, как раньше¹⁹⁸. «Бонн вышел из под арабского обстрела», — писала о результатах встречи в Хартуме боннская «Генераль-Анцайгер», вместе с тем подчеркивая, что арабы, к сожалению, не похоронили «иллюзий о реванше» и не сядут за стол переговоров с Израилем. Газета миротворчески призвала арабских руководителей к «благоразумию»¹⁹⁹.

Бонн в этот период не очень беспокоила проблема нефтяного снабжения, даже в случае эмбарго на нефть со стороны нефтедобывающих арабских стран. Отказ от перекачки не привел к нехватке нефти и нефтепродуктов в Западной Европе¹⁹⁷. Западная Германия и так большую часть своей нефти из арабских стран перевозила через посредников в другие страны (например, Голландию), и более того, она могла бы даже извлечь выгоду из чрезвычайной гибкости системы поставок нефтяной промышленности, используя многие другие источники и флот многочисленных танкеров¹⁹⁸. ФРГ больше беспокоило закрытие Суэцкого канала, т. е. удлинился путь доставки нефти в несколько раз, что стоило намного дороже. Доставка тонны нефти через Суэцкий канал обходилась в 11 марок, в то время как вокруг Африки—80 марок за тонну¹⁹⁹. Вместе с тем в ФРГ отмечали, что опора на такое «внутренне политически слабое арабское государство, как Ливия» не дает гарантии для безопасного обеспечения дешевой и высококачественной нефтью в случае будущей «действительной» опасности. Так западногерманский эксперт К. Нихофф требовал у федерального правительства извлечь для будущего урок и создать необходимое «политическое прикрытие» для энергоснабжения страны²⁰⁰. Он приводит в пример политику Франции, которая, по его словам, «своевременно вывернулась из беды» и смогла политическими средствами решить свои экономические проблемы и, избежав бойкота, резко увеличила свой политический престиж в арабском мире. Естественно, это повлекло за собой и рост экономического проникновения конкурирующей французской экономики в регионе, что очень беспокоило мононационалистические круги ФРГ²⁰¹.

В принятом на IX чрезвычайном конгрессе арабского руководства партии Бас (27.08.—4.09.1967 г.) решении говорилось: «Причина империалистического и сионистского наступления лежит в органическом единстве империалистических государств, в особенности США, Великобритании и Западной Германии с международным сионизмом...», и далее: «США, Великобритания и Западная Германия несут ответственность как за поставки оружия, так и за поощрение его к агрессии и экономическую поддержку»²⁰².

Иракское правительство, также протестовавшее против снятия эмбарго на нефть, посылающуюся в западные страны, в связи с позицией ФРГ отмечало, что «правительство в Бонне, несмотря на свои многократные отношения с арабскими странами, способствовало вооружению Израиля. Арабская же реакция на это была равноценна нулю, поскольку Бонн бойкотировался лишь в политическом плане. Это означает, что своими отношениями с империали-

лическими кругами арабы в нынешней ситуации не представляют опасности»²⁰³.

Такая реакция арабских стран не могла не тревожить Бонн, хотя, как было отмечено, Хартумская встреча в верхах не приняла никакого решения против ФРГ. После июньской войны 1967 г. еще более остро стал вопрос о восстановлении дипломатических отношений с арабскими странами, прерванными в 1963 г. Федеральное правительство было обеспокоено тем фактом, что ГДР, занявшая во время арабо-израильской войны позицию, осуждавшую агрессию Израиля, и выступившая в поддержку арабских стран²⁰⁴, значительно увеличила свой престиж в арабском мире. Кроме того, Бонн всерьез стремился отмежеваться на словах от политики поддержки агрессии Израиля, потому что ее успехи все же не привели к желаемым целям, а влияние западных стран, в том числе ФРГ, в регионе резко ослабло.

Особый характер носил в начальный период после шестидневной войны на Ближнем Востоке взаимоотношения Западной Германии с Хашимитским королевством Иордания, восстановившая в 1967 г. дипломатические отношения с ФРГ, вопреки решению Лиги арабских государств, и понесшая большой ущерб в результате израильской агрессии 1967 г., очень нуждалась в финансово-экономической помощи. Федеральное правительство начало оказывать Иорданию широко разрекламированную в прессе помощь, посылая туда продукты питания, медикаменты, предметы первой необходимости. Бундестаг выделил 5 млн. марок Иордании, как «стране, наиболее пораженной в войне». Ей был также предоставлен срочный кредит в 40 млн. марок. Вместе с тем, в «Заявлении правительства ФРГ от 1 августа 1967 г. о помощи Иордании» говорилось, что финансовая и техническая помощь оказывается из-за отказа Иордании участвовать в мероприятиях бойкота ФРГ со стороны арабских стран.

Характер «помощи» ФРГ Иордании после июньской войны 1967 г. раскрывается в взаимосвязанном предоставлении «помощи» с последующим укреплением Западной Германии в дальнейшем развитии экономики Иордании²⁰⁵. Общий принцип этой политики был раскрыт министром экономического сотрудничества ФРГ Гансом-Юргеном Вишневски (СДПГ). Отмечая важное значение отношений с развивающимися странами, он в целях пропаганды внешней политики ФРГ подчеркивал «степень растущее значение помощи развития как политики мира»²⁰⁶. Но какой из своего дела является этот важный элемент проникновения в период борьбы ФРГ за установление дипломатических отношений с арабскими странами, пораженными в результате агрессии Израиля, ясно вытекает из анализа его же интервью журналу «Шпигель». На

вопрос, не должна ли ФРГ оказывать экономическую помощь лишь тем странам, которые преследуют мирные цели (т. е. оказывать помощь только Израюлю.—М. А.), Вишневецки ответил, что не может быть «чистой теории экономической помощи развивающимся странам», ибо такое ограничение могло бы привести к изоляции ФРГ. «Мы, будучи второй торговой нацией мира, не можем позволить себе это»,—подчеркнул министр²⁰⁷. Он указал, что Бонн не собирается давать каких-либо финансовых обещаний тем странам, с которыми ФРГ не поддерживает дипломатических отношений, а с Марокко и Тунисом, например, у Западной Германии «отличные отношения» и ФРГ регулярно «помогает» экономике этих стран. Федеральный министр экономического сотрудничества прямо указал правительствам арабских стран, что помощь от ФРГ они получают лишь в случае установления дипломатических отношений. И это в то время, когда одним из постулатов «помощи развитию» повсюду широко пронагандировалось отсутствие какой-либо связи между оказываемой помощью и внешней и внутренней политикой стран, которым эта помощь предназначалась.

С 29 по 31 октября 1967 г. в ФРГ находился с официальным визитом король Иордании. В связи с визитом короля Хусейна канцлер Кизингер на пресс-конференции с удовлетворением отмечал, что король Хусейн очень спокойно отнесся к позиции ФРГ в отношении арабо-израильского конфликта, зная, что он не мог поставить ФРГ «чрезмерные требования политической поддержки» арабов. Федеральное правительство, учитывая тяжелую ситуацию в Иордании, обещало предоставить ей 50 млн. марок «для облегчения бедственного положения беженцев»²⁰⁸.

Большой долг (800 млн. марок) имела в результате частной и государственной помощи со стороны ФРГ и ОАР. Однако если другие кредиторы и вели переговоры с ОАР об отсрочке погашения долгов, то ФРГ их не начинала. Это объяснялось со стороны федерального правительства тем фактом, что между странами отсутствуют дипломатические отношения²⁰⁹. Таким образом, ясно предвдлагалось, что ОАР, по мнению боннских политических кругов, непременно должна восстановить дипломатические отношения, если хочет отсрочить погашение долга. И если президент Насер до и во время июньской войны 1967 г. сурово осуждал ближневосточную политику ФРГ и ее недвусмысленную позицию на стороне Израиля, то после войны воздерживался осуждать Западную Германию. Французская «Монд» охарактеризовала этот курс Насера, как стремление «не сжигать мосты с Западом»²¹⁰. Однако, справедливости ради, необходимо отметить, что «сам Запад» делал все возможное, чтобы «не сжигать мосты» с арабским

миром, говоря их языком. Опять к делу были подключены специалисты психологической войны, пропагандистский аппарат.

Интерес вызывают пропагандистские маневры западногерманского правительства в период после июньской агрессии Израиля в арабских странах. Так, в «Заявлении федерального правительства о Заявлении правительства СССР от 27 июля 1967 г. по случаю созыва чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН», в частности, говорилось, что хотя Западная Германия, не будучи членом ООН, не участвовала в дебатах Ассамблеи, однако она удовлетворена тем, что позиции ФРГ и СССР «едины в желании» справедливого урегулирования проблемы на Ближнем Востоке²¹¹. Необходимо отметить, что Заявление носило чисто декларативный характер, а позиции Советского Союза и ФРГ не были и не могли быть едины, хотя бы уже потому, что ФРГ не требовала у Израиля немедленного освобождения оккупированных в результате военных действий территорий, как того требовало Советское правительство во всех своих заявлениях²¹².

В Бонне уже умалчивали свою позицию в период кризиса и широкоэщательно предлагали помощь в восстановлении разрушенной войной экономики арабских стран. Подталкивая ранее Израиль на войну «против коммунистической опасности на Ближнем Востоке» и сваливая затем вину за начало войны на Советский Союз, пропаганда пыталась доказать неправомерность Западной Германии к агрессии Израиля. Более того, в Меморандуме правительства ФРГ Организация Объединенных Наций «единой целью» западногерманской внешней политики в регионе провозглашалось «сотрудничество с народами Ближнего Востока на основе доверия, взаимного уважения и достоинства»²¹³.

В официальных заявлениях членов правительства ФРГ все чаще наблюдается тенденция обойти и истинное развитие событий, которые в 1965 г. привели к разрыву арабскими странами дипломатических отношений с ФРГ. Так, в интервью ливанской газете «Ан-Нахар» министр иностранных дел ФРГ, имея в виду Советский Союз и другие социалистические страны, прямо обвинял их в том, что они «всеми возможными клеветническими утверждениями» пытались убедить арабов во вражде к ним ФРГ. В. Бранд считал, что эти намерения имели цель нанести ущерб, помешать немецко-арабским отношениям²¹⁴.

Стремясь во что бы то ни стало восстановить потерянные позиции в арабских странах в связи с отсутствием дипломатических отношений и углубления немецко-арабских противоречий из-за позиции ФРГ в войне 1967 г., федеральное правительство продолжало утверждать, что именно вследствие «фальшивых обвинений», исходящих со стороны «некоторых государств», а не из отношений ФРГ с Израилем, произошел в 1965 г. разрыв²¹⁵.

Столь прямое стремление ФРГ установить дипломатические отношения с арабскими странами, а если точнее, попытки как и до начала шоньской войны 1967 г. добиться от Лиги арабских стран полной отмены своего решения о бойкоте ФРГ, объясняется резким спадом экспорта ФРГ в страны региона и угрозой потерять прежние рынки сбыта.

Противостояние арабских стран «социалистического режима» (Египет, Сирия, Ирак), по мнению западногерманского политолога П. Майер-Ранке, и «идеологизация конфликта» были выгодны Советскому Союзу. И именно он должен поставить Египет и Сирию «на реалистическую позицию, особенно в их экономических отношениях с западными странами», писал в авторитетном журнале «Аусенполитик» Майер-Ранке²⁴.

Промышленники ФРГ, обеспокоенные падением прибылей, тем более, что ФРГ и так имела большой торговый дефицит в товарообмене с арабскими странами вследствие большого ввоза нефти, требовали от федерального правительства нормализации положения и связей с арабами. Отмечался резкий спад торговли с Египтом, Ираком и Сирией. В первой половине 1967 г. импорт ФРГ из арабских стран составил 1852 млн. марок (5,5% всего ввоза в ФРГ), а импорт товаров, не считая нефти, — всего 344,4 млн. марок (1% всего ввоза). Нефть, составляющая 80% главной доли товарного ввоза из арабского мира, составляла 1507,6 млн. марок и при экспорте ФРГ в регион (всего 855,5 млн. марок) являлась тем компонентом, как видим, который и определял дефицит в 995,5 млн. марок. Главным поставщиком нефти являлась Ливия — 45% (682,4 млн. марок), далее шли Ирак, Саудовская Аравия, Оман, Алжир, Кувейт, Тунис и Катар²⁵. Общий экспорт товаров ФРГ за весь 1967 г. снизился по сравнению с предыдущим годом с 1,79 млрд. марок до 1,69 млрд. марок. Импорт же увеличился с 3,75 млрд. марок до 4,18 млрд. марок.

Монополистические круги ФРГ, обеспокоенные таким положением дел в торговле со странами региона, быстро отреагировали. В прессе все чаще стали появляться статьи, написанные в духе дружбы с арабскими народами. Подвергался сомнению факт неоспоримой до этого тезы о правильной политике аннексии арабских земель со стороны Израиля. Симптоматична уже сама постановка вопроса корреспондента «Шлигеля» послу Израиля в Бонне в декабре 1967 г.: «Летом симпатии большинства населения недвусмысленно были на стороне Израиля. Создалось впечатление, что Израиль ведет справедливую войну. Пыне, осенью появилась критика... Израиль, правда, смог выиграть войну, но не сделал мира»²⁶. Необходимость объективно принять во внимание ближневосточные реальности понимало уже и правительство. Министр иностранных дел ФРГ позже вспоминал этот период: «Когда

вспыхнула шестидневная война 1967 года, я, как и многие соотечественники, опасался за существование еврейского государства и его народ. Когда Израиль так быстро добился военного успеха, то появились новые полные тревог проблемы, которые меня в будущем больше не оставляли: все ли совершенно сделано для прокладывания пути к миру в спорном регионе, не очень ли считаются с тем, что время будет работать для Израиля, гарантирована ли американская поддержка для всех дальнейших случаев?»²²⁰. Правящие круги ФРГ понимали, что, поддерживая односторонне Израиль в арабо-израильском конфликте, они не смогут расширить рамки экономической экспансии в арабском мире, однако все же не могли полатиться своей поддержкой Израиля, хотя в господствующих кругах страны наблюдается сдвиг и про-арабского направления.

Разочарование в Израиле и суровое осуждение Израиля вследствие продолжения им агрессивных действий после июньской войны 1967 г., аннексии арабской части Иерусалима, жестокого террора в отношении палестинского народа на оккупированных территориях, бомбардировок мирного населения наблюдается в широких слоях молодежи ФРГ, среди студентов, интеллигенции. За справедливые права палестинского народа выступило массовое движение западногерманской молодежи — «новые левые», охарактеризовавшее Израиль «представителем империализма на Ближнем Востоке»²²¹.

Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 242 от 22 ноября 1967 г., содержащую следующие главные элементы: вывод израильских войск с оккупированных в 1967 г. территорий, прекращение состояния войны на Ближнем Востоке, общепризнанные границы всех государств в регионе, гарантии этих границ, свободу судоходства по морским путям этого района и решение проблемы палестинских беженцев. Исходя из реальной обстановки сил на международной арене и на Ближнем Востоке, резолюция была признана, несмотря на свои изъяны, и правительствами Египта и Иордании. Выполнению резолюции должны были содействовать действия специального представителя генерального секретаря ООН — известного шведского дипломата Гуннара Яригга²²².

Правительство ФРГ олобрило резолюцию № 242 Совета Безопасности ООН, считая, что она создала основу для дальнейших усилий мирного решения ближневосточного конфликта. Комментируя эту резолюцию, выделялись два ее элемента: возможность каждого государства жить в безопасности и без страха или насильственных действий; результаты войны не дают одностороннего права для изменения границ²²³. Пункт, касающийся вывода израильских войск из оккупированных арабских территорий, мол-

чаливо обходился в заявлениях официальных лиц ФРГ. Причем позитивное отношение федерального правительства к вышеуказанной резолюции всегда преподносилось как следствие «политики невмешательства и объективности» ФРГ в ближневосточном конфликте.

Завершая исследование позиции ФРГ в отношении арабо-израильского конфликта в период ближневосточного кризиса 1967 г., необходимо отметить декларативный характер «позиции невмешательства»: федеральное правительство заняло четко одностороннюю позицию поощрения правительства Израиля и недвусмысленно выступило на стороне Израиля в период июньской войны на Ближнем Востоке. Несмотря на непредвиденные последствия энергоснабжения страны нефтью, поступающей из нефтедобывающих арабских стран и бойкота ФРГ в арабском мире, ФРГ последовательно следовала ближневосточному курсу своего главного союзника—США. Вместе с тем правящие круги Западной Германии, пытаясь несколько смягчить негативное отношение арабских стран к ФРГ и снять накал антизападного движения в ряде арабских стран, стремились в период после июньской агрессии Израилем откеститься от открытой поддержки агрессора и, оказывая «помощь», хотели восстановить утраченные рынки сбыта своей продукции в условиях обострения конкурентной борьбы с другими капиталистическими странами.

§ 3. ОТНОШЕНИЯ ФРГ С АРАБСКИМИ СТРАНАМИ И ИЗРАИЛЕМ В КОНЦЕ 60-Х ГГ.

В конце 60-х гг. правительство «большой коалиции», возглавляемое канцлером Кизингером, продолжало проводить прежний курс. Его внешняя политика все больше и больше заходила в тупик, превращая ФРГ в остров «олодной войны»²²¹. Вместе с тем ряд внутриполитических аспектов, как социальных, так и экономических, вызвавших активизацию деятельности различных политических и общественных сил, привели к изменению внешнеполитических установок Бонна²²².

«Кризис доверия» между США и Западной Европой и чрезвычайное обострение политических и экономических противоречий между этими двумя центрами капиталистического мира, наметившиеся в Европе тенденции к сближению международной напряженности—эти и другие факторы поставили перед ФРГ задачу среагировать на сложившуюся ситуацию и приспособить свою внешнеполитическую стратегию к новым условиям²²³. Как отметили историки ГДР, в конце 60-х гг. наряду с ухудшением экономического положения и ростом социальных противоречий внутри

страны, внешнеполитический кризис, приведший к глубокому кризису всей политики ФРГ, объясняется прежде всего тем, что как раз к этому времени Западная Германия вступила в «фазу усиленной экспансии», когда изменения в международном соотношении сил поставили ее в еще более жесткие рамки²²⁷.

Правительство Кизингера, стремившееся расширить позиции ФРГ в третьем мире, исходило из того, что к концу шестидесятых сложилась благоприятная для ФРГ ситуация, когда ее основные конкуренты—США, испытывавшие трудности в связи с войной во Вьетнаме, Англия, переживавшая тяжелое финансовое положение, и Франция, осуществлявшая дорогостоящую ядерную программу, не успеют своевременно среагировать на экономическое и политическое наступление ФРГ в развивающихся странах²²⁸.

Правительство «большой коалиции» продолжало ратовать за дальнейшую реализацию и старой концепции неограниченного применения в жизни «доктрины Хальштейна», предпринимая активные действия с целью изоляции ГДР в арабских странах. Негативный же эффект этой открыто агрессивной стратегии против социализма и ГДР вызвал дифференциацию внутри монополистической буржуазии в ФРГ, которая опасаясь, как бы политика ФРГ окончательно не отпугнула от нее и молодые государства, пыталась приспособить свою деятельность к «требованию времени»²²⁹. Правящие круги ФРГ в организации своей внешнеполитической стратегии оказались вынужденными реагировать на новое соотношение сил²³⁰.

Длительный процесс пересмотра некоторых внешнеполитических концепций ФРГ, начавшийся в конце 60-х гг., затронул и ближневосточный регион. Более того, крах одного из основных пунктов внешней политики ФРГ—«доктрины Хальштейна»—произошел именно на Ближнем Востоке.

Первые два года, последовавшие за израильской агрессией 1967 г., явились не только последними двумя годами деятельности правительства «большой коалиции» во главе с канцлером Кизингером, но и годами предомыслия и перестройки ближневосточной политики в целом и позиции ФРГ в отношении арабо-израильского конфликта в частности.

Характерные элементы позиции ФРГ в отношении ближневосточного конфликта под давлением ряда объективных и субъективных причин подверглись критическому анализу и были в некоторой степени изменены, хотя эти перемены все же не коснулись самого важного аспекта—отношения правящих кругов ФРГ к израильской агрессии и ее результатам. В этом вопросе наблюдались лишь попытки отмежеваться от сопричастности Западной Германии к военно-политическим успехам Израиля в июле 1967 г. Создавалось впечатление, будто бы федеральное правительство

«стремится пересмотреть свою прежнюю позицию к Израилю»²²¹. Особенно четко это вылилось на фоне многочисленных попыток Бонна улучшить свои отношения с арабскими странами. Однако факты, подтвержденные документально, опровергают эту точку зрения. ФРГ продолжала оставаться верным союзником Израиля о чем свидетельствует хотя бы то, что и в 1968—1969 гг. Бонн продолжал предоставлять Израилю большую финансовую помощь. Так, всего лишь за первую половину 1968 г. она достигла 140 млн. марок, хотя за весь 1967 г. составила 170 млн. марок²²². Западно-германо-израильский товарный оборот из года в год продолжал расти. Если в 1967 г. в Израиль было поставлено товаров на 252,2 млн. марок, то в 1968 г.—на 481,1 млн., а в 1969 г.—на 611,1 млн. Соответственно увеличивался и вывоз из Израиля в ФРГ: в 1967 г.—202,3 млн. марок, в 1968 г.—276,5 млн., в 1969 г.—538,9 млн.²²³

Вместе с тем чрезвычайно выгодной в политическом отношении для монополий ФРГ явилось продолжение выплаты Израилю, согласно Люксембургскому соглашению 1952 г., реституций. Это давало возможность не только еще крепче связать израильскую промышленность с западногерманскими поставками, а под покровом «морально-этического характера реституций» скрыть масштабы своих связей с Израилем, не нанося ущерба, в свою очередь, укреплению отношений с арабскими странами. Размеры реституций с 1967 по 1969 г. превысили 600 млн. долларов²²⁴.

ФРГ оказывала Израилю большую финансовую помощь и в рамках ряда международных организаций. В соответствии с соглашением, заключенным в 1968 г. между Израилем и правительствами США, ФРГ и Международным банком реконструкции и развития, в период с 1967 по 1975 год только из этих трех источников в Израиль должны были поступить капиталы на сумму 9 млрд. долларов, в том числе частные капиталовложения—1 млрд. дол.²²⁵

Самая широкая помощь Израилю, оказываемая наряду с США и со стороны западногерманского правительства, продолжала оставаться определяющим элементом в агрессивной нацеленности внешней политики правящих кругов Израиля. С целью поощрения инвестиционной деятельности западногерманских фирм в конце 1967 г. в ФРГ, во Франкфурте-на-Майне, было создано «Немецкое общество развития экономических связей с Израилем». Одним из почитателей этого общества явился крупный профсоюзный банк «Банк фюр Гемайнвертшафт»²²⁶. И когда в Израиле была создана аналогичная компания по привлечению иностранного капитала—«Израэл корпорейшн», то большая часть полученных ею средств была направлена от частных фирм ФРГ. Западные Германия «обычными» кредитами в пользу Израиля «вос-

ленно, если не прямо покрывала громадные оккупационные расходы Израиля»²⁴⁷, финансировала строительство кибуцев на оккупированных арабских территориях.

Два крупнейших западногерманских концерна «Маннессманн» и «Тиссен» приняли участие в строительстве нефтепровода, идущего из Эйлата к Средиземному морю. 30 мая 1968 г. каирская газета «Ал-Ахрам» сообщила, что правительство Израиля оказывает сильнейший нажим на эти два концерна, которые ранее заявили о «приостановлении своего сотрудничества с Израилем»²⁴⁸. Израильское правительство потребовало ответа и официально связалось с правительством ФРГ. Под давлением правительства поставки стали в Израиль были продолжены, а «Маннессманн» заручился благодаря этому инциденту возможностью принять участие в строительстве трубопровода между Суэцом и Средиземным морем и для Египта²⁴⁹. Таким образом, концерн, имеющий подряд в Израиле, избежал бойкота со стороны арабских стран и, более того, развернул там свою деятельность.

На XVI съезде Компартии Израиля Генеральный секретарь ЦК КПИ М. Вильнер, характеризуя характер связей правящих кругов Израиля и Западной Германии, отмечал, что «наряду с США в Израиле укрепляет свои позиции и Западная Германия. В области внешней торговли Израиль Западная Германия занимает сейчас второе место и превращается в главного поставщика оборудования и металла»²⁵⁰.

Политика поддержки Израиля со стороны ФРГ находила свое проявление и в выражении солидарности со стороны западногерманских официальных лиц, которые во время своих визитов в Израиль поддерживали его политику по отношению к арабским государствам (министр внутренних дел ФРГ Бенда, министр юстиции Хайнemann и др.). Крупным вкладом в улучшение отношений между ФРГ и Израилем явилось открытие авиалинии между ФРГ и Израилем. Министр транспорта Лебер по окончании своего визита в Израиле заявил, что нормализация отношений ФРГ с арабскими странами, с которыми нет сейчас дипломатических отношений, не должна идти за счет отношений с Израилем²⁵¹. «Хорошие контакты», как он их охарактеризовал, имел часто в Нью-Йорке и министр иностранных дел ФРГ В. Брандт с министром иностранных дел Израиля Абба Эбаном²⁵².

Исследовав многочисленные документы западногерманского правительства, можно прийти к выводу: хотя и в ярых заявлениях ни со стороны канцлера Кизингера, ни вице-канцлера и министра иностранных дел Брандта в поддержку агрессивной политики Израиля нет, однако нет и заявлений, осуждающих политику Израиля, продолжение оккупации им арабских территорий.

Аналогичную позицию заняли представители одной из прав-

щих в правительстве партий—социал-демократы и на XI конгрессе Социалистического Интернационала в июне 1969 г. в Истборне (Англия), где ни словом не была осуждена агрессия Израиля²⁴³. Заметим, что одну из ведущих ролей в Социнтерве играет СДПГ и ее председатель Вилли Брандт. Исполне справедливо отметил этот факт и немецкий коммунист Курт Шахт, считающий, что «тесные связи с социал-демократической партией израильского премьера Голды Меир и агрессивным союзом НАТО побуждают большинство руководящих групп партий Социнтернационала материально и морально поддерживать экспансию Израиля по отношению к арабским государствам»²⁴⁴. Коммюнике, рекомендации и заявления сессий НАТО в период 1967—1969 гг. полностью подтверждают наличие тесной связи между экспансионистскими целями Израиля и «оборонными» устремлениями НАТО на Ближнем Востоке²⁴⁵.

В условиях усиления и расширения американского присутствия в Средиземноморье и продолжающихся вопреки решениям ООН, агрессивных действий Израиля против арабских стран в условиях, когда этот регион все более превращался в район развертывания вооруженных сил НАТО и США²⁴⁶, Советский Союз ввел в воды Средиземного моря военно-морскую эскадру. В Заявлении ТАСС от 24 ноября 1968 г. указывалось, что СССР не мог остаться безучастным к происходящему и «как черноморская и, следовательно, средиземноморская держава осуществляет свое бесспорное право на присутствие в районе»²⁴⁷.

В Западной Германии этот шаг СССР послужил поводом для новой пропагандистской кампании «о советской военной угрозе». Федеральное правительство стало утверждать, что ближневосточный конфликт «из-за постоянного пребывания Советского флота значительно обострился»²⁴⁸. Президент Египта Насер многократно заявлял, что именно благодаря советской помощи Египет сможет отстоять свою независимость от посягательства Израиля. «Советская помощь придает нам энергию и силы в освободительной борьбе, а империализм является угрозой нашей свободе и независимости»,—отметил Насер в одном из своих выступлений²⁴⁹. «Угроза Южному флангу НАТО», «угроза нефтяному обеспечению Европы»²⁵⁰,—такие лозунги были подняты в ФРГ. Самым «умеренным» в этой компании как ни странно оказался на этот раз сам министр обороны Г. Шредер, заявивший в интервью швейцарской газете «Вельтwoche», что «национальных интересов ФРГ передвижения советского ВМФ непосредственно не коснулись», хотя это и вызвало беспокойство за Южный фланг НАТО²⁵¹.

Политика поддержки Израиля была осуждена со стороны коммунистов ФРГ на Эссенском съезде Германской коммунистической партии (1969 г.). В Программе действий ГКП, в частности,

говорило, что прямая и косвенная поддержка «империалистической агрессии и неоколониализма» на Ближнем Востоке «направлена не только против интересов народов этих стран, но и против интересов самих граждан ФРГ»²⁵².

И если отношения с Израилем развивались в достаточной степени стабильно, как видно из вышесказанного, то отношения ФРГ с большинством стран арабского мира были довольно проблематичны. Краеугольным камнем было отсутствие дипломатических отношений, однако усилия ФРГ были чрезвычайно осложнены и тем, что отношение арабских стран к ФРГ вследствие шестидневной войны в июне 1967 г. более, чем когда-либо, были поставлены в прямую зависимость от политики ФРГ в отношении Израиля²⁵³.

Федеральное правительство, в особенности министерство иностранных дел и сам министр Брандт неоднократно заверяли правительства арабских стран в том, что ФРГ «старается восстановить хорошие отношения со всеми арабскими странами»²⁵⁴. По его мнению, арабские государства сейчас снова проявляют большой интерес к возобновлению дипломатических отношений с Федеративной Республикой: «Вопрос о дипломатических отношениях рассматривается сейчас, очевидно, также и арабской стороной с большим реализмом и трезвостью. В. Брандт в интервью, данном корреспонденту ДПА 15 февраля 1968 г., указал и на то, что федеральное правительство искренне стремилось восстановить «традиционно хорошие и дружественные отношения со всеми арабскими государствами». Правда, во время войны на Ближнем Востоке в прошлом году эти отношения временно потерпели урон, отметил министр. Обходя причины этой позиции арабских стран, Брандт считал, что перспективы ФРГ снова улучшились. Он заверил арабские народы, что «в уравновешенной ближневосточной политике» и дружественных отношениях с арабским миром федеральное правительство видит будущее ФРГ на Ближнем Востоке и арабские страны уже проявляют большую готовность нормализовать отношения с ФРГ»²⁵⁵. Подчеркивая, что «экономическая помощь» ФРГ не связана с какими-либо политическими требованиями и условиями и предоставляется бескорыстно, Вилли Брандт вместе с тем отметил, что если дипломатические отношения не будут восстановлены, то никакой экономической помощи ФРГ арабским странам не предоставит и вряд ли можно будет договариваться друг с другом об этом.

Как видно из этого и некоторых других заявлений, федеральное правительство желаемое выдавало за действительное. Несмотря на наличие разногласий в арабских странах, «большую готовность» к установлению дипломатических отношений с ФРГ не проявили даже консервативные арабские режимы. Постоянные

заверения, что экономическая помощь ФРГ не будет использована в «качестве средства нажима или приманки», так же не выдерживали испытания в практике, так как взамен сразу же требовались действия политического характера—в данном случае столь необходимое для ФРГ установление дипломатических отношений.

Тяжелый удар, которому подверглись позиции западногерманских монополий на Ближнем Востоке в результате разрыва дипломатических отношений с арабскими странами, в связи с чем было прекращено или приостановлено выполнение ряда ранее подписанных крупных экономических проектов по линии «помощи развитию», явился той движущей силой, которая требовала у внешнеполитических органов страны восстановления потерянных политических позиций. ФРГ, одна из крупнейших индустриальных стран мира, производящая в основном нацелено на экспорт, не могла не пытаться распространить свое торгово-политическое влияние на весь земной шар. А одним из важнейших инструментов этого проникновения в развивающиеся страны, в том числе и арабские, орудием внешнеторговой экспансии была политика «помощи развитию», создающая почву для экспорта капитала.

Еще при правительстве Эрхарда крупные финансово-промышленные круги широко и активно призвали западногерманские монополии организовать экспансию капитала, «положив тем самым начало новой фазе развития империализма ФРГ, фазе экономической экспансии его капитала»²⁵⁶. Это обосновывалось тем, что западногерманские концерны немного отставали от своих конкурентов по объему зарубежных инвестиций. Причем крупнейший представитель финансовой олигархии ФРГ председатель правления «Дойче Банк» Герман Абе считал нужным использовать экспорт капитала не только в промышленно развитые капиталистические страны, но и в развивающиеся—в интересах обеспечения ФРГ основными видами сырья и получения максимальных прибылей²⁵⁷.

Состоявшийся в 1969 г. 20-й съезд Союза промышленников ФРГ, следуя «совету» Абе, заявил, что прямые инвестиции за рубежом явятся «надежнейшим средством для приобретения новых и удержания старых рынков», они станут «выдающимся средством для обеспечения собственной сырьевой базы» и тем самым обеспечат большую «независимость экономики» в обостряющейся конкурентной борьбе со странами Западной Европы и США²⁵⁸.

В арабском мире экономические связи ФРГ развивались в 1967—1969 гг. в основном за счет отношений с Марокко, Тунис-

сом, Иорданией, Ливией—странами, имеющими с ФРГ официальные отношения. В 1968 г. в арабские страны было поставлено товаров на сумму в 924,0 млн. марок, а импортировано из арабских стран на сумму в 2675,6 млн. марок. Отрицательное сальдо составило 1751,6 млн. марок в основном за счет значительных поставок нефти из арабских стран²⁵⁰. И именно стремление уменьшить отрицательное сальдо в торговле с арабскими странами, расширить рынки сбыта своего производства явились причиной резкой активизации дипломатической деятельности ФРГ на Ближнем Востоке: президент ФРГ посетил Тунис; министр иностранных дел Тунис, Марокко, другие министры с официальными и неофициальными визитами были в Ливане, Иордании, Ливии, ОАЭ; западногерманская экономическая делегация посетила Кувейт и Саудовскую Аравию²⁵¹.

По приглашению правительства ОАЭ в сентябре 1968 г. министр по экономическому сотрудничеству ФРГ Вишневски посетил Египет и был принят большинством членов правительства и генеральным секретарем Лиги арабских стран. Египетская пресса обстоятельно и позитивно сообщила о первом визите члена федеративного правительства после разрыва дипломатических отношений с ФРГ²⁵². Вишневски имел поручение от правительства Западной Германии обсудить все вопросы, связанные с нормализацией отношений между ФРГ и ОАЭ и разъяснить позицию ФРГ во время его переговоров с руководством Египта в Каире. Вилли Брандт в одном из интервью подчеркнул заинтересованность ФРГ в хорошем отношении к ней самой сильной арабской страны—Египта: «федеральное правительство в первую очередь заинтересовано улучшением отношений с ОАЭ»²⁵³.

В пропагандистскую кампанию по восстановлению дипломатических отношений были внесены новые элементы: убедить арабские страны в том, что ФРГ не является государством, поддерживающим агрессию Израиля, а жертвой «клеветнических утверждений, которые пытаются обвинить» ФРГ в «соучастии и даже вражде против арабских народов». Силы, «действующие вне арабского мира абсурдными утверждениями», создающими в общественном мнении недружественную реакцию в отношении нас, «распространяют фальшивые обвинения, подрывающие нашу политику невмешательства в ближневосточный конфликт», чем хотят причинить ущерб не только ФРГ, «но и настойчиво стремятся помешать развитию немецко-арабских отношений, что также не в арабских интересах»²⁵⁴— вот основная терминология этой пропагандистской кампании, взятая из ряда заявлений западногерманских официальных лиц.

Проводимая в рамках широкого идеологического наступления на арабские страны эта кампания несла в себе скрытые эле-

менты обвинения социалистических стран в том, что позиция ФРГ в отношении арабо-израильского конфликта неправильно была воспринята в арабском мире. Однако даже те арабские страны с консервативными и реакционными режимами правления, которых нельзя даже заподозрить в приверженности к коммунизму и доброжелательном отношении к социалистическим странам, отвергли эти обвинения. Поддержка Израиля со стороны Западной Германии была настолько очевидна и явна, что эта кампания вскоре была прекращена без каких-либо даже незначительных сдвигов.

С целью подтверждения своих миротворческих намерений, федеральное правительство особенно активно выступало с заявлениями, поддерживающими резолюцию Совета Безопасности ООН №242 от 22 ноября 1967 г. На вопрос об отношении правительства Бонна к этой резолюции Вилли Брандт в специальном интервью каприскому еженедельнику «Роз эль-Юсеф» ответил, что хотя Западная Германия и не является членом ООН, она тем не менее поддерживает резолюцию 242 «Я считаю, что эта резолюция представляет собой хорошую основу для того, чтобы избежать дальнейшего кровопролития»²⁶⁴. ФРГ также поддерживает миссию Г. Ярринга²⁶⁵ и усилия, «направленные на установление справедливого мира на Ближнем Востоке, гарантирующего мирную жизнь для всех народов этого региона». — продолжил Брандт. Далее в этом же интервью он выразил мнение, что «в наши дни использование силы не может являться средством решения международных проблем». Правительство Бонна выступает также против региональных или политических преимуществ, достигнутых с помощью военных действий»²⁶⁶.

Это заявление Брандта почти дословно повторяло мысль, высказанную им ранее в интервью агентству ДПА: одним из важнейших элементов достижения урегулирования является то, что результаты войны в наши дни не дают одностороннего права для изменения границ»²⁶⁷.

Комментируя ответы Вилли Брандта на вопросы «Роз эль-Юсеф», еженедельник писал, что официальная позиция ФРГ в отношении Израиля, несмотря на прямые ответы ее министра иностранных дел, все еще не ясна и ФРГ все еще нерешительно действует в отношении этого сионистского государства.

Тем не менее, судя по заявлениям Брандта и по интервью ливанской газете «Ал-Хайят» («сейчас главное, чтобы резолюцию превратить в дело. К этому относится вывод войск, как этого требует первый пункт резолюции...»)»²⁶⁸, можно прийти к выводу, что несмотря на определенный декларативный характер заявлений, в позиции ФРГ происходили определенные изменения. Эйфорическая радость в связи с победой Израиля сменилась требованием «вывода войск с завоеванных территорий», пусть даже не называя

Израиля, хотя было совершенно очевидно, что имелись в виду израильские войска и «изменение границ в регионе» именно со стороны Израиля.

В качестве подтверждения своего «искреннего отношения» к арабам, представители федерально-го правительства всегда напоминали о размерах «бескорыстной» помощи арабским беженцам Палестины. Если в 1967 г., с июня по август, было послано официальных и частных денежных и товарных пожертвований из ФРГ на 10 млн. марок²⁶⁹, то в 1968—1969 гг. только по линии Программы помощи ООН для палестинских беженцев было послано 21 млн. марок²⁷⁰. В общем размере со стороны ФРГ палестинским беженцам была оказана помощь в размере 50 млн. марок²⁷¹. Правящие круги ФРГ уже вынуждены высказать свое мнение «о проблеме беженцев на Ближнем Востоке».

В начале 1968 г. во время поездки В. Брандта в Марокко, с марокканским королем обсуждалась и «оставленная открытой острая политическая проблема—проблема беженцев»²⁷². Федеральный министр в виду остроты проблемы беженцев уже не мог обойти этот вопрос в переговорах с арабской стороной. В многочасовых официальных заявлениях ФРГ упоминалось, что гуманитарная помощь, оказанная жертвам войны на Ближнем Востоке и то «участие, которое они проявили к судьбе арабских беженцев», должно способствовать исправлению «сложных впечатлений» и более объективной оценке позиции ФРГ в арабо-израильском конфликте²⁷³. Разумеется, в этих заявлениях не упоминались размеры помощи, оказанной и оказываемой государству-агрессору—Израилю.

Позиция большинства арабских стран в отношении ФРГ находилась в прямо пропорциональной зависимости от позиции ФРГ в отношении ближневосточного конфликта. Так, комментируя позицию Сирии в отношении стран Запада, в том числе ФРГ, «Обсервер» писала, что «ни один сирийский лидер не может занять более «умеренную» позицию в отношении Запада, пока продолжается арабо-израильский конфликт. Палестинский вопрос не только вызывает подозрение насчет заговоров со стороны сионистов и Запада. Он является истинным источником крайнего, почти безрассудного гнева»²⁷⁴. 8 декабря 1968 г. было опубликовано Заявление о результатах 10-го общеарабского и 4-го регионального (сирийского) съезда партии Бале, состоявшегося в Дамаске в сентябре 1968 г., в котором съезд партии «создал должное требование Сирии не возобновлять разорванных дипломатических отношений с империалистическими государствами (ФРГ, США, Англия) и рекомендовал Сирии сохранить эту позицию»²⁷⁵. Аналогичную позицию Сирии заняла и ОАР.

Вместе с тем правительство Египта, в связи с тяжелым поло-

жением, в котором находилась экономика страны, было вынуждено пойти на компромиссы с западными державами и, в частности, с ФРГ.

Западногерманский историк Томас Крамер так охарактеризовал ситуацию, сложившуюся между ФРГ и Египтом: «...надо признать, что Египет был предрасположен к улучшению отношений с ФРГ. Это было связано со многими причинами экономического и политического характера. Не менее важной была и необходимость в отсрочке египетских долгов и жажда в получении новых кредитов на льготных условиях, так как египетская касса была пуста»²⁷⁶. Египту необходим был, «как воздух», новый заем, что дало бы ему возможность получить значительный кредит от Международного валютного фонда (МВФ)²⁷⁷. Трудности ОАР с выплатой колоссального долга позволили ФРГ воспользоваться положением и продолжить свои экономические проекты²⁷⁸.

ФРГ, широко пропагандируя свои возможности оказать экономическую помощь, направленную на создание в арабских странах «здоровой экономической, социальной и политической системы», резко увеличила не только государственные ассигнования на помощь арабским государствам, но и размеры частных капиталовложений²⁷⁹.

Рупор крупного капитала ФРГ газета «Франкфуртер альгемайне» убеждала, что, создав в этих странах «необходимую базу» — экономическую, культурную и политическую, можно получить взамен «сочувствие к нашим интересам, дружбу, поскольку она желанна для нас, и партнерство. Нам может пригодиться и то, и другое. Интерес является обоюдным». Считая чем-то само собой разумеющимся, что хорошие отношения надо поддерживать деньгами, автор статьи требует, чтобы политики ФРГ выжидали и в понимании специфических политических форм и уже исходя из этого «Федеративная Республика не должна более преподносить сюрпризы развивающимся странам и не должна доводить дело до того, чтобы ей преподносили сюрпризы»²⁸⁰. Речь может идти о кризисе ближневосточной политики ФРГ в 1965 г. и о том, что она не учла этих уроков и в 1967 г., заняв одностороннюю позицию в период июньской войны, вследствие чего не трогать в арабском мире²⁸¹, но и вся внешняя политика ФРГ потеряла большой политический урон в одном из важнейших, как считалось со дня основания ФРГ, направлений внешней политики — противопоставлении признанию ГДР в мире согласно пресловутой доктрине Халыштейна.

За двадцать лет своего существования ФРГ добилась того, что ее политика непризнания ГДР освобожденными странами в 50—60-е гг. была довольно эффективной. В этом сыграл важное

значение и тот фактор, что Бонн приобрел большой вес в качестве торгового партнера и кредитора. Но со временем освобожденные страны начали видеть в лице ГДР равноправного партнера, государство, которое искренне относится к проблемам, волнующим освобожденные страны, в том числе и арабские.

Авторитет ФРГ, беспрекословно следующей в фарватере политики США, начал резко падать. Об этом свидетельствует тот факт, что Ирак и Камбоджа, первые страны, не входящие в социалистический лагерь и остававшиеся без всякого внимания западногерманские требования, признали ГДР.

Ирак признал ГДР 1 мая 1969 г. Президент Ирака аль-Бакр в ряде заявлений указал на причины этого принципиального шага Ирака: «Ирак определяет свою позицию в отношении иностранных государств в зависимости от той позиции, которую они заняли в палестинском конфликте»²⁶². Бакр заявил, что его страна признала ГДР в знак благодарности за поддержку арабов против Израиля и для того, чтобы нанести удар по попыткам Бонна причинить ущерб отношениям между ГДР и арабскими странами. Подчеркивая, что нормализация отношений с ГДР создаст надежную преграду замыслам западногерманских монополий, он отметил, что «в результате установления дипломатических отношений с ГДР преодолена политика насилия и давления, проводимая Бонном в отношении арабских государств»²⁶³.

Согласно новому толкованию «доктрины Хальштейна», Бонн уже не прекращал отношения со странами, если последние признавали ГДР. Так, ФРГ обменялась послами с Румынией и Югославией (имевшим дипломатические отношения с ГДР), что позволяло другим странам надеяться на то, что за признание ГДР им не надо будет платить разрывом дипломатических или экономических связей со все еще «желанным партнером на Рейне»²⁶⁴. Тем более, что Бонн заявлял, что при разрыве или сохранении дипломатических отношений с той или иной страной более не существует «закона автоматизма» и что ФРГ будет в каждом отдельном случае руководствоваться своими национальными интересами. Западногерманское правительство более реально оценило положение и отказалось от классического применения доктрины Хальштейна²⁶⁵. В самой Западной Германии все громче раздавались голоса против этой доктрины. «Франкфуртер рундшау» писала: «Доктрина Хальштейна пришла в непригодность. В этом больше нет никаких сомнений»²⁶⁶.

Вслед за Ираком 28 мая 1969 г. ГДР была признана Суданом, что повлекло за собой целый шквал заявлений и угроз со стороны федерального правительства и официальных лиц. ФРГ расценило признание ГДР Ираком и Суданом как «недружественный акт» и заявило, что в каждом таком случае оно будет определять

свою позицию и предпринимаемые меры в соответствии с интересами «всего немецкого народа» в зависимости от конкретных обстоятельств. Федеральное правительство приняло следующее решение: поведение иракского и суданского правительств в германском вопросе прежде всего уничтожило перспективы на нормализацию и улучшение отношений между ФРГ и этими странами и наметившиеся позитивные изменения. Вместе с тем федеральное правительство, опасаясь ожесточения позиций и других арабских стран, заявило, что из-за позиции Багдада и Хартума оно не даст себя сбить в своем дружественном чувстве в отношении арабских народов и всегда будет стремиться восстановить хорошие отношения с арабами. В официальном заявлении отмечалось и о продолжении «с успехом начатой особой программы помощи для палестинских беженцев»²⁸⁷.

Вслед за Ираком и Суданом ГДР признали Сирия (5.VI.1969), НРЮИ (30.VI.1969), Египет (10.VII.1969), что объяснялось западногерманским правительством «существованием ближневосточного кризиса»²⁸⁸. Канцлер Кизингер, выступая 17 июня 1969 г. в бундестаге, отметил, что решающую роль в этих событиях сыграл «конфликт с Израилем и враждебная этой стране позиция властей ГДР. Федеративная Республика со своей стороны желает лишь сохранения свободы израильского государства»²⁸⁹. Ясно представляя, что арабские страны признали ГДР из-за ее позиции в арабо-израильском конфликте, а не под «коммунистическим давлением» или нажимом СССР, в ФРГ, все же прозвучали голоса, считающие, что «волна признания» ГДР явилась «возможностью Советов усилить влияние своей державы» на Ближнем Востоке «независимо от идеологических обязательств»²⁹⁰. Несмотря на брешь в «доктрине Хальштейна», которую пробили арабы вследствие негативной позиции ФРГ в арабо-израильском конфликте, Западная Германия все же не рискнула пойти на проведение антиарабской политики, что, учитывая «сознательный шаг» арабских правительств, как писала парижская газета «Монд»²⁹¹, на долгие годы откинуло бы ФРГ с Ближнего Востока, хотя министр иностранных дел В. Брандт и заверял, что «ФРГ никогда не стремилась распространять свое влияние на Ближнем Востоке»²⁹², а в лице ГДР она не видит «серьезного соперника на мировых рынках»²⁹³.

Недовольство федерального правительства действиями арабских стран ограничилось лишь заявлениями об отказе от новых экономических соглашений и приостановлении на год ряда подписанных экономических договоров. Эта «умеренная и гибкая реакция» дала, как считает западногерманский исследователь Р. Бюрен, возможность создать предпосылки для получения поли-

тической опоры и почвы для последующего восстановления дипломатических отношений с арабскими государствами²⁹⁵.

В этом аспекте характерной явилась и позиция Свободной демократической партии ФРГ. Председатель СвДП Вальтер Шеель в одном из своих заявлений подчеркнул, что его партия во время предстоящих выборов не вступит ни в какую коалицию с христианскими демократами канцлера Кизингера, если те не откажутся от доктрины Хальштейна. Шеель заявил, что доктрина, требующая прекращения дипломатических отношений Бонна со странами, признающими Восточную Германию, «создает недействительную внешнюю политику»²⁹⁶.

Причины столь «мягкой» позиции правящих кругов ФРГ кроются в том, что западногерманские монополии, видевшие в перспективе большие финансовые выгоды, которое им сулило продолжение политики «помощи развитию» арабским странам, «создающей основу для экспансии и благоприятные предпринимательские условия для приложения капитала»²⁹⁷, понимали: пока федеральное правительство упорно пытается сохранить дух «доктрины Хальштейна», монополии других государств добиваются для себя выгодных контрактов и вытесняют ФРГ с ее уже завоеванных позиций.

Федеральное правительство, будучи чрезвычайно озабоченным процессом признания ГДР со стороны арабских стран, пессимистично восприняло приход к власти в Ливии правительства во главе с М. Каддафи, считая, что Ливия также в скором времени признает ГДР. Ряд умеренных и консервативных арабских режимов еще раньше заверил ФРГ, что ГДР ими признана не будет²⁹⁸. Однако кроме ПАР ни одно даже консервативное правительство не восстановило дипломатические отношения с ФРГ.

Кризис в ближневосточной политике ФРГ в конце 1960-х гг. не смягчило и установление дипломатических отношений между ФРГ и Ливанской Арабской Республикой в июле 1969 г. В заявлении ливанскому еженедельнику «Аш-Шааб» президент ПАР аль-Арьяни, отстаивая это решение своего правительства, заявил, что оно «не может считаться вредным для дела Палестины. В противном случае все арабские страны разорвали бы узы со всеми государствами, признавшими Израиль». Аль-Арьяни приводил пример Иордании, ведущей военные действия против Израиля и возобновившей отношения с ФРГ. Благодаря своему решению ПАР сразу же получила согласие на осуществление Западной Германией экономических проектов и денежной помощи в общей сумме более 150 млн. марок²⁹⁹. Позже в другой статье «Аш-Шааб», критикуя этот шаг ПАР, отмечал, что Бонн, оказывая военную, экономическую и финансовую помощь Израилю, «поощряет агрессора на провокации», не считаясь с международным обществен-

ным мнением и решениями Совета Безопасности ООН. В статье подчеркивается, что большая экономическая и финансовая помощь, обещанная Бонном правительству ИАР, будет оказана лишь при условии, если правительство в Санае «возьмет на себя обязательство вести борьбу против НРЮП и усилит кампанию против прогрессивных элементов в ИАР»²²⁹.

Характеризуя ближневосточную политику ФРГ в 60-е гг., необходимо отметить, что она являлась инструментом в руках господствующих монополистических кругов ФРГ и была использована с целью более глубокого проникновения на обширный рынок региона. Заявляя об отсутствии «имперских интересов»²³⁰ и в то же время широко используя разнообразные формы проникновения, сопровождаемого активной идеологической обработкой, Бонн пытался оказать давление на внешнюю и внутреннюю политику правительств арабских стран.

Прекратив в 1965 г. прямые поставки оружия Израюлю и установив под давлением США дипломатические отношения с Израилем, федеральное правительство в дни арабо-израильской войны в июне 1967 г. оказало агрессору большую морально-политическую поддержку, хотя формально и объявило о своем «невмешательстве».

Говоря о позиции ФРГ в отношении арабо-израильского конфликта в этот период, необходимо отметить, что преследуя в первую очередь собственные политические и экономические цели, правящие круги ФРГ вместе с тем стремились не подвергнуть опасности политический союз с США. Каждый шаг на Ближнем Востоке боннская дипломатия совершала с оглядкой на Вашингтон—будь то отношения с Израилем или с арабскими странами. Однако требования влиятельной части крупной буржуазии ФРГ усилить экспорт капитала, расширить сферу влияния и на арабские страны привели к отказу от однозначной позиции в пользу Израиля, даже несмотря на то, что некоторые арабские страны признали ГДР. И если отношения с арабскими странами во второй половине 60-х гг. развивались не так удовлетворительно, как этого желала бы ФРГ, то ей все же удалось, как хотелось бы считать МИД ФРГ, избежать альтернативы «Израиль или арабы».

ГЛАВА II

ПЕРЕХОД К «СБАЛАНСИРОВАННОМУ КУРСУ» (1970—1977 гг.)

51. ПЕРЕОЦЕНКА НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ФРГ В НАЧАЛЕ 70-Х ГГ.

Результаты выборов 1969 г. привели к коренному повороту в двадцатилетней внешней политике ФРГ. Создание нового коалиционного федерального правительства (СДПГ и СвДП) с парламентским большинством в 12 мандатов явилось выражением одного из факторов «потребностей» западногерманского капитализма: реалистически мыслящие силы немецкой монополистической буржуазии поняли, что руководство СДПГ сумеет лучше, чем руководство ХДС/ХСС, приспособить внешнюю, экономическую и внутреннюю политику страны к требованиям 70-х гг.¹ Превратившись в самую мощную державу в Европе в экономическом плане, в плане политическом ФРГ на протяжении всей своей истории занимала второстепенное положение, более того, подчиненное в рамках союзнических соглашений².

Быстрый промышленный рост ФРГ, возросшая конкурентоспособность и успехи экономической экспансии западногерманских монополий и ряд других факторов «способствовали усилению стремлений правящего класса к определенному высвобождению из-под опеки США, к более самостоятельной политике в отношении социалистических стран», писал советский историк И. Кремер³. Ведь односторонняя, ориентированная исключительно на Запад, внешняя политика ФРГ, требовавшая пересмотра послевоенных границ, лишила возможности политического маневрирования.

Стремление правящих кругов Западной Германии преодолеть разрыв между большим экономическим потенциалом ФРГ и ее слабым международным влиянием, одним из выражений чего стал отказ арабских стран от готовности согласиться с притязаниями Бонна на единоличное представление всей Германии, стало основой тогдашней внешнеполитической ориентации ФРГ.

Первым шагом правительства «малой коалиции» в области внешней политики явилось подписание 28 ноября 1969 г. «Договора о нераспространении ядерного оружия». Наиболее важным шагом, по мнению В. Д. Ежова, «шагом, определявшим все последующие действия правительства в области его восточной политики», явилось заключение в августе 1970 г. в Москве договора с СССР¹. В декабре того же года был подписан договор с Польшей, содержащий признание европейских послевоенных границ. В Московском договоре подтверждалась нерушимость границы между ФРГ и ГДР, что свидетельствовало о фактическом признании ГДР самостоятельным и суверенным государством и означало официальный отказ от «доктрины Халыштейна».

Признание европейских границ хотя и говорило о серьезном изменении внешнеполитического курса ФРГ от конфронтации к разрядке, однако переход к новому курсу в восточной политике, отказ от аденауэровских политических установок «не означал изменения сущности западногерманского империализма,—писал Р. Ф. Алексеев.—Речь шла о приспособлении к новым условиям, сложившимся в мире»²,—то, что канцлер В. Брандт позже охарактеризовал как «мучительное признание реальностей».

Заяив под воздействием изменившейся в целом международной обстановки более гибкую и реалистическую позицию, социал-либеральное правительство продолжало оставаться главным союзником США, вносило свой вклад в усиление бундесвера и НАТО, более того взяло на себя большую долю дополнительных расходов в НАТО на ближайшие пять лет (1 млрд. дол.). Несмотря на обострение внутренних конфликтов из-за расхождения интересов между ФРГ и США, «господствующие империалистические круги нашей страны,—отмечали коммунисты ФРГ на Дюссельдорфском съезде в 1971 г.,—в целом остаются в фарватере глобальной стратегии американского империализма»³. Говоря о существующих противоречиях и разногласиях с США, канцлер Брандт вместе с тем неоднократно выступал с заверениями дружбы и тесном союзе с США⁴. И именно существование противоречия между проводимой политикой разрядки и преобладанием в проведении общего курса с США явилось характерным для всей внешней политики нового правительства ФРГ.

Проводимая с молчаливого согласия и одобрения западных союзников новая восточная политика ФРГ вызвала резкую критику со стороны Израиля и международного сионизма⁵, опасаясь, по словам израильского историка А. Нойштадта, как бы это не привело также и к изменениям ближневосточной политики ФРГ, которые были бы для Израиля «негативными»⁶.

Многочисленные израильские протесты довели дело до того,

что канцлер Брандт был вынужден в своей речи на открытии «Недели братства» в Кельне в 1971 г. специально остановиться на этом вопросе. Он, в частности, отметил, что до и после заключения Московского договора от 12 августа 1970 г. четко и ясно говорил о том, что улучшение наших отношений (с СССР. — А. М.) не может идти во вред третьему государству. Это в полной мере относится и к Израилю. Израильское правительство уже «отказалось от предположения, продолжал канцлер, что восточная политика федерального правительства неблагоприятно будет действовать на его отношения с Израилем»¹⁰.

«Обеспокоенность» Израиля тем, что улучшение отношений между ФРГ и СССР отразится отрицательно на западногермано-израильских отношениях, являлась частью начатой кампании, что разрядка в Европе приведет к усилению напряженности на Ближнем Востоке из-за того, что «Советы приобретут большую свободу действий»¹¹. Поэтому уже в феврале 1970 г. в Бонн «спочно» прибыл министр иностранных дел Израиля Абба Эбан, чтобы получить информацию о «новых основных целях» внешней политики ФРГ.

Правящие круги Израиля не могли свинуться с мыслью, что создавшаяся международная ситуация заставит и ФРГ пойти на договоры с СССР по признанию послевоенных границ в Европе. Отмечая, что «через свою международную сионистскую организацию монополистическая буржуазия еврейского происхождения всячески разжигает антисоветизм, пытается отравить своей клеветнической пропагандой политически незрелых людей, газета «Правда» в статье «О классовой сущности сионизма», пишет, что источник этого антисоветизма состоит в классовой ненависти к первому в мире социалистическому государству»¹².

В арсенал кампании израильской прессы была введена новая терминология, что метко было отражено в газете «Унзере цайт», которая в связи с резкими нападками израильских политиков на федеральное правительство из-за его договоров с Москвой и Варшавой писала: «Как нарочно, при любой попытке, с которой федеральное правительство начинало пробивать «наследие» нацистской агрессивной политики, его упрекали из Тель-Авива в «нацистском духе»¹³.

Арабские страны приветствовали политику Бонна, направленную на разрядку международной напряженности, считая, что лишь в период разрядки в Европе, ФРГ, принимая во внимание ее политические интересы, сможет сыграть полагающуюся ей роль и в арабском мире¹⁴. Восточная политика «выведет из оцепенения и судороги» и даст ФРГ возможность начать новое сотрудничество с арабскими странами, — считали западногерманские политические наблюдатели¹⁵. Арабские страны ожидали от ФРГ нового отношения к народам третьего мира и большего понимания их

экономических и политических проблем¹⁶. И необходимо отметить — их некоторые ожидания сбылись, что в первую очередь было связано с намерениями западногерманского капитала играть в арабском регионе все большую роль, в связи с собственными экономическими интересами. Западногерманские монополии хотели воздвигнуть свои будущие политические и экономические позиции на том, что авторитет других западных держав постоянно падал. И именно здесь, по мнению ливанских коммунистов, соприкасались интересы западногерманского капитала и реакционных сил в арабском регионе, которым уже стало невозможно сотрудничать с дискредитированными по всех народных слоях «старыми империалистическими державами»¹⁷. Они хотели, чтобы ФРГ заменила их, препятствуя этим расширяющемуся сотрудничеству арабских государств с Советским Союзом, другими социалистическими странами.

28 октября 1969 г. новый канцлер ФРГ В. Брандт выступил в бундестаге с правительственной речью и, отметив, что среди современных очагов напряженности, конфликт на Ближнем Востоке вызывает особое беспокойство, заявил, что «это в интересах затронутых конфликтом народов найти решение, как оно было предложено в резолюции № 242 Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 г. Федеральное правительство желает хороших отношений со всеми государствами этого региона и подтверждает решение не посылать оружия в области напряженности»¹⁸. Как видно, заявление не дает основания думать о каких-то переменах ближневосточной политики ФРГ и ее позиции относительно арабо-израильского конфликта. Столь же умеренными явились и последующие многочисленные выступления, заявления официальных лиц ФРГ в начальный период правления правительства «малой коалиции». Первым принципиальным шагом федерального правительства явилось провозглашение «курса сбалансированности» в отношении Ближнего Востока. Канцлер Брандт во время пребывания в Тунисе в январе 1970 г. характеризует сбалансированную политику ФРГ, отметив, что она уважает и учитывает интересы арабских стран, однако не может быть идентифицирована с политикой, имеющей целью уничтожение Израиля¹⁹.

Понимая, что укреплению позиций ФРГ в арабском мире препятствуют ее отношения с Израилем, правящие круги Западной Германии все еще не решались выступать с прямыми требованиями к Израилю, вывести свои войска из оккупированных земель и поэтому скрывали свою позицию под «убедительными нейтральными заявлениями в отношении всех сторон в конфликте», как считают западногерманские исследователи²⁰.

Западная Германия приветствует все акции, которые могли бы содействовать мирному решению ближневосточного вопроса,

миссию Г. Ярринга, все же считали, что резолюция №242 хотя и не могла быть готовым решением, все же «создала единственно шарокий базис для усилий по мирному урегулированию»²¹.

Правительство в Бонне активно разъясняло свою позицию, заявляя, что добивается установления хороших отношений со всеми государствами Ближнего Востока, что относится и к Израилю и к арабским странам. И, как следует из одного интервью министра иностранных дел В. Шееля, — «совершенно неоправданно вести разговоры о сдвигах акцентов в ту или иную сторону»²². Он же ранее выступая в бундестаге по вопросам внешней политики отметил, что правительство в своей ближневосточной политике «отказывается от всякого двурушничества» для достижения мира в конфликте²³, ибо было бы глупо, по его мнению, если политика ФРГ в отношении арабо-израильского конфликта состояла в. Улучшении отношений с одними государствами за счет ухудшения отношений с другими.

В арабских странах провозглашение Бонном «сбалансированного курса» было встречено сдержанно и выжидательно. Так, правительство ОАР заявило, что надеется на «эффективное изменение» западногерманской политики: Федеративная Республика должна будет не на словах, а на деле осуществить ее, считали в Каире²⁴.

С израильской стороны подчеркивали,²⁵ что «сбалансированность» не должна применяться как механическое равновесие, а как реакция на все еще существующие действительные условия. В Израиле восприняли «сбалансированную политику» как субъективное понятие, которое можно будет сакцентировать перед той или иной стороной конфликта. А так как отношения ФРГ и Израиль носят «особый характер», то и попытка «сбалансировать» политику будет направлена именно против Израиля, — опасались в правящих кругах Тель-Авива. И хотя федеральное правительство и заявляло, что эта политика будет проводиться в жизнь не за счет Израиля, израильтяне считали, что центральным аспектом этой политики является желание ФРГ к нормализации своих отношений с арабским миром²⁶.

Характерной чертой многочисленных заявлений федерального правительства в этот период является взаимодополняемость тех или иных элементов, которые только в едином целом дают точную картину всей позиции ФРГ в отношении арабо-израильского конфликта.

Знаменательным является предписание МИД ФРГ «К немецкой позиции в ближневосточном конфликте» от 5 июня 1970 г. об основных положениях западногерманской ближневосточной политики. Отмечая, что «отличные отношения» с Иорданией и другими арабскими странами показывают, что хорошие отноше-

ния с Израилем не исключают дружественных отношений с арабами, МИД ФРГ заявил, что правительство не принимает ничьей стороны в ближневосточном конфликте. И известным выражением этой политики является прекращение поставок оружия на Ближний Восток, т. е. в Израиль. Вместе с тем МИД ФРГ подчеркивал, что выступает за претворение в жизнь резолюции № 242 Совета Безопасности ООН, «без принятия позиции к ее отдельным элементам»²⁵. Обосновывалось это тем, что резолюция в ее различных частях рассматривается в ФРГ как компромисс, который надо принять во всем его единстве.

Однако ряд других официальных представителей ФРГ, в том числе и канцлер Брандт, комментировали отдельные части резолюции № 242. Так свою поддержку применению резолюции он объяснял тем, что «насилие не может быть средством для достижения политических целей»²⁷, косвенно указывая на Израиль, как первого применявшего силу.

Чаще всего канцлером комментировалась та часть резолюции, которая касалась вопроса беженцев на Ближнем Востоке. Он впервые заговорил о «палестинском факторе», который считал «всегда важным аспектом конфликта». В. Брандт довольно-таки неопределенно, но все же отмечал возрастающее значение этой проблемы и необходимость урегулирования вопроса беженцев²⁸. В другом своем заявлении он указал, что «проблема палестинцев» — особенно трагический аспект ближневосточного конфликта и требует своего справедливого урегулирования, о чем говорится и в резолюции 242²⁹. Наиболее резкую реакцию в Тель-Авиве вызвал однако ответ Брандта на вопрос о возможном решении проблемы беженцев: «удовлетворительное решение возможно лишь тогда, когда беженцы получают возможность вернуться в свою страну»³⁰. Не пытаясь углублять и далее позицию в отношении беженцев, считая что и эти заявления уже показывают арабским странам положительный подход ФРГ в палестинском вопросе, федеральное правительство и в рамках специальных учреждений ООН продолжало оказывать беженцам большую материально-финансовую помощь. В 1970—1973 гг. ФРГ на эти цели было выделено 48,7 млн. марок³¹. Правительство ее продолжало рассматривать палестинский вопрос как проблему беженцев и, считая, что палестинцы не являются фактором мирного решения вопроса, видело урегулирование на Ближнем Востоке только силами находящихся в конфликте государств³².

Федеральное правительство избегало дискуссий и комментариев по проблеме Иерусалима, навязываемой ему со стороны израильского правительства, отмечая, что ФРГ не может быть судьей в вопросе, «решение которого должно быть найдено на месте». Однако конфликт Бонн считал возможным урегулировать поэтап-

во, предлагая начать с открытия Суэцкого канала³³. Необходимо отметить, что это было тесно связано с прямыми экономическими интересами ФРГ, затронутыми закрытием канала и трудностями с доставкой нефти из зоны Персидского залива вокруг Африки.

Федеральное правительство надеялось, что лишь «путем переговоров» будет достигнуто будущее справедливое и прочное урегулирование и «улаживание» конфликта³⁴.

Наиболее распространенным комментарием и разъяснением подверглась резолюция № 242 в Заявлении правительства ФРГ «К миру в восточном Средиземноморье», в котором, хотя и повторялся текст резолюции, однако впервые со стороны ФРГ требовалось от Израиля отвести вооруженные силы из оккупированных районов. Говоря о праве государств этого региона жить в суверенитете и безопасности, правительство ФРГ подчеркивало, что «применение силы не должно быть средством для достижения территориальных изменений»³⁵. Фактически новое правительство Западной Германии считало себя вправе осудить захват и оккупацию Израилем арабских территорий. Необходимо отметить, также и то, что для периода 1970—1973 гг. это Заявление не является характерным, а скорее предопределяет возможную в будущем позицию ФРГ, оно скорее всего является пробной попыткой выступить с более менее четкими и однозначно звучащими формулировками в определении своего отношения к Израилю. Это соответствовало и совместной позиции стран ЕЭС.

В самом начале правления «малой коалиции» в Бонне вполне определенно высказывались, что ФРГ недвусмысленно выступает за право Израиля на существование в безопасных и признанных границах. «Право государства Израиль на жизнь для нас бесспорно,—отмечал канцлер Брандт,—и в арабских странах растет понимание нашей позиции»³⁶.

Кажущееся охлаждение западногермано-израильских отношений в связи с тревогой Израиля о возможных «негативных» последствиях восточной политики ФРГ и провозглашения сбалансированного курса на Ближнем Востоке, было развеяно в следствии первого официального визита члена израильского правительства, министра иностранных дел Израиля Абба Эбана в ФРГ в феврале 1970 г.

Визит А. Эбана, проходивший под знаком «политики успокоения» боннским правительством Израиля³⁷, в течение которого оно убеждало представителя Израиля, что нет основательных изменений в позиций Бонна в отношении Израиля и арабо-израильского конфликта, представлял собой, по словам В. Шееля, «историческую дату в истории обоих народов». Федеральное правительство рассматривало дальнейшее развитие и углубление западногермано-израильских отношений как «важную задачу»³⁸.

лодки для Израиля⁴⁶, а крупнейший западногерманский «Дойче банк» предоставляет регулярно Израилю секретные субсидии и долгосрочные кредиты⁴⁷. Глава «Дойче банк» Г. Абс явился посредником в создании Израилем значительной резервной суммы денег в западногерманской валюте, что являлось мерой для защиты торговых интересов Израиля на западноевропейском рынке⁴⁸.

Однако поддержка Израиля, как политическая, так и экономическая, в действительности все же противоречила истинным интересам ФРГ на Ближнем Востоке. И одной из главных причин этого, если не самой важной, было сырье (в данном случае — нефть). Именно в этот период начала 70-х гг., когда обострились противоречия между Западной Европой и США, правительства стран-членов ЕЭС сделали совместную попытку критически отнестись и к Израилю, являющемуся их «идеологическим партнером» на Ближнем Востоке. Ни прогресс капиталистической интеграции, ни общеполитические интересы не смогли устранить конкуренции между западными державами. Правящие круги капиталистических стран Западной Европы (прежде всего шестерка стран ЕЭС) несмотря на имеющиеся между ними противоречия, вытекающие из борьбы за господствующее положение в Общем рынке, и в первую очередь между ФРГ и Францией, имели общую заинтересованность в том, чтобы играть более самостоятельную роль во всех отношениях⁴⁹.

К началу 70-х гг. в капиталистической системе определялись три основных центра экономического соперничества: США — Западная Европа (прежде всего ЕЭС) — Япония. Особенно ярко этот процесс наблюдается на примере Ближнего Востока. Дело в том, что американская ближневосточная политика, в годы последовавшие после июньской агрессии Израиля в 1967 г., ярко продемонстрировала, что она совершенно не считается с интересами своих союзников в Западной Европе. Анализ показывает, что интересы европейских стран не только существенно отличаются от американских, но зачастую прямо им противоположны⁵⁰.

Основной проблемой, лежащей в основе этих разногласий, являлась ближневосточная нефть и обеспечение нефтеснабжения. США, заявляя о том, что у них и Западной Европы одинаковые цели на Ближнем Востоке, игнорировали тот важный экономический и политический фактор, что западноевропейские страны были в полной зависимости от нефтяных поставок (80%), в отличие от США (3—5%)⁵¹. И американский нефтяной бизнес стремился сохранить именно свои позиции на рынке, не допуская самих европейцев установить прямые связи и обеспечить нефтеснабжение путем двусторонних договоренностей с нефтедобывающими странами⁵². Это означало бы для американской экономики убытки в размере 1,5 млрд. дол. в год и некоторое ослабление американского поли-

тического влияния в Европе⁵⁵. В силу стратегического характера нефти, являющейся основным сырьем в энергетическом балансе стран ЕЭС, оставить снабжение в руках США, означало «безоговорочно оказаться на поводу американской политики», считали в Западной Европе. Политики и экономисты отмечали, что в области энергоснабжения необходимо уйти от «американского посредничества» и напрямую установить отношения с арабскими нефтедобывающими странами, так как нефтяные потребности предлагалось обеспечивать за счет нефти стран Персидского залива и Северной Африки⁵⁶.

Кроме того страны Западной Европы считали объявление президентом Никсоном Ближнего Востока «задачей первостепенной важности»⁵⁷ и решение о поставках больших партий оружия Израилю в декабре 1971 г.⁵⁸, способными изменить отношение нефтедобывающих арабских стран к Западу. Своей жизненно важной задачей правительства стран-членов ЕЭС выдвигали «сохранение нефтяного потока в естественные рынки», т. е. в Европу и Японию, опасаясь, что, вследствие «усиления влияния» на Ближнем Востоке, СССР возьмет «в руки кран и перекроет нефтяной поток»⁵⁹. Западноевропейским странам самим нужно позаботиться о нефтеобеспечении, считал правительственный эксперт Г. Кайзер⁶⁰.

К современным экономическим константам на Ближнем Востоке Г. Энд относил: растущее экономическое влияние СССР, зависимость западноевропейских стран от арабской нефти и возможный конфликт между политикой ЕЭС и американскими интересами. Признавая Израиль «потенциальным плацдармом Запада», он оправдывает политику ЕЭС, в том числе и ФРГ, в отношении арабских стран, считая, что их интересы, естественно, состоят в том, чтобы «создать себе как можно более надежное и дешевое обеспечение нефтью»⁶¹. Эта проблема и явилась центральной в определении ближневосточной политики ФРГ в начале 70-х гг.

Именно взаимная зависимость от нефтяного экспорта и интересы импорта, предоставляющие дополнительно важный фактор во взаимоотношениях ЕЭС и Ближнего Востока⁶², явились причиной того, что процесс координации внешней политики европейских государств («Европейское политическое сотрудничество»), свое первое выражение нашел в определении совместной точки зрения в отношении арабо-израильского конфликта. Этот процесс, столкнув ФРГ с проблемами, которые она еще не готова и не в силах была решить, вместе с тем дал «импульс», облегчавший в определенной степени ее желание политическими средствами проводить сбалансированную политику. В рамках общей позиции стран-членов ЕЭС, Западной Германия «постепенно могла бы войти в новую фазу», которую она стреми-

лась играть на Ближнем Востоке⁶³. Вместе с тем ФРГ, с одной стороны, должна была принять, во внимание довольно-таки критическую позицию Франции по отношению к Израилю и проводимой им политике, с другой же—пыталась, чтобы ее отношение к Израилю не выходило за рамки «отягощенных чувством вины» особых отношений. Федеральному правительству было чрезвычайно трудно изменить и привыкнуть к новому отношению к Израилю—слишком глубоко было убеждение, что ему по моральным причинам не позволена критика в адрес Израиля. Однако для защиты совместной западноевропейской политики, Бонн все же занял позицию «критической солидарности». Какие трудности политического характера пережило федеральное правительство и с какими столкнулось позже, показывает обсуждение и единогласное утверждение министерии иностранных дел ЕЭС рабочего документа по Ближнему Востоку (13—14 мая 1971 г., Париж).

В документе, представленном «комитетом Давильона»⁶⁴, и который не был официально опубликован, страны-члены ЕЭС значительно вышли за рамки положений резолюции № 242 Совета Безопасности ООН. Позже в западногерманской газете «Вельт» текст был опубликован, но без преамбулы и заключительной части⁶⁵. Он уточнял те части резолюции № 242, которые касались отхода израильских войск. В то время, как английский текст утверждал о выводе израильских войск «из территорий, оккупированных в недавнем конфликте», то есть войне 1967 г., оставляя открытым вопрос вывода войск из всех арабских территорий, Франция «интерпретировала» во французском дословном тексте—«вывод из оккупированных областей»⁶⁶. И так как документ ЕЭС на французском языке был единогласно утвержден, то возникло впечатление, что ФРГ прикнула к позиции Франции и требовала вывода израильских войск из всех оккупированных Израилем территорий. При урегулировании проблемы беженцев ЕЭС взяло в основу резолюцию 194 (III) ГА ООН от 11 декабря 1948 г., потребовав этим большего, чем статус-кво до 1967 г.⁶⁷ О статусе Иерусалима, не рассматриваемом в резолюции № 242, в документе сообщества, был одобрен «План административной интернационализации» соответственно с решением Опекунского совета 232 (VI) от 4 апреля 1950 г.⁶⁸

Согласие федерального правительства с этим документом вызвало критику как в Израиле, так и в ФРГ. Реакция западногерманской прессы была двусмысленна: от полного одобрения—до решительного осуждения. В Израиле: от горьких упреков—до жесткой критики; документ сообщества был охарактеризован как «бумажная демонстрация»⁶⁹.

Резкая критика Израиля вызвала в правительственных кругах ФРГ возмущение, так как этой критикой Тель-Авив оспаривал право не только ФРГ, но и ЕЭС вообще заниматься ближневосточными проблемами. В. Брандт в своих воспоминаниях, относительно этого документа ЕЭС, писал, что «значительно затруднились «отношения с Израилем из-за попытки ЕЭС уточнить свою совместную позицию к ближневосточным вопросам. «Я не был убежден в том, что было неправильно совещаться, взявшись в политическом сотрудничестве прежде всего за эту тему... Но я не хочу следовать Голде Меир, когда она оспаривала вообще право ЕЭС вмешиваться в шекотливые ближневосточные вопросы. Я должен был, пишет В. Брандт, без резкости ей разъяснить, что подобное право мы взяли на себя даже относительно еще более могущественного государства—Соединенных Штатов»⁷⁰. На заседании бундестага В. Шеель, выступая о вопросе согласования совместной ближневосточной политики внутри ЕЭС, так же коснулся этого принципиального вопроса—имеет ли вообще член ЕЭС или западноевропейцы, и ФРГ в том числе, право заниматься конфликтом и выражать свою позицию. Министр иностранных дел разъяснял, что шесть стран-членов ЕЭС, каждая из которых, разумеется, проводит собственную и вполне отличную от других политику на Ближнем Востоке, лишь пытались «совместным анализом прийти к всеобщему мнению, а затем и к совместным действиям»⁷¹. Отмечая в своем выступлении единогласное принятие документа, он подчеркнул, что документ не содержит изложения резолюции № 242, а отдельную, из резолюции построенную концепцию «Общего рынка, которая руководствовалась «внутренней сбалансированностью» резолюции № 242 Совета Безопасности ООН»⁷².

Сам факт, что это был технический документ, не предназначенный для опубликования говорит с его ограниченным характером. Практически соглашение ЕЭС значило мало, считали, например, в Англии⁷³. Однако эта позиция Англии говорит в ее пользу, поскольку уже высказывались критической точки зрения странами сообщества в отношении Израиля открывало им большие перспективы в арабских странах. И бесспорно мнение, что ЕЭС «просто не имело достаточного влияния, чтобы изменить поведение Израиля или арабских стран». Несомненно, израильское правительство знало, что США не «откажут концессию» и Ближнем Востоке европейцам и защита «толпой из израильтян» даст Израилю военное превосходство в регионе и возможность остаться нестигаемым относительно вывоза нефти из областей и переговоров»⁷⁴.

Однако, как отмечено Я. Броушину, «на тот момент, когда «ЕЭС»

речащий экспансионистскому курсу Тель-Авива, отразил заметную эволюцию в ближневосточном вопросе некоторых стран⁷⁶. Именно этот документ в значительной степени послужил заметной разрядке в отношении арабского мира к Федеративной Республике, чья позиция не осталась незамеченной арабами⁷⁶. Арабские страны, приветствуя этот документ, заявляли, что уже сейчас путь к восстановлению дипломатических отношений с ФРГ свободен. Об этом высказались руководитель Бюро Лиги арабских стран в Бонне Хатиб, египетский министр иностранных дел Махмуд Риад и другие официальные лица⁷⁷.

Федеративное правительство, однако, со своей стороны не желало, чтобы возникло впечатление, будто страны сообщества, и ФРГ в том числе, хотели выдвинуть инициативу по ближневосточному урегулированию и воздвигнуть ее на основе важного для Израиля по территориальному вопросу⁷⁸. США и Израиль, игнорируя глубинные причины возникновения рабочего документа ЕЭС, видели в нем лишь результат арабского давления на Европу. Западногерманский исследователь проблемы Р. Бюрен, изобразив, характеризуя документ ЕЭС, считал, что он выдвинут против ультимативной позиции арабских стран, хотя несколько противорече себе призвал, что ФРГ вместе с двусторонними отношениями и на европейском уровне проводила активную арабскую политику⁷⁸.

Резкая реакция Израиля вследствие нового подхода Бонна обусловлена не в последнюю очередь тем, что Израиль возлагал особые ожидания именно на поддержку ФРГ в рамках Общего рынка, где политические и экономические позиции Бонна не ставились под сомнение и считались важнейшим фактором при принятии всех политических решений⁸⁰.

Правительство ФРГ чутко прореагировало на нежелательный сдвиг в сторону арабских стран, что противоречило объявленному принципу «сбалансированности», который, по его мнению, был нарушен. Последовал ряд заявлений, в которых федеральное правительство откасалось от поддержки французского текста документа, заявив, что рассматривает резолюцию № 242 не во французской интерпретации.

Кроме того, для разъяснения западногерманской ближневосточной политики и рабочего документа Шестерки, Иерусалим с визитом посетил В. Шеель (7—9 июля 1971 г.)⁸¹. Это был первый официальный визит министра иностранных дел ФРГ в Израиль, во время которого он, с одной стороны, защищал документ ЕЭС, с другой же — отмежевался от совместной с Францией позиции, так как это противоречило особому характеру отношений Западной Германии с Израилем. В. Шеель смог восста-

новить израильское доверие к ФРГ, однако этим он возбудил серьезное недовольство своего союзника в Европе—Францию. Париж критиковал Бонн не только за то, что об этой позиции ФРГ он был проинформирован за день до визита, но прежде всего за четкое отмежевание от совместной позиции³³. В комментариях французской прессы остро затрагивался и резко критиковался также вопрос сильной ориентации Западной Германии на «естественного англосакского союзника» (т. е. США—А. М.)³⁴.

Заявления В. Шееля в Израиле вызвали и «скептическое» отношение к сбалансированной политике ФРГ в арабском мире. Руководитель Бюро Лиги в Бонне заявил, что в течение этого визита в арабских кругах возникло определенное сомнение в отношении искренности позиции Бонна и что арабский мир в ожидании разъяснения³⁵. Политический комитет Лиги обязал Генерального секретаря Хасуна встретиться на Генеральной Ассамблее ООН с западногерманским министром иностранных дел для информирования о позиции ФРГ в отношении арабо-израильского конфликта. В ноябре 1971 г. на Совете Лиги Хасуна сделал сообщение о своих контактах и беседе с В. Шеелем в Нью-Йорке, 13 и 14 ноября 1971 г., несмотря на вето Ирака и Сирии, решение с определении позиции в отношении ФРГ было обсуждено³⁶ и Совет постановил объявить о восстановлении дипломатических отношений с ФРГ по усмотрению отдельных арабских стран. Против проголосовали представители Сирии, Ирака и Саудовской Аравии³⁷. Этому решению предшествовало активное дипломатическое зондирование представителей Бонна в арабских странах.

Дипломатические отношения с ФРГ восстановили Ливан (30 марта 1972 г.), ОАЭ (17 мая 1972 г.), Египет (8 июня 1972 г.), Кувейт (3 февраля 1973 г.), Саудовская Аравия (18 сентября 1973 г.), Ирак, Сирия и Южный Йемен в этот период воздержались от установления дипломатических отношений с Западной Германией.

Таким образом, «ревизия решения Лиги от 1965 г. «поставила Бонн перед новой дилеммой: с одной стороны, концепция сбалансированности, учитывающая и интересы Израиля, с другой— требования арабов осуждения федеральным правительством израильского внешнеполитического курса и вывода войск из оккупированных арабских территорий. Казалось бы, что, прикрываясь принципом сбалансированного подхода, ФРГ могла бы уже и далее развивать отношения с арабским миром, тем более после установления с большинством стран полных дипломатических отношений. Однако осенью 1972 г. снова произошел глубокий кризис, когда только что возобновившиеся после семилетнего пе-

рерыа отношения ФРГ с Египтом и с другими арабскими странами вновь оказались под угрозой.

Это произошло вследствие того, что федеральное правительство выступило с обвинениями в адрес арабских правительств, которые, по мнению Бонна, не заняли достаточно критической позиции в связи с инцидентом, произошедшем 5 сентября 1972 г. на Олимпийских играх в Мюнхене, в результате которого были убиты палестинскими командос члены израильской спортивной делегации⁸⁷. В опубликованном 7 сентября 1972 г. правительственным заявлении Египта говорилось, что «если правительство ФРГ хочет угодить Соединенным Штатам и Израилю, то оно не должно делать это за счет Египта и арабов». Обвинения в адрес арабских правительств, выдвинутые Бонном, отмечалось далее в заявлении, — это «попытка шантажа и извращения фактов, имеющая цель снять с себя ответственность за инцидент»⁸⁸. Посол ФРГ в Каире Ганс Штельцер был вызван в МИД АРЕ для разъяснения позиции своего правительства. Генеральный секретарь Лиги арабских стран М. Риад также принял посла ФРГ и от имени всех стран-членов Лиги заявил, что инцидент произошел из-за попыток Бонна «исправить собственные ошибки в отношении палестинских партизан»⁸⁹.

Правительство ФРГ, пытаясь сгладить создавшуюся напряженность, заявило, что арабские страны не имеют отношения к мюнхенским событиям и поэтому не могут нести за него ответственность. Однако вместе с тем Бонн призывал арабские правительства отречься от солидарности с палестинскими организациями, что оказывает «отрицательное влияние» на мировое общественное мнение об арабах⁹⁰. Деятельность группы экстремистов была осуждена руководителями Организации освобождения Палестины⁹¹.

Негативное отношение федерального правительства к палестинским организациям нашло свое выражение в еще более резкой форме. Так, 4 октября 1972 г. МВД ФРГ запретило деятельность Генерального союза палестинских студентов (1 тыс. членов) и Генерального союза палестинских рабочих (10 тыс. чл.). В указе о запрете отмечалось, что он не направлен ни против арабов вообще, ни против арабских стран, с которыми ФРГ по-прежнему поддерживает или стремится поддерживать хорошие отношения⁹². Запрет затронул не только членов указанных союзов, но и 41230 живущих в ФРГ граждан из 10 арабских стран. Даже такой «друг арабов» как Бен-Вини (Г. Ю. Вишневецки) не осудил запрета, хотя в Конституции ФРГ (в § 3) говорится, что никто «из-за своей родины и происхождения не должен преследоваться». Министр иностранных дел ФРГ В. Шеель, вытавившийся не осложнять отношения с арабским миром, вынужден был заявить, что

«это было бы несчастьем, если мы сейчас скажем, что во всем виноваты арабы»²¹.

Действия Бонна вызвали взрыв негодования в арабских странах. Министр иностранных дел Сирии Абдель Халим Хаддам заявил, что действия Западной Германии против арабов нельзя назвать иначе, как расистские²². Ливанские профсоюзы и студенческие объединения требовали бойкотирования товаров ФРГ. Иракская «Ас-Саура» спрашивала: «Когда же арабы наконец поймут, что враждебность господствующей клики в ФРГ не менее последовательна, чем сионистов и США? До каких пор будут существовать и обеспечиваться экономические интересы ФРГ в арабском мире? До каких пор мы хотим полагать, что наш противник выразит симпатию и понимание нашему справедливому делу?»²³.

Запрет палестинских организаций обеспокоил и общественность Западной Германии. В ответ на высылку части арабских рабочих и студентов выразила свой протест Германская компартия. Союз немецких студентов ФРГ принял решение, в котором он заявлял о своей солидарности со «справедливым сопротивлением палестинского народа против сионизма, расизма и оккупации». Союз осудил «сотрудничество империализма ФРГ с израильскими агрессорами и экспансионистами» в политической, экономической и военных областях. Студенты осуждали и все «мирные решения», которые не признают права палестинцев на самоопределение и поддерживали борьбу ООП за создание демократического государства в Палестине²⁴.

Отношения ФРГ с Израилем осложнились в связи с препятствиями, с которыми сталкивалось федеральное правительство при разъяснении своей политики поддержки агрессивного курса правящих кругов Израиля. В начале 70-х гг. значительная часть общественного мнения Запада и ФРГ, в частности, оказавшаяся в 1967 г. в период июньской агрессии Израиля под влиянием произраильской пропагандистской кампании, стала пересматривать свои взгляды в отношении государства Израиль, в чем немалую роль сыграла и нетерпимость правящих кругов страны, продолжающих оккупацию арабских территорий. Против этой политики выступали молодые левые силы ФРГ²⁵.

Наиболее резкий характер носили выступления «молодых социалистов» внутри правящей партии (СДПГ), требовавших признания права на самоопределение палестинского народа²⁶.

Противоречия между ширин и руководством партии были ярко выражены на Ганноверском съезде СДПГ, где Председатель Израиля агрессивной и напомнил, что ранее за это посыл Израиля в Бонне назвал молодых социалистов «врагами и антисемитами»²⁷.

там»⁹⁰. Руководство СДПГ резко выступило против любой критики в адрес Тель-Авива, заявив, что немецкий социал-демократ, молод он или стар, не должен ставить под сомнение ничего из того, что затрагивает право на жизнь для еврейского народа или государства Израиль⁹¹. А дать Израилю «плохой совет покинуть оккупированные области» — значит потребовать у израильского народа «политического самоубийства»⁹².

Съезд СДПГ в принятом Заявлении отметил, что справедливый мир на Ближнем Востоке должен исходить из неприкосновенности права на жизнь государства Израиль и справедливых интересов его арабских соседей⁹³. Большое влияние на ход съезда и его решения оказал авторитет и влияние в партии ее председателя В. Брандта⁹⁴.

Позиция В. Брандта как председателя СДПГ, в отношении арабо-израильского конфликта не является адекватным отражением позиции канцлера ФРГ В. Брандта, выражающей национальные надпартийные интересы. Так, если на международной арене канцлер Брандт и выступает с вызывающими недовольство в Тель-Авиве заявлениями, то социал-демократ Брандт и его партия и на сессиях и конгрессах Социалистического Интернационала безоговорочно поддерживают политику Израиля в этот период (1970—1973 гг.).

Председатель СДПГ В. Брандт поддержал резолюцию Хельсинкской сессии Социтерна, которая «с тревогой отмечала усиление гонки вооружений в результате отправки новых видов современного оружия в Египет и Сирию» и призвала поддержать «равновесие» на Ближнем Востоке, поставила Израиль вооруженно⁹⁵. Руководители Социтерна, в том числе и Брандт, ни одним словом не осудили агрессию Израиля, оккупацию им арабских территорий и на Венском конгрессе в 1972 г.⁹⁶. Не являлось тайной значительное воздействие представителя социал-демократов Израиля, премьер-министра Израиля Голды Меир на лидеров Социтерна, многие из которых находились или во главе правительственных партий или оппозиционных, во с влиянием на правительственный курс.

Не имея достаточного военно-политического и экономического влияния на Ближнем Востоке, федеральное правительство пытаясь решить проблемы морально-политической поддержки Израиля решала и в рамках НАТО, где позиция ФРГ растворялась в общей позиции стран-членов этого агрессивного блока.

Уже в конце 60-х гг. в руководящих кругах НАТО Ближний Восток и Восточное Средиземноморье выдвигались в «решающие геополитические регионы». Американские стратеги стремились созданием отдельных сил Североатлантического союза в этом регионе обеспечить «интернализацию» конфликта в случае раз-

кого ухудшения военно-стратегической обстановки не в пользу Израиля и прикрыть его флагом НАТО¹⁰⁶. Представитель ФРГ в политическом комитете парламентариев Североатлантической ассамблеи Э. Блюменфельд выступал против решения проблем Ближнего Востока путем переговоров между четырьмя великими державами, ссылаясь на то, что СССР «не может играть беспристрастной роли». Он предлагал создать в НАТО специальный комитет по Средиземноморью, в задачу которого входило бы военное планирование на случай возникновения войны на Ближнем Востоке. США и правящие круги ФРГ придавали Израилю в рамках НАТО все большее значение для осуществления своих военно-политических целей. Открыто заявлялось об интеграции Израиля в стратегическую систему обороны НАТО, о необходимости того чтобы все члены этого агрессивного союза защищали Израиль как «фоспост Запада на южном фланге НАТО»¹⁰⁷.

Официальные круги Бонна, в том числе канцлер Брандт и вице-канцлер Шеель, безоговорочно поддерживали планы НАТО на Ближнем Востоке, обосновывая это опасностью «сильного влияния Советского Союза» в регионе. Заявляя, что союзники ФРГ по НАТО должны уделить особое внимание региону, они отмечали, что ближневосточный конфликт «позволил СССР проникнуть в регион», что, по их мнению, будет иметь «серьезные последствия» для стабильности баланса сил между арабами и израильтянами. Это в свою очередь повлечет за собой и изменения в глобальном масштабе, что изменит стабильные отношения между Востоком и Западом. А, поскольку, утверждали сторонники укрепления НАТО, Ближний Восток будет долго оставаться вулканом, то сокращение американских войск в ФРГ отрицательно повлияет на способность США уравнивать, мощь СССР в регионе¹⁰⁸. Войска США, размещенные в Западной Германии, были готовы нанести удар в период иорданского кризиса 1970 г., когда начались военные действия между Иорданией и отрядами палестинского движения сопротивления¹⁰⁹. Внимательно следя за событиями, происходившими в Египте после смерти Г. Насера и прихода к власти президента Садата, НАТО горячо приветствовало вывоз советских специалистов из Египта в 1972 г.¹¹⁰.

Вместе с тем политическая ситуация, создавшаяся в мире в результате процесса разрядки международной напряженности, выявила и среди партнеров США по НАТО все более углубляющиеся и обостряющиеся противоречия. Вашингтон, стремившийся втянуть в радиус действий НАТО и арабские страны, переложил часть военно-политической ответственности своей стратегией на страны Западной Европы, начал встречать противоречивые. Европейские члены НАТО не хотели разделять с США противоречивую их национальным интересам политику в отношении палести-

ловить все возможное, для проведения политики, отвечающей их собственным интересам¹¹¹.

В условиях разрядки Вашингтон начал терять рычаги давления на экономику и политику стран Западной Европы и даже своего первого союзника—ФРГ¹¹².

В изданном в ФРГ трехтомнике «Внешнеполитические перспективы западногерманского государства» подчеркивается следующее требование: Европа должна говорить одним голосом, как партнер США, и ни в коем случае не как «третья сила» между Востоком и Западом¹¹³, ...и именно «такая Европа будет отвечать и американским и европейским (западноевропейским.—А. М.) интересам»¹¹⁴. Заявляя, что в надежности союза с США Федеративная Республика видит «основу своей политики мира», правительство ФРГ высказывало пожелание улучшить политический диалог и выступать как равноценный партнер с США¹¹⁵. Все без исключения правительства ФРГ, как отмечают историки ГДР, стремились к тому, чтобы упрочить военно-политический союз Bonn—Вашингтон¹¹⁶. И если Западная Германия в рядах стран ЕЭС и стремилась отойти от американского курса однозначной поддержки Израиля и проводить более самостоятельную ближневосточную политику, то это не значит, что она была направлена против курса США. Однако необходимо учесть, что на Ближнем Востоке находятся все нефтяные интересы ФРГ, как отмечал в одном интервью канцлер Брандт¹¹⁷, что обуславливало и новый сбалансированный курс страны, и возникшие противоречия с США.

Известный западногерманский политолог Удо Штайбах, отмечая, что после смерти Насера открылись новые перспективы сотрудничества стран ЕЭС с арабским миром, призывал не диктовать арабам условия с позиций силы, что «пахло тонким неоколониализмом». К Западной Европе, по его мнению, в регионе нет того психологического недоверия, как странам в статусе сверхдержав. Европа как «континент динамичного духовного и социального развития», считал он, разило ту общественную форму, к которой стремится и «арабо-исламская социальная структура». И Европа более ей соответствует, писал У. Штайбах, чем «широкая коммунистическая материальная структура»¹¹⁸.

Эти взгляды У. Штайбаха—не говорить с арабами с позиции силы, а также проповедование совместности западноевропейцев и арабов—не являются критикой политики западных держав, а подведением новой идеологической платформы в отношении ФРГ с развивающимися странами, и арабскими в частности. Речь идет о направлении, в котором шла «модернизация» политики Запада, направлении, которое в ФРГ приняло конкретное выражение и в принципе «сбалансированности». Советский ученый К. Н.

Брутенц отмечал, что предпринимавшие развитыми капиталистическими странами активные усилия с целью ликвидации «атмосферы конфликта» в отношениях между ними и развивающимися странами должны были «способствовать созданию в последних «политического климата», благоприятного для реализации подвешенного курса Запада»¹¹⁹.

Обострение сырьевых и особенно проблем энергетического снабжения ФРГ вынудило правящие круги страны решить из-за счет расширения внешнеэкономической экспансии в развивающихся странах, прежде всего арабских нефтедобывающих. В начале 70-х гг. правительство Брандта-Шееля, провозгласив политику всемерного поощрения западногерманских частных инвестиций за рубежом, стимулировало их, стремясь тем самым укрепить внешнеторговые позиции Западной Германии¹²⁰.

В официальных кругах Бонна, как и в других странах Запада, в это время получила широкое распространение и стала претворяться в жизнь концепция «равного партнерства», пришедшая на смену прежнему курсу «помощь развитию», вызвавшему глубокое разочарование в странах, получавших ее¹²¹. Однако и новый курс преследовал ту же цель — удержать развивающиеся страны под своим контролем и не позволить им выйти из капиталистической системы хозяйства.

Правительство ФРГ заверяло арабский мир в искренности своих намерений в проведении внешнеэкономической политики, заявляя, что стремится достичь «максимального эффекта» от этого сотрудничества. Настоящие же цели западногерманских монополий четко выявляются при ознакомлении с выступлениями и работами министра по экономическому сотрудничеству Эрхарда Эпплера. Он не скрывает, что «ориентированная на интересы развивающихся стран» политика развития, служит в конечном итоге Западной Германии: этим инструментом нельзя повлиять на быстроменяющуюся внешнеполитическую ситуацию — она действует с целью защиты долгосрочных интересов ФРГ¹²². Чрезвычайно любопытным его размышления в книге «Немного времени для третьего мира», особенно в главе «Неоколониализм?», в которой он пытается доказать, что политика ФРГ в развивающихся странах не проводится с целью обеспечения ее экспорта, она — не обязательная, а наоборот направлена на их развитие¹²³.

Теоретическое обоснование своей экономической экспансии западногерманский капитал подтверждал все более активным проникновением в страны региона. Если в 1970 г. экспорт ФРГ в арабские страны составлял 1,6 млрд. марок, то в 1973 г. — 3,6 млрд. марок. А за период 1970—1973 гг. экспорт составил 10,5 млрд. марок. Западногерманский капитал активно инвестировал

рот с 5,5 млрд. марок в 1970 г. возрос до 11,1 млрд. в 1973 г. И все же, несмотря на расширение экспорта ФРГ в арабские страны, баланс в торговле Западной Германией с ними оставался отрицательным, что было связано со все более увеличивающимся импортом нефти и повышением цен на нее. Экспорт ФРГ в арабские страны составлял в 1970 г.—11%, всего экспорта в развивающиеся страны, а в 1973 г.—уже 18%.¹²⁴ С западногерманской стороны подчеркивалось, что арабо-израильский конфликт имеет непосредственное влияние на экономическое сотрудничество между ФРГ и арабскими странами¹²⁵.

Именно значительными экономическими интересами и не в последнюю очередь энерго-экономическими «работами» обуславливал В. Шеель некоторые актуальные проблемы ближневосточной политики правительства, выступая перед Немецким обществом внешней политики в Бонне¹²⁶.

Именно проблемы, вытекающие из озабоченности снабжением страны нефтью, а не «растущая заинтересованность» Западной Германии в прочном и справедливом урегулировании арабо-израильского конфликта, явились причиной первого за всю 24-летнюю историю ФРГ визита министра иностранных дел ФРГ В. Шееля в Египет, Иорданию и Ливан (20—25 мая 1973 г.).

В беседах с ответственными политическими деятелями этих стран министр подчеркнул, что политика разрядки напряженности в Европе не сможет привести к прочным, желательным результатам, если на южном фланге Европы не наступит умиротворение. Относительно разрядки на Ближнем Востоке В. Шеель отметил, что «это, конечно, достижимо, если при урегулировании будут учтены интересы всех участников конфликта». Он, выделяя проблему палестинцев, трактовал ее как проблему, которая всегда была важным фактором в общей картине конфликта и без справедливого решения которой ему «кажется невероятным» мирное решение арабо-израильского конфликта¹²⁷.

Результаты поездки министра иностранных дел В. Шееля в политическом плане были довольно скудными. Она дала главным образом психологические результаты, но не приобрела международных масштабов, которых особо ожидали с арабской стороны. Арабы надеялись, что визит Шееля означает сближение точки зрения Бонна с французскими тезисами относительно Ближнего Востока и что в силу этого возможна инициатива ЕЭС в целях разрешения арабо-израильского конфликта. Более того, сообщение о предстоящей поездке канцлера В. Брандта в Израиль ослабило влияние Шееля на арабских собеседников. Так, глава египетского государства Анвар Садат не дал склонить себя в пользу прямых переговоров с Израилем, которые, по его мнению, неизбежно привели бы к капитуляции арабских стран—жертв

израильской агрессии. Между тем именно такие переговоры советовали Шеелю американцы во время его пребывания в Вашингтоне перед поездкой на Ближний Восток. Со своей стороны министр иностранных дел ФРГ встретил, как он отмечал, отсутствие единодушия между арабскими правительствами. Интересно, что по возвращении В. Шеель заявил, что считает маловероятной новую войну между Израилем и арабскими государствами. Он отметил, что со сбалансированной политикой ФРГ повсюду серьезно считаются¹²⁸.

Коммунисты ФРГ охарактеризовали нейтралитет Шеели во время его поездки как явное участие на одной из сторон. «Если кто-либо не борется с агрессором, то значит поощряет его остаться агрессивным. Вскоре к агрессорам нанесет визит канцлер, писала газета коммунистов ФРГ «Унзере тайт», если он не выступит в духе резолюций ООН—и он станет сообщником политики агрессии»¹²⁹.

Поездка В. Шееля в арабские страны, как и последовавший за ним в июне 1973 г. первый официальный визит канцлера ФРГ в Израиль, знаменовали собой позорный пункт в западногерманской ближневосточной политике. Этими визитами, как отмечал Брандт, Bonn выражала сбалансированность своей позиции в арабо-израильском конфликте¹³⁰. В Тель-Авиве заявляли, что визит канцлера в Израиль имеет более важное значение, чем поездка в арабские страны министра иностранных дел, и пытались объяснить поездку Шееля как «в известной степени нейтрализующую» визит Брандта, чтобы у арабов не началась враждебная реакция¹³¹. Визиты двух лидеров «малой коалиции» пока что внешне, по крайней мере, демонстрировали то, чему хотели заставить поверить стороны в арабо-израильском конфликте—свою «гармоничную, уравновешенную политику».

С 7 по 11 июня 1973 г. проходил носивший сенсационный характер визит канцлера Брандта в Израиль. Визит явился не только параллельной акцией к визиту Шееля, как отмечал Брандт¹³², но и преследовал цель установить прямой контакт в Тель-Авиве и «улучшить состояние своей информированности». Канцлер считал, что арабские страны правильно воспримат его визит¹³³.

Западногерманские историки полагают, что Брандт использовал этот визит с целью уточнить причины, вызывающие возрастающее недоверие в Израиле в отношении ФРГ, а также развеять нереальные ожидания с их стороны¹³⁴. С этим мнением нельзя не согласиться, так как основной вопрос, который канцлером, касался именно характера западногерманско-израильских отношений. Если Брандт и ранее считал, что ФРГ имеет «особые отношения» с Израилем, то теперь он был еще более недоволен «особыми отношениями» ФРГ с Израилем. Визит явился их связью, а «нормальнее»¹³⁵ то, что Брандт хотел показать им четко

разъяснил свою позицию. Канцлер подчеркнул, что одно дело нормальные дипломатические, экономические и культурные отношения между двумя странами, другое дело, что эти «отношения по историческим и моральным причинам имеют свой специфический характер... Конечно же, мы не можем быть рабами прошлого, так как на этом не построим будущего»¹³⁶, считал он. В общественном мнении ФРГ и ранее раздавались протесты против того, что правящие круги Израиля хотят представить в качестве политического извинения «моральную коллективную вину» всех немцев из-за содеянных нацистами преступлений в отношении евреев¹³⁷. «Сейчас, через 25 лет после окончания войны, писала газета «Цайт», события в ФРГ определяют новое поколение — поколение людей, которые во время войны еще были детьми. Это не означает, что наше правительство, наше государство, наш народ хотят снять с себя ответственность за прошлые преступления и считают себя свободными от каких бы то ни было обязательств. Но сейчас речь скорее идет о настоящем и будущем»¹³⁸. Особые отношения с Израилем связывали федеральное правительство по рукам и ногам при проведении ближневосточной политики. Они лишали Бонн возможности политического маневрирования и поэтому, оставляя за собой обязательства морального характера, западногерманские правящие круги отгораживались этим самым от политических обязательств, следующих из понятия «особые отношения».

В Тель-Авиве В. Брандт заявил израильскому правительству, что, по мнению Бонна, между ФРГ и Израилем уже установились нормальные отношения, имеющие особый характер. Из этого следовало, что в отношениях между двумя странами началась новая глава и Израиль более не мог полагаться на особые отношения с Западной Германией, т. е. «ее ближневосточная политика все же не сможет их спасти» т. е. (Израиль—А. М.), так считал английский политолог Е. Лакер¹³⁹. Поэтому мнения, что визит Брандта был лишь попыткой сгладить складки в отношениях между двумя государствами, неверны¹⁴⁰.

Большое внимание уделил канцлер и разъяснению сбалансированной политики ФРГ, отмечая что она не нейтральна, т. к. что означало бы возможно и отмежевание от событий в регионе, а равнозначно относящаяся к сторонам, участвующим в арабо-израильском конфликте¹⁴¹. Характеризуя политику своей страны в регионе, он, в частности, подчеркивал, что Западная Германия не проводит никакой ближневосточной политики в том смысле, в каком проводят ее сверхдержавы или англичане и французы, которая отчасти основывается на традиционных интересах и позициях, а также на их постоянном членстве в Совете Безопасности ООН¹⁴². Охарактеризовав свои чувства к Израилю

«симпатией», канцлер заявил, что он «слышал и видел, что Израиль хочет мира»¹⁴³.

При обсуждении проблем ближневосточного урегулирования, во время которого Бонн сыграл с собой возможное посредничество между Израилем и арабским миром, рассматривалась и палестинская проблема¹⁴⁴.

Серьезные дискуссии возникли в Тель-Авиве, когда были затронуты вопросы, касающиеся позиции ЕЭС в отношении арабо-израильского конфликта. Израильцы полагали, что сильная позиция ФРГ в сообществе станет противовесом Франции и Англии, которые «показали себя проарабскими»¹⁴⁵. Позже В. Брандт вспомнил вопрос: «то из-за влияния Франции западноевропейская политика никогда не станет уравновешенной»¹⁴⁶. Кроме того в Тель-Авиве опасались, что будущий член ООН—Западная Германия—могла бы позволить своим английским и французским партнерам установить ее на антиизраильский курс, в то время как Израиль ожидал бы прежде всего политической помощи от ФРГ при позиционной борьбе в ООН, ЕЭС, на международных конференциях и, как заявлялось, «в борьбе против Москвы»¹⁴⁷. Тем более, опасалось израильское правительство, что в Брюсселе (штаб-квартира ЕЭС) Париж и Лондон «все громче выдвигают свои возражения» против предпочтения ФРГ Израилю, не в последнюю очередь из страха перед угрозой бойкота со стороны арабских стран-поставщиков нефти¹⁴⁸.

Сопровождающие В. Брандта в Израиль лица заметили, что в трех различных местах своих записей-тезисов, составленных для бесед с премьер-министром Г. Меир и ее правительственными экспертами, канцлер подчеркнул слово «нефть»¹⁴⁹. Канцлер Брандт не скрывал, что нехватка энергии является одним из важнейших элементов ближневосточной политики ФРГ, одним из пунктов приложения западноевропейских интересов на Ближнем Востоке¹⁵⁰. Официальные лица ФРГ дали понять правительству в Тель-Авиве, что собственные интересы Федеративной Республики запрещают Бонну вести себя как союзнику Израиля в его противостоянии с арабами. И что бы имел Израиль от союзника, отмечали они, у которого «дона из-за отсутствия энергии остановилось бы производство и разразилась революция?»¹⁵¹. Тем более федеральное правительство придерживалось этого мнения, поскольку эксперты ФРГ прогнозировали, что в случае определенных конфликтных ситуаций арабы скорее всего будут продавать нефть Западной Германии, а не США.

Израильская пресса охарактеризовала позицию ФРГ как «проигрыш», поскольку видел в ней стремление «использовать свой (надлежащий на нефть) статус члена ЕЭС, чтобы оказать давление на израильцев не рассуждая о справедливости или несправедливости

шения между странами¹²³. Председатель правительства ФРГ Р. Фоп Вехмар оценил визит Брандта как «полный успех»¹²⁴.

Вместе с тем необходимо отметить, что визит, так широко разрекламированный правительством Тель-Авива, преследовавшего цель, как писал «Шпигель», «повысить свой раскрониншийся авторитет в странах третьего мира»¹²⁵, не выявил полного единения во взглядах правительств ФРГ и Израиля. И это несмотря на заявление Г. Менр, что Западная Германия и Израиль «сходятся по одну сторону границы и этот урок мы преподадим нашим соседям»¹²⁶, и заявление А. Эбана, что «после США ближе всех к израильской политике стоит политика ФРГ»¹²⁷. Канцлер Брандт, избранный «почетным доктором университета в Тель-Авиве», все же «космелся» выступить иначе, чем от него ожидали в Израиле.

Чтобы не переступить границ «политической и моральной компетенции»¹²⁸, канцлер ФРГ, как отмечали обозреватели, «мучительно следил за тем, чтобы не вступить на пядь оккупированной Израилем арабской территории. Он не захотел над ней даже пролететь»¹²⁹. Сам В. Брандт, подчеркивая, что арабские страны среагировали на его поездку со спокойствием, отметил: «они, конечно, зарегистрировали, что я сторонился оккупированных областей»¹³⁰.

Общественность ФРГ внимательно следила за ходом визита канцлера Брандта в Израиль. Так, западногерманские коммунисты отметили, что канцлер ни одним словом не осудил агрессивную политику этого государства и не выступил с позицией принятых в ООН резолюций по Ближнему Востоку¹³¹. Крупные национальные студенческие объединения ФРГ в «Открытом письме В. Брандту» осудили его визит в Иерусалим в годовщину израильской агрессии 1967 г.¹³²

Чрезвычайно остро отреагировали и критически отнеслись к визитам В. Шееля и В. Брандта в оппозиционном блоке ХДС/ХСС. Считая визит В. Шееля в арабские страны как «обесценивающий любые отношения с Израилем», представители оппозиции выразили свое несогласие в связи с введением Брандтом нового принципа в западногермано-израильские отношения — «нормальные, но особого рода». Член редакции центрального органа ХДС журнала «Политише Майнунг» д-р. Б³м в статье «Нейтралитет с двойным дном», в частности, писал: «Либо ваши отношения с Израилем нормальные — тогда они не особого рода, либо они особые — тогда они не нормальные. Мы должны решиться на одно из двух»¹³³.

Президент Франции, европейского союзника Западной Германии, бессимпатично прокомментировал поездку канцлера в

Израиля, заявив, что «недостаточно ловить рыбу в Тивериадском озере, чтобы быть в состоянии урегулировать арабо-израильский конфликт»¹⁰⁴. Справедливости ради отметим, что Брандт и не ставил целью посадку урегулирования ближневосточного конфликта, а наоборот, четко отказался даже от посреднической миссии.

Для визита руководителей федерального правительства, независимо от их результатов, явились явным свидетельством активизации ближневосточной политики ФРГ, претворяющей в жизнь свою сбалансированную позицию в отношении сторон арабо-израильского конфликта. Появляющиеся время от времени обвинения и подозрения в адрес канцлера Брандта и вице-канцлера и министра иностранных дел Шеела в проарабских или антиарабских, в произраильских или антиизраильских симпатиях, были результатом столкновения и определения рамок и возможностей ФРГ на начальном этапе «сбалансированности». И это не потому, что официально проверялись «лишьмые опасения» в том, что, например, в позиции политических партий в будущем в отношении Израиля есть различия¹⁰⁵, или, что между Брандтом и Шеелем различные точки зрения при проведении ближневосточной политики¹⁰⁶. Деловой основой эти сомнения не имели. Федеральное правительство проводило достаточно цельную внешнюю политику, основанную на обеспечении национальных интересов страны, с которой не хотели согласиться и не могли еще сдвинуть правящие круги Израиля, хотя в большей части новая концепция западногерманской ближневосточной политики все же была приемлемой и для Израиля¹⁰⁷. Тем более, что Западная Германия израильского конфликта «право Израиля на существование и безопасных и признанных границах». А что касалось самого конфликта, то Бонн не предпринимал и не мог предпринять никаких действенных мер для прекращения конфликта, и лишь формально, в то время из тактических соображений, требовал вывода израильских войск из оккупированных арабских территорий.

Однако необходимо отметить, что с приходом к власти «младой коалиции» все же произошла «существенная эволюция» ближневосточной политики страны¹⁰⁸, отмечали ученые социалистических стран: от односторонней произраильской ориентации к «сбалансированным» отношениям со сторонами арабо-израильского конфликта.

«Сбалансированная позиция» ФРГ отличалась от «равноудаленного подхода», по которому ФРГ проводила собственную долгосрочную политику, основанную на развитии отношений с арабскими странами и израильтянами, связанными Восточным Средиземноморьем»¹⁰⁹.

Соединенные Штаты тем не менее безоговорочно поддерживали Израиль и укрепляли американо-израильский союз, не скрывая своих намерений¹⁶⁹. Федеральное правительство ФРГ, наоборот, отлеживалось от «особых отношений с арабским миром». Оно «приглушало на базе компромисса»¹⁷⁰ этот раздражающий арабов «особый» характер западногермано-израильских отношений, что позволяло сохранить и укрепить свои позиции на рынках арабских стран и в некоторой степени обезопасить политическими средствами поставки нефти из стран региона. В связи с этим Бонн, с некоторыми оговорками, использовал и поддерживал позицию Франции в ЕЭС и выступал против беспрекословного следования американской ближневосточной политике.

Наблюдаемые противоречия между ФРГ и США, «торговая война» между ЕЭС и США вызвали в Бонне, в свою очередь, опасения, что это приведет к ослаблению атлантического союза. Из этих соображений министр финансов и заместитель Председателя СДПГ Г. Шмидт выразил готовность ФРГ к компромиссу в отношении ряда американских политических и экономических требований к Западной Европе¹⁷¹.

Сбалансированная позиция ФРГ в арабо-израильском конфликте в начале 70-х гг. в период, когда на Ближнем Востоке было состояние «ни войны ни мира», едва ли могла встретить большие политические затруднения, так как с ней пока не были связаны конкретные политические решения. Однако вполне объективно мнение политологов ФРГ, что в конкретных случаях Федеральное правительство уже не сможет уклониться от принятия определенного решения. В этом случае концепция «сбалансированности» подвергается настоящей «суровой проверке»¹⁷². А в 1970—1973 гг. (до начала октябрьской войны на Ближнем Востоке) сбалансированная политика была слишком двусмысленной, а то и ничего не говорящей формулировкой, которой прикрывались истинные цели западногерманских монополий, проявляющих повышенный интерес к возможностям развития стран Ближнего Востока и нефтяным богатствам данного региона.

§2. ПОЗИЦИЯ ФРГ ВО ВРЕМЯ ОКТЯБРЬСКОЙ ВОЙНЫ 1973 Г.

Политика Израеля, продолжающего при поддержке США оккупацию арабских территорий, политика «свершившихся фактов», с чем не могли смириться арабские страны, привели 6 октября 1973 г. к новой вспышке военных действий на Ближнем Востоке, к четвертой арабо-израильской войне.

8 октября 1973 г. министр иностранных дел ФРГ В. Шеель принял послов арабских стран по их просьбе и выслушал точку зрения арабских правительств о событиях на Ближнем Востоке.

В. Шеель выразил сожаление в связи со вспыхнувшими военными действиями, призвав воюющие стороны прекратить огонь и приступить к осуществлению мирного урегулирования на основе резолюции № 242. Это же слово в слово было высказано и послом Израиля в Бонне¹⁷². Правительство ФРГ выступало за прекращение военных действий, что в первую очередь отвечало лишь интересам Израиля, так как начавшаяся четвертая арабо-израильская война развеяла миф о непобедимости израильских войск, доказывала боеспособность арабских армий, успешно ведущих боевые действия в первые дни войны.

Выступая во Франкфурте-на-Майне, канцлер ФРГ В. Бранд заявил, что позицией ФРГ в отношении арабо-израильской войны является «неучастие ни на чьей стороне». Однако Западная Германия будет готова защитить любое усилие, которое приведет к окончанию боевых действий. «Федеральное правительство, — отмечал далее канцлер, — не имеет ни намерения, ни полномочий брать на себя выпрошенное или невыпрошенное участие на чьей-либо стороне, но западногерманские интересы ясны: речь идет о мирном решении...»¹⁷³. В ФРГ были встревожены успешным продвижением египетских войск и советовали израильтянам заманить переправившиеся через Суэцкий канал на Синай египетские войска, чтобы растянуть плацдарм и затем нанести удар, целью которого стало бы полное уничтожение противника¹⁷⁴. Газеты в Западной Германии спекулировали на возможном применении атомного оружия со стороны Израиля. Так, военный обозреватель «Франкфуртер Альгемайне», А. Вайнштайн писал, что так как все виды обычного оружия уже в действии и отсутствует лишь атомное, то Израиль, как потенциальная атомная держава, держит в резерве это мощное средство давления на арабов¹⁷⁵. Западногерманская пропаганда стремилась извалить ответственность за начало войны с Израилем на арабские страны, обвиняя Египет в спровоцировании новой ближневосточной войны¹⁷⁶, а представитель ХСС Р. Яэгер — в нанесении «удара в спину» попыткам политического урегулирования конфликта.

10 октября федеральное правительство еще раз выразило сожаление в связи с начавшимися военными действиями. Представитель правительства Рюдигер фон Вехмар отметил также, что заявление федерального правительства не может включать того, что помимо сказанного в заявлениях волнует отдельных членов кабинета¹⁷⁸. Более 100 депутатов всех трех парламентских фракций бундестага приняли заявление о «солидарности» и «поддержке»¹⁷⁹. Это является еще одним свидетельством того, что в правительстве существовали разногласия и члены кабинета были недовольны тем, что Бонн отказался от помощи Израилю. Вместе с тем в Западной Германии...

длась кампания помощи Израилю, собирались пожертвования.

12 октября стало известно, что Пентагон планирует послать самолеты «Фантом» Израилю со своих европейских баз, а уже 17 октября военный комментатор А. Вайнштайн «компетентно» доказывал, что Израилю могут понадобиться танки и самолеты «Фантом», и американцы пошлют их из своих лагерей и баз в Пфальце. Вайнштайн убеждал население страны, что само уменьшение этих видов вооружения допустимо и не повлияет на боеспособность НАТО¹⁸⁷. Официально правительство Западной Германии не имело права допускать поставку оружия одной из воюющих сторон в конфликте, поэтому в официальных заявлениях членов федерального правительства мы не встречаем упоминания о поставках оружия Израилю. Однако «несомненно, что американцы посылают военное снаряжение Израилю из Федеративной Республики», — писала пресса. Фантомы должны стоять готовыми для введения в бой на Ближнем Востоке¹⁸⁸. Официальные власти ФРГ закрыли глаза на то, что с военных баз НАТО американцы срочно начали переброску большого количества вооружения Израилю¹⁸⁹, благодаря чему израильские войска получили возможность перейти в середине октября в контрнаступление против египетских войск¹⁹⁰.

Ошибки, допущенные египетским военным командованием во главе с президентом Садатом, привели к возможности военного поражения арабских государств и укрепления позиций Запада на Ближнем Востоке. Советский Союз стремился не допустить этого: кроме морально-политической и дипломатической поддержки, советское правительство оказало арабским странам и большую военную помощь, в кратчайшие сроки восполнив потери АРЕ и САР в новейших видах оружия, бесперебойно снабжая их армия¹⁹¹. Определенные шаги, предпринятые в сторону разрядки международной напряженности в начале 70-х гг., позволили СССР, войдя в контакты с США, предотвратить перерастание арабо-израильской войны из войны региональной в мировую. Переговоры между правительствами СССР и США привели к выработке совместного проекта, принятого на заседании Совета Безопасности ООН в качестве резолюции № 338 о немедленном прекращении огня и всех военных действий с оставлением войск на позициях, существовавших или 22 октября 1973 г. Израильское командование, однако, несмотря на согласие своего правительства с этой резолюцией, продолжало военные действия, стремясь развить свой прежний успех на западном берегу Суэцкого канала и, окружив, разбить 3-ю египетскую армию. Эти действия Тель-Авива обусловили принятие 23 октября резолюции № 339, в которой содержалось требование отвести войска на рубежи 22 октября, что практически спасло город Суэц и 3-ю армию от разгрома. Решив

тельная и категорическая позиция СССР в этот критический момент вынудила Израиль прекратить военные действия. Представители правительства ФРГ выступили с официальными заявлениями, приветствовавшими резолюции Совета Безопасности ООН.

В то время как СССР и США вели переговоры по ближневосточному вопросу, в Бонне правительство ФРГ пыталось конкретизировать свое отношение к той «неопределенной информации», которую оно имело от американского посла о поддержке Соединенными Штатами Израиля на территории ФРГ. Однако когда вступило в силу соглашение о прекращении огня и рядом арабских правительств с негодованием было высказано мнение о мнимом нейтралитете Западной Германии в связи с арабо-израильской войной, федеральное правительство встревожилось. Одним из важнейших мотивов, побудивших Бонни принять определенное решение о своей позиции в арабо-израильском конфликте, являлось предупреждение о возможном прекращении поставок нефти странам, прямо или косвенно помогающим Вашингтону переправлять оружие Израилю¹⁸⁵. Озабоченность Египта позицией ФРГ была высказана послу ФРГ в Каире Штельдтеру министром иностранных дел АРЕ Исмаилом Фахри. В официальном заявлении ООН говорилось, что Бонни в деле поддержки Израиля стоит сразу же за Вашингтоном, так как вместе с финансовыми платежами Израилю федеральное правительство позволяет еще и посылать оружие со своей территории¹⁸⁶. Эти и аналогичные им заявления явились поводом для вызова посла США в Бонне Мартина Хилленбрандта статс-секретарем МИД ФРГ Паулем Франком, который заявил, что американцы не имеют более повода для посылки оружия, так как в силу вступила резолюция 338 о прекращении огня на Ближнем Востоке. Но Хилленбрандт, как свидетельствует пресса, не дал ясного ответа¹⁸⁷. МИД ФРГ, опасаясь объявления Западной Германии нефтяного бойкота, заверил арабские правительства через своих послов, что Федеративная Республика будет придерживаться строгого нейтралитета, т. е. не будет более поддерживать акции Вашингтона на Ближнем Востоке, противоречащие этой позиции. Но посол США в Бонне скрыл от правительства ФРГ, то, что и через сутки после объявления перемирия, израильский фрегат «Галила» из Хайфы загружался тяжелым оружием на арендованном американцами в Бремерхафене северном причале, а другое израильское судно «Нарцисс» получало танковые пушки. Третье израильское судно «Пальма» было вынуждено выйти в море без оружия¹⁸⁸. «Посол США умалчал про то, чтобы Бонни неправильно информировал арабов», — заявил¹⁸⁹ тактично сделал вывод журнал «Шпигель»¹⁸⁹.

Необходимо отметить, что правящие круги США преследовали более далекие цели. С одной стороны, этим образом они

тели вызвать у арабов недоверие к позиции Бонна и содействовать кризису в западногермано-арабских отношениях, а также нефтяному бойкоту ФРГ, чтобы не позволить федеральному правительству установить отношение с нефтедобывающими арабскими странами на двусторонней основе. С другой стороны, стремились втянуть ФРГ в русло своей ближневосточной политики и косвенного участия в конфликте на стороне Израиля. МИД ФРГ, с целью не допустить этого, оперативно опубликовал еще одно заявление, в котором, в частности, говорилось: «Строгий нейтралитет ФРГ требует, чтобы поставки оружия из американских складов в Федеративной Республике одной из воюющих сторон, используя территорию или оборудование Федеративной Республики, были прекращены». Федеральное правительство считает, подчеркивалось далее в заявлении, что этим демаршем вопрос поставок Соединенными Штатами оружия с территории и над территорией ФРГ окончательно решен, так как оно «твердо решило не дать втянуть себя в ближневосточный конфликт, и оно того мнения, что ФРГ своей политикой строгого нейтралитета лучше всего может содействовать достижению прочного и справедливого мира»¹²⁹. Североатлантический блок не затрагивается войной на Ближнем Востоке и США помогают одной из сторон в этой войне не как член НАТО, считали в Бонне, поэтому заявление МИД ФРГ завершается требованием, что американцы должны считаться с боннским нейтралитетом. Этот шаг федерального правительства был необходим, считал член комиссии бундестага по иностранным делам Б. Фридрих (СДПГ), поскольку веским поддождением подвергалось ограничение суверенитета ФРГ во внешнеполитических вопросах¹³¹.

Требование Западной Германии, хоть и запоздавшее, прекратить поставки вооружения Соединенными Штатами Израилю, используя территорию ФРГ, необходимо рассматривать как попытку правящих кругов ФРГ отмежеваться от линии безоговорочной поддержки Израиля в военных действиях против арабов и отказ присоединиться к явно произраильскому курсу США, что угрожало Западной Германии нефтяным бойкотом со стороны нефтедобывающих арабских стран.

Соединенные Штаты, в свою очередь очень «резко и быстро» отреагировали на этот демарш своего верного союзника¹³². Представитель госдепартамента Роберт Макклоски, министр обороны Дж. Шлессинджер и сам президент Р. Никсон обвиняли ФРГ в непонимании того факта, что действия США на Ближнем Востоке «соответствовали жизненно важным интересам Западной Германии и других стран-членов НАТО»¹³³. Министр обороны США ставил под сомнение необходимость сохранения вооруженных сил США в ФРГ, считая, что позиция Западной Германии и поведение

МИД ФРГ дали повод к бесполойству и вопросу «совместной готовности к боевым действиям»¹⁹⁴. Этот политический шантаж со стороны США был воспринят в оппозиционных и милитаристских кругах ФРГ с пониманием того, что следствием позиции федерального правительства «будет активизация направления, которое выступает за вывод войск из Европы»¹⁹⁵, т. е. сторонников мира и разрядки. Необходимо отметить, что позиция, занятая Западной Германией, не была в противоречии с основными принципами устава НАТО. И действия Бонна в дни октябрьской войны, продиктованные интересами страны, как и требования других западногерманских союзников США (за исключением Португалии) не посылать через их территории оружие Израилю, явились следствием назревшего кризиса в отношениях между ЕЭС и США. Вместе с тем, очевидно, что страны Западной Европы хотели бы в какой-то мере избавиться от абсолютной зависимости от США в военной сфере, от их гегемонии в НАТО, но при известном сохранении ряда американских военных обязательств («ядерного зонта», американского военного присутствия)¹⁹⁶.

Разногласия между ФРГ и США особенно обострились после того, как США, предварительно не проконсультировавшись с союзниками по НАТО, привели в состояние повышенной боевой готовности свои вооруженные силы на многих базах, в том числе и в Западной Германии.

Борьба по вопросам внешней политики ФРГ и позиции, занятой федеральным правительством в дни октябрьской войны на Ближнем Востоке, развернувшаяся на западногерманской политической арене, нашла свое яркое отражение в бундестаге. 26 октября 1973 г. выступивший на заседании в бундестаге канцлер В. Брандт, ни словом не критикуя невыполнение Израилем резолюции Совета Безопасности ООН о немедленном прекращении огня, заявил, что «неучастие ФРГ ни на чьей стороне в этом военном конфликте нельзя понимать как равнодушие в отношении происходящего там»¹⁹⁷. Основой мирного урегулирования на Ближнем Востоке, по мнению канцлера, является право всех государств региона на существование, их право жить в признанных границах, свободных от угроз и актов насилия. Считая вышеизложенные факторы основными предпосылками для прочного мирного урегулирования, канцлер выступил лишь в защиту прав Израиля, совершенно игнорируя палестинский вопрос. Необходимо отметить, что еще 13 октября на гамбургском заседании руководящей комиссии СДПГ была единогласно принята резолюция, в которой СДПГ «приветствовала своих социал-демократических друзей в Израиле во главе с Голдой Мейр» и заверяла в своей солидарности с ними во время арабо-израильской войны¹⁹⁸. Тесные партийно-государственные связи СДПГ с Партией труда Израиля не

мели не отразиться в речах председателя фракции СДП в бундестаге Гюнтера Метцгера, охарактеризовавшего арабов авантюристами²⁰⁹, члена Прейсленга СДП Хайнца Рунзу, потребовавшего от правительства ФРГ встать на сторону Израиля и «не поддаваться нажиму арабских стран в нефтяном вопросе»²¹⁰.

Двойственная позиция правящей социал-демократической партии наиболее ярко отражена в заявлениях и образе действий заместителя Председателя СДП и премьер-министра земли Северный Рейн-Вестфалия Хайнца Кюна. Он заявлял, что его симпатии принадлежат Израилю, отмечал, что не со всеми политическими действиями Израиля согласен. Так, его «немного беспокоит план», по которому в случае победы Израиля, а он в ней не сомневается, на Синае будут созданы израильские поселения. Позже Кюн, оправдывая линию федерального правительства, призывал правящие круги Израиля к пониманию того, что «правительство в своих заявлениях должно извещивать свои слова с более известной осторожностью, чем политическая партия». Он считал, что необходимо предпринять контрбойкот против арабов, в данном случае не будет, по его мнению, «аморально»²¹¹. Казалось бы, заявления Кюна должны были вызвать протест федерального правительства. Но этого не произошло. Бюни давал понять Израилю, что он настроен не столько проарабски, сколько произраильски. Кюн постоянно подчеркивал, что он выступает в «полном согласии» со взглядами председателя партии и канцлера В. Брандта. После военных действий Х. Кюн по приглашению Партии труда и израильского правительства посетил Израиль и встретившись с Г. Меир, передал ей личное послание В. Брандта²¹².

Однако на официальном уровне правительство ФРГ ставило государственные интересы выше партийных и социально-либеральная коалиция в бундестаге четко проводила свою линию.

Депутату Фирксу (ХДС/ХСС), потребовавшему от правительства пересмотреть свою политику в оказании «помощи развитию» и предоставления кредитов Египту и Сирии, как «агрессорам», а другим арабским странам, как защищавшим «агрессоров», было отказано. Парламентский статс-секретарь МИД Моерш (СвДП) объявил, что проводящее сбалансированную политику федеральное правительство не считает своей задачей квалифицирование лишь для себя одного событий на Ближнем Востоке—это дело ООН. Тем более, что между войнами была лишь практическая приостановка огня²¹³. Таким образом, западногерманское правительство отмежевалось от характеристики действий Египта и Сирии как агрессивных.

Оппозиционные правительству круги начали кампанию в защиту политики США в дни арабо-израильской войны. По мно-

нию председателя ХДС Г. Коля, правительство Федеративной Республики поступило неправомерно, запретив американцам использовать немецкие аэродромы и порты и, по его словам, поставило себя вне рамок солидарности западного содружества. Как подчеркнул в своем заявлении Г. Коль, попытки Соединенных Штатов «восстановить равновесие на Ближнем Востоке, а, следовательно, вернуть предпосылки для сохранения мира во всем мире, были необходимы» в интересах Запада²⁰⁴. Председатель ХСС Ф. П. Штрауе так же критически отнесся к сдержанной позиции правительства, заявив, что в своей речи в бундестаге Брандт ничего другого «не смог придумать, как вести свое правительство нейтрально»²⁰⁵.

Социал-демократы, критикуя позицию ХДС/ХСС в отношении политики правительства, задавали вопрос, не стремится ли этот партийный блок к военному столкновению между НАТО и Варшавским пактом из-за американской политики на Ближнем Востоке? В заявлении СДПГ «ХДС и ближневосточный конфликт отмечалась «безудержность», с которой оппозиция под руководством председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге К. Карстенса, использовала напряженность отношений между США и Западной Европой, чтобы получить «партийно-политический плюс у Вашингтона» и укрепить позиции своей партии, без оглядки на национальные интересы страны»²⁰⁶.

Диаметрально противоположную позицию к событиям на Ближнем Востоке заняла Германская коммунистическая партия, с самого начала четвертой арабо-израильской войны заявившая о своей солидарности с борьбой арабских народов в деле освобождения несправедливо оккупированных Израилем арабских областей. Орган ГКП «Унзере цайт», требуя выполнения Израилем резолюций Совета Безопасности ООН, отмечал, что «господствующие круги Федеративной Республики в тесном контакте с американским империализмом» стоят на стороне Израиля. Вместе с тем западногерманские коммунисты обратили внимание общественности страны на факт передачи фирмой Флика «Круза-Маффай» (Мюнхен) технических знаний израильской армии: технологию дутья новой башни для танка «Леопард»²⁰⁷. В решениях Гамбургского съезда ГКП (4 ноября 1973 г.) подчеркивалось, что коммунисты ФРГ поддерживают справедливую борьбу «антиимпериалистических арабских государств против агрессивной политики господствующих кругов Израиля, поддерживаемых американским и западногерманским империализмом».

Европейское экономическое сообщество (Комитет Давинсона) еще 13 октября опубликовало обращение о прекращении огня на Ближнем Востоке²⁰⁸. Вместе с тем ЕЭС отмечало, что условия европейцев не носят характера политической инициативы, поскольку

ответственность прежде всего лежит на великих державах²⁰⁹. Кншлер Брандт, однако, считал, что западноевропейские правительства, хотя и в ограниченных рамках своих возможностей, также смогут сыграть конструктивную роль в урегулировании ближневосточного конфликта²¹⁰.

По инициативе президента Франции Ж. Помпиду в целях поиска общей позиции Европы в отношении ближневосточного конфликта в Брюсселе было созвано совещание ЕЭС. Одним из проявлений позиции ФРГ в отношении арабо-израильского конфликта явилось ее участие в брюссельском Заявлении стран-членов ЕЭС по Ближнему Востоку от 6 ноября 1973 г., в котором подчеркивалась необходимость для Израиля положить конец оккупации территорий, которую он продолжает со времени конфликта 1967 г. Кроме того в Заявлении среди остальных принципов, на которых, как полагали страны-члены ЕЭС, должно основываться мирное урегулирование, отмечалось «признание, что при установлении справедливого и прочного мира нужно учитывать законные права палестинцев»²¹¹. Заявление имело большой резонанс. Впервые европейскими странами была официально предпринята попытка призвать Израиль отойти на границы 1967 г. Признание, хоть и с оговоркой, «законных прав палестинцев» вызвало невообразимую реакцию в лагере сторонников Израиля. Израильская и западногерманская пресса с негодованием восприняли это Заявление, считая, что правительство ФРГ под страхом «нефтяного оружия» арабов встало на путь предательства интересов Израиля. Это «самое острое осуждение израильской позиции в ближневосточном конфликте», «заявление носит антиизраильский и проарабский характер», — писали они²¹². Посол Израиля в Бонне Бен-Хорин заявил, что отношения Бонна с Израилем зависят от функционирования центральной отопительной системы²¹³. Ранее правящие круги Израиля встретили с пониманием интересов ФРГ в снабжении арабской нефтью позицию федерального правительства, выступившего против поставки оружия с территории ФРГ. В Тель-Авиве отмечали, что они не видят ситуацию такой уж «черной» и не такой уж опасной в своих практических последствиях, тем более, что «воздушный мост» США продолжил поставки оружия. Все же известную степень «человеческого разочарования» в Тель-Авиве четко выразили²¹⁴. Свое недовольство позицией ФРГ высказал в своих мемуарах и М. Дажн, писавший, что даже В. Брандт, «социалист и давнишний друг нашего премьер-министра», не оказал содействия Соединенным Штатам, помогавшим Израилю²¹⁵.

Однако после Заявления 6 ноября в Тель-Авиве было объявлено, что Западная Германия, встав на курс предательства интересов «единственной демократической нации на Ближнем Восто-

ке» — Израиля²¹, пошла на «нефтяной Мюнхен», который косвенно дает возможность уничтожения Израиля, чтобы обезопасить постоянные поставки нефти²¹⁷. Израильские историки считают, что ФРГ смогла бы привлекая ЕЭС, преодолеть «преклонение перед арабским насильем», основанное на страхе и замешательстве перед угрозой нефтяного бойкота и сама использовать ответные меры контрбойкота, жизненно важных товаров первой необходимости. Кроме того, по их мнению, федеральное правительство не должно было проявить пасивность в поддержке американской позиции в деле поддержки Израиля²¹⁸. Министр иностранных дел Израиля А. Эбан, считая, что «центральной темой Заявления ЕЭС была нефть», в своих воспоминаниях относительно позиции ФРГ в ЕЭС писал, что ФРГ, начиная с 1967 г. вела «постоянную борьбу между своими ценностями и интересами». В число ценностей помимо прочих входили и воспоминания Голокоста, что вело Бонн в сторону Израиля, интересы же, отмечал автор, особенно нефтяные и финансовые, вели в арабскую сторону. А. Эбан укоряет и самого В. Бранда в том, что он не прислушался к просьбам израильских руководителей о помощи в этот период. Брюссельская декларация ЕЭС была настолько неожиданной, что «смutilа Израиль», и МИД Израиля совсем не был готов комментировать ее или заявить о своем отношении к ней²¹⁹.

Относительно западногерманской позиции в связи с этим выступлением ЕЭС необходимо рассмотреть позицию и привести мнение самого канцлера В. Брандта, доказывающее, что правительству ФРГ нелегко далось требование вывода израильских войск с оккупированных арабских земель и выступление за права палестинцев. В своих дневниковых записях этого периода канцлер отметил: «...Вчера Девятка сформулировала решение по ближневосточному конфликту; напрасно в ряде комментариев высмотрели в нем антиизраильскую тенденцию; такая тенденция нам не будет принята. В остальном же в Брюсселе стало ясно, что о европейской солидарности в вопросе о нефти, к сожалению, не может быть и речи». Тут же В. Брандт отмечает, что в будущем он выступил с исправлением неправильных толкований ближневосточной политики ФРГ, так как он с «сожалением установил, что арабам сдержанные намеки сыграли на руку», а позиция министра иностранных дел В. Шееля в Брюсселе 6 ноября 1973 г. была очень легко интерпретирована. Брандт особенно подчеркивает свою следующую мысль: «Я не сомневаюсь в том, что не буду содействовать антиизраильской позиции»²²⁰. В другой своей книге воспоминаний он определенно отмечает свое личное отношение к Заявлению ЕЭС от 13 октября и 6 ноября: «...что касается отдельных формулировок, я не был вполне доволен»²²¹. Предста-

витель правительства ФРГ фон Вехмар, в ответ на критику федерального правительства, подписавшего заявление ЕЭС, был вынужден подчеркнуть, что Заявление нельзя рассматривать односторонне проарабским или односторонне антиизраильским, оно опирается на основные принципы резолюции ООН по Ближнему Востоку²². Принятая без предварительных консультаций и согласования с госдепартаментом США брюссельская декларация была воспринята в Вашингтоне как «антиамериканская», так как любая критика израильской политики вызывала в Соединенных Штатах недовольство.

Позиция ФРГ во время октябрьской войны была в целом с удовлетворением воспринята арабскими странами, если не считать напряженность в западногермано-арабских отношениях, возникшую из-за поставок оружия с территории ФРГ и других западноевропейских стран Соединенными Штатами Израилю, в результате чего, как отметил в обращении к сирийскому народу президент САР Хафез Асад, появился «фактор раздора» между США и его союзниками²³. В первые же дни войны (12 октября) посол Ливана в Бонне Лабакки заявил от имени арабских стран, что сарабы не имеют никакого основания считать, что федеративное правительство прямо защищает Израиль²⁴. Министр информации АРЕ Хатем охарактеризовал позицию ФРГ как «очень трезвую, сбалансированную и справедливую»²⁵. Одобрение позиции стран Западной Европы, в том числе и Федеративной Республики, в отношении ближневосточного конфликта на современном этапе нашло свое отражение и в резолюции Алжирской встречи в верхах в ноябре 1973 г. В резолюции, в частности, говорилось: «знаменательно то обстоятельство, что «определенные европейские правительства, которые по традиции были склонны поддерживать точку зрения Израиля, начинают сомневаться в самих основах авантюристической политики, создавшей серьезную угрозу для международного мира и сотрудничества». В обращении к странам Западной Европы подчеркивалось, что лишь заняв четкую и ясную позицию в отношении справедливого дела арабских народов, способствуя всеми средствами полному освобождению оккупированных Израилем арабских территорий, и в первую очередь Иерусалима, и восстановлению законных прав арабского народа Палестины, Западная Европа получит свою роль в международных делах²⁶.

Исследуя позицию Западной Германии в дни арабо-израильской войны, нельзя не отметить и такой важный фактор, как отношение общественности страны к событиям на Ближнем Востоке. Так, известный политический обозреватель Себастьян Хаффнер считал, что в отличие от 1967 г. настроения населения ФРГ изменились. И несмотря на то, что и Израиль, и арабы имеют своих

стойких приверженцев, позиция «большой публики в [Западной] Германии—позиция безучастного зрителя: «Слава богу—это нас не касается»²²⁷. Волна солидарности с борьбой арабов на этот раз является более значительной, чем в 1967 г., писала «Зюддойче цайтунг»²²⁸. По проведенным в Западной Германии опросам, 57% населения страны симпатизировало Израилю, что считалось значительным падением престижа Израиля²²⁹. Вольфрам фон Равен, военный эксперт ХДС, человек, который не относится к осуждающим политику Израиля, писал о том, что «в 1973 г. Израиль политически и психологически был в более худшей позиции, чем в 1967 г. Так как общественное мнение вдоль и поперек обвиняло его в неприязни...»²³⁰.

Октябрьская война выявила силу и сплоченность арабских народов. Их солидарность, проявленная на фронтах войны и в объявлении нефтяного бойкота странам, поддерживавшим Израиль, была невиданной в новейшей истории арабских стран. Использование нефти как оружия явилось тем важным аргументом, который подействовал на внешнюю политику западноевропейских стран, в том числе и на позицию ФРГ. И хотя ближневосточные интересы США и западноевропейских государств не противоположны, они различны, так как Соединенные Штаты менее зависят от нефти из арабских стран²³¹. Кроме того федеральное правительство не прельщало возможность быть использованной в качестве молчаливого инструмента внешней политики США, не желая делить с ними ответственность за явно произраильскую политику, выгодную лишь американскому и израильским правительствам и противоречащую государственным интересам ФРГ. И хотя федеральное правительство пошло на обострение своих отношений с Вашингтоном, необходимо отметить, что оно, как уже было указано, все же позволяло США посылать столь нужное Израилю оружие из ФРГ и прервало поставки лишь после того, как этого потребовали арабы.

Органически связано с позицией Бонна в этот период и принятое 6 ноября 1973 г. Заявление «девятки» ЕЭС по Ближнему Востоку, свидетельствующее о попытках Западной Европы усилить и активизировать ближневосточную политику. Опираясь на свою собственную экономическую мощь, конкурирующую с американской, Европейское экономическое сообщество, принимая это Заявление, пыталось расширить политическими средствами сферу своего влияния в арабских странах и начать новый этап экономического проникновения. Октябрьская война явилась тем катализатором, который ускорил процесс проведения в жизнь

намеченного правительством Брандта-Шеелл сбалансированного курса в отношении арабо-израильского конфликта.

§4. ФРГ И ПРОБЛЕМА УРЕГУЛИРОВАНИЯ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО КОНФЛИКТА

Прекращение военных действий на Ближнем Востоке не повлекло за собой установления всеобъемлющего мирного урегулирования. Более того, политика сепаратизма президента Египта Садата, подталкиваемого активными действиями государственного секретаря США Генри Киссинджера, увела в сторону от полного урегулирования арабо-израильского конфликта.

Однако США и Израиль ставили целью начавшихся переговоров о разъединении египетских и израильских войск на Синае прежде всего частичное урегулирование, при котором и речи не могло быть об отходе израильских войск к границе 4 июня 1967 г. 11 ноября 1974 г. между Египтом и Израилем был подписан протокол о мерах по выполнению отдельных частей резолюций Совета Безопасности о прекращении огня (№ 338), об отводе войск на позиции 22 октября 1973 г. (№ 339) и о военном снабжении 3-й египетской армии, блокированной на Синае. На основе этого протокола при посредничестве Киссинджера на 101-м километре шоссе Каир—Суэц между Египтом и Израилем было подписано 18 января 1974 г. соглашение о разъединении войск: между ними создавалась буферная зона, в которой будут размещены Чрезвычайные вооруженные силы ООН (ЧВС ООН).

Начало Женевской мирной конференции приветствовалось официальными лицами в Бонне, которые неоднократно подчеркивали заинтересованность ФРГ в успехе конференции²¹. В Западной Германии считали участие США и СССР положительным фактором, способствующим успеху конференции²². Вместе с тем, выражая некоторое сомнение в действительно реальных итогах, отмечалось, что уже тот факт, что Израиль и арабы сидят друг против друга в одном помещении—историческое событие²³. Приветствуя созыв Женевской конференции, канцлер В. Брандт перспективу ее работы охарактеризовал довольно-таки критически, отмечая, что «существуют только намеки на мирное урегулирование». Решающим в этом он считал содействие Соединенных Штатов и Советского Союза. Открытым, по его мнению, оставался и вопрос о роли ООН, а также проблема, выступают ли другие в роли держав-гарантов и если да, то в какой форме и мере. Канцлер ФРГ подчеркивал, что Западная Германия, в качестве государства, являющегося членом ЕЭС, уч-

сывает возможность и такого сотрудничества в качестве гаранта. Вместе с тем Брандт однозначно выступал против посылки западногерманских войск на Ближний Восток для размещения их на границе между Израилем и арабскими государствами вместе с европейскими войсками, а также войсками США и СССР. С этой просьбой президент Садат обращался к бывшему федеральному министру-депутату Шрёдеру, когда тот находился в Каире во главе делегации комиссии бундестага по иностранным делам²⁶⁵. Выражая благодарность египетскому президенту и «констатируя чувство доверия, нашедшее выражение в этом предложении», канцлер не исключил возможности быть представленными в такой операции и лице военных врачей и сестер Красного Креста ФРГ, но в силу исторических и других взаимосвязей сотрудничество бундесвера в этом регионе представлялось ему «не совсем убедительным», как отмечал он в интервью второй программе немецкого телевидения²⁶⁶.

Необходимо заметить, что впервые вопрос о посылке войск ФРГ на Ближний Восток был поднят министром иностранных дел ФРГ В. Шеелем на заседании кабинета, где он заявил: «Зачем израильтянам Голанские высоты и Суэцкий канал. Мы туда пошлем наших людей»²⁶⁷. Еще 26 октября 1973 г. Шеель изложил свои мысли, как лучше всего будет защитить буферные зоны — посылкой «европейской мирной вооруженной силы под влиянием бундесвера», создав для этого европейский пустынный корпус. Тогда он встретил резкое противостояние со стороны министра обороны ФРГ Г. Лебера, заявившего, что кооперация бундесвера с МИД в крайней степени плоха. Лебер предложил представить, что если европейские войска должны будут выступить на Ближнем Востоке с задачами безопасности и полицейского характера, то нельзя будет исключить и мучительную для немцев немецко-израильскую конфронтацию²⁶⁸. В свою очередь он, выступая позже в бундестаге относительно «Белой книги о безопасности ФРГ и развития бундесвера в 1973/1974 гг. и перед Немецким атлантическим обществом, в частности, отмечал, что арабо-израильская война 1973 г. поставила перед обороной ФРГ новые задачи и цели²⁶⁹. Лебер, сравнивая ситуацию на Ближнем Востоке с положением в Центральной Европе и обвиняя страны социалистического лагеря в агрессивных намерениях, призвал усилить мощь бундесвера, развивать ПВО и оборону от танков²⁷⁰. Эти выступления министра обороны ФРГ были в духе заключительного коммюнике Комитета планирования обороны НАТО, в котором, вместе с выражением «удовлетворения» по поводу египетско-израильских переговоров, проводимых по инициативе Соединенных Штатов, «спорождающих надежду» на справедливое и прочное урегулирование конфликта, было и обвинение в адрес

Советского Союза, который, чтобы усилить в регионе свое влияние, наращивает военное присутствие, что представляет, по мнению атлантистов, реальную угрозу Южному флангу НАТО²⁴¹.

Первые месяцы после октябрьской войны на Ближнем Востоке показали, что позиция, которую заняло федеративное правительство в отношении арабизраильской войны и сторон, участвующих в конфликте, не дало все же Федеративной Германии ключей для полного признания со стороны арабского мира. Вместе с дружественными заверениями и признанием Заявления ЕЭС от 6 ноября стали появляться и критические высказывания в адрес ФРГ. Так, резкой и жесткой критике подверглось выступление В. Брандта в Страсбурге в Европейском парламенте 13 ноября 1973 г., в котором он опять ввел в политический оборот и использовал выражение «особые отношения с Израилем» и то, что он несмотря на официально опубликованные документы, заявил, что не считает отношение ФРГ к конфликту нейтральным²⁴². Известный египетский журналист Ахмед Бахадия упрекнул канцлера и в «стумлявой и расплывчатой позиции», которую занимала ФРГ в ЕЭС относительно арабо-израильского конфликта²⁴³, а сирийская газета «Аль-Баас» опубликовала богатую документацию о соприкосновении интересов Израиля и ФРГ. Газета писала, что несмотря на все рафинированные дипломатические маневры, которыми Бонн пытался предложить свою нейтральную позицию в конфликте, военное противодействие в октябре 1973 г. поставило ФРГ на практике строго на стороне Израиля²⁴⁴. Более того, орган правящей в Сирии партии Баас, требуя полного прекращения поставок нефти для Федеративной Республики и отметив, что она является сильнейшей поддержкой и опорой Израиля в Европе, напомнила также о проявлении солидарности правящей в бундестаге СДПГ и отношении Социалистической партии Израиля и посылке пожертвований.

Недоверие федеральному правительству выразил и премьер-министр Ливии Джаллуд, заявивший, что арабы были бы очень наивны, если бы поверили заявлениям. «Это формальные признания. Американы, а также немцы сделали много таких признаний. Однако если не последуют дела, то тогда мы можем всерьез это Заявление (от 6 ноября 1973 г.) не принимать»²⁴⁵. — предостерегал он. С беспокойством было встречено в Бонне и заявление официальных лиц другой страны из числа основных поставщиков нефти в ФРГ — Саудовской Аравии. Саудовцы недвусмысленно дали понять, что поставки нефти будут лишь тогда безопасны, когда Бонн в ближневосточном конфликте, как и французы, встанет на жесткий антиизраильский курс²⁴⁶. Но правительства арабских стран сами стремились расширить и углубить социально-политические и экономические связи с ФРГ и другими странами-чле-

нами Европейского экономического сообщества. Четыре арабских министра прибыли 14 декабря 1973 г. в Копенгаген, где должна была состояться встреча в верхах ЕЭС и по поручению 20 стран-членов Лиги арабских государств предложили начать диалог с Западной Европой. Ранее, 20 ноября, здесь же на встрече министров иностранных дел ЕЭС была подтверждена ближневосточная резолюция от 6 ноября 1973 г.²⁴⁷ 14 декабря 1973 г. в Коммюнике, опубликованном по окончании встречи в верхах ЕЭС, в частности, затрагивалась и совместная позиция на Ближнем Востоке. В ней говорилось, что безопасность всех государств в этом районе (будь то Израиль или его арабские соседи) может быть основана только на полном выполнении резолюции № 242 Совета Безопасности во всех ее частях, учитывая также законные права палестинцев²⁴⁸.

Представители Лиги, министр энергетики и промышленности Алжира Б. Абдельсалам и саудовский министр нефти А. Ямани посетили также Западную Германию, где заявили, что «не питают дурных намерений в отношении ФРГ ... и не собираются оказывать какой-либо нажим» на федеральное правительство и проводимую им на Ближнем Востоке политику, а лишь хотят привлечь внимание и выразить свою заинтересованность в урегулировании ближневосточного конфликта²⁴⁹. На встрече с министром по экономическому сотрудничеству Е. Эпплером и канцлером В. Брандтом они предложили планы кооперации в области энергетики²⁵⁰. Считая, что в экономическом сотрудничестве с арабскими странами «открывается грандиозное будущее», канцлер тем не менее не хотел связывать в одно целое проблему нефтеснабжения с позицией ФРГ в отношении ближневосточного конфликта. Однако, противореча себе же, отметил, что между прочим, «открытая позиция» ФРГ по отношению к сторонам в ближневосточном конфликте дала не совсем плохие результаты. «Со снабжением нефтью у нас дело обстоит не хуже, а лучше, чем у некоторых стран, слишком посвятившихся с односторонними заявлениями и высказываниями»²⁵¹.

Экономическое воздействие энергетического кризиса, усиленное резким повышением цен на нефть, сразу же сказалось на положении внутри Западной Германии. Если в 1969 г. число безработных колебалось от 200 до 300 тыс. человек, то с 1974 г. возрастало до 600 тыс., а в 1975 г. — 1,1 млн. чел. В 1974 г. ФРГ ввезла на 6% нефти меньше, чем в 1973 г., а вынуждена была заплатить на 17 млрд. марок больше²⁵². Вместе с тем энергетический кризис поставил перед экономикой ФРГ, почти целиком направленной на экспорт, новые проблемы, и вследствие увеличения дефицита внешней торговли из-за подорожания нефти и постоянной угрозы нефтяного бойкота со стороны нефтедобываю-

ших арабских государств. Возможность установления европейско-арабского диалога сулила ФРГ возможность снять или в существенной степени смягчить проблемы, возникающие в отношениях с арабскими странами в связи с позицией Бонны в ближневосточном конфликте. Канцлер Брандт во время визита премьер-министра Ливия А. Джаллуда, констатируя важность нефтеобеспечения страны, отмечал, что в рамках политического сотрудничества ЕЭС, ФРГ примет усилия для содействия «благообразному» урегулированию ближневосточного конфликта на основе резолюций ООН²⁵³.

Европейско-арабский диалог, по мнению ведущих политиков ФРГ, помимо экономических вопросов, и с политической точки зрения должен был сыграть возитивную роль. Он облегчит проведение собственной ближневосточной политики Бонны и «содействует конструктивному вкладу арабской стороны в решение ближневосточного конфликта», — считал, например, Г.—Д. Геншер²⁵⁴. Другими словами повлечет из позицию арабских стран в отношении Израиля. «Значение европейского компонента при согласовании будущего экономического и политического курсов арабского мира будет при устройстве европейско-арабского диалога четко выражено», — отмечал один из ведущих специалистов ФРГ по Ближнему и Среднему Востоку У. Штайнбах²⁵⁵.

Посредством «диалога» правящие круги ФРГ преследовали цель, еще теснее связав экономику арабских стран к Западной Европе, повлиять как на политику этих государств в решении ближневосточного конфликта в выгодном для Израиля свете, так и сориентировать арабские страны из Европы, а не на Советский Союз и страны социалистического лагеря, чего более всего опасались в Бонне²⁵⁶.

4 марта 1974 г. в Брюсселе ЕЭС решило начать переговоры и выработать проект широкого сотрудничества в рамках «диалога». Соединенные Штаты заявили, что ЕЭС не проконсультировалось с ними относительно своего предложения о долгосрочном экономическом и техническом сотрудничестве с арабскими странами. Однако, как отмечает «Нью-Йорк таймс» за 6 марта 1974 г., об этом Г. Киссинджер был проинформирован канцлером Брандтом. В Бонне отрицали, что проектируемый диалог с арабами будет перекрывать общую политику сотрудничества с Израилем. Однако со стороны США, в связи с решениями ЕЭС по ближневосточной политике, вновь был выдвинут упрек в недостаточной готовности западноевропейских правительств к консультациям с Вашингтоном. Дипломатические круги в Бонне, писала «Генераль-анцайгер», были поражены и обеспокоены заявлениями американского государственного департамента²⁵⁷. Вопреки справедливому анализу выступлений США против усиления влияния ЕЭС в ближневосточном регионе, данный

исследователем В. Фелдом—США опасались, что широкая экономическая эканализи сообщества непременно будет весты с собой политическое влияние, что практически снимет экономический эффект экспорта США и эти страны и его политическое воздействие²⁹.

Федеративная Республика, активнее, чем любая другая европейская страна поддерживающая американскую внешнюю политику, в рамках ЕЭС играла роль посредника между сообществом и США, так как большинство стран ЕЭС, возглавляемых Францией, желало проводить политику, не согласованную с американской. В вопросе европейско-арабского диалога и ближневосточной политики ЕЭС в целом ФРГ проводила свою позицию в жизнь посредством попыток ограничения существующих или потенциальных конфликтов с американской политикой³⁰. Боннская дипломатия считала большой своей удачей, что смогла вырвать у Франции важную уступку, которой добивались США—исключения из диалога с арабами вопроса мирового урегулирования энергетического кризиса и проблему ближневосточного конфликта, чтобы не мешать усилиям США в переговорах относительно урегулирования конфликта. Разъясняя позицию ФРГ и отъезжаясь от вмешательства в проводимую Вашингтоном ближневосточную политику, министр финансов ФРГ Гельмут Шмидт отмечал, что эффект диалога с арабами послужит усилению позиций Западной Европы и всего западного влияния в странах третьего мира³⁰. Соединенные Штаты однако, видя в действиях ЕЭС угрозу «медленного отхода от политической линии Запада, за исключением вопросов военной защиты Европы», как писал в своих мемуарах Г. Киссинджер³¹, продолжали односторонне резко выступать против любых попыток западноевропейских государств вмешиваться в вопросы, связанные с ближневосточным регионом. Генеральный директор Атлантического института международных отношений, бывший посол США в Бонне М. Хилленбранд, анализируя ситуацию, сложившуюся в этот период отмечал, что «американские политики должны будут принимать во внимание нефтяные интересы ФРГ на Ближнем и Среднем Востоке. «Недовольство Соединенных Штатов и желание играть монопольную роль в 70-е гг. явилось постоянным источником напряженности, а в интересах США предоставить и западногерманскому правительству и другим правительствам ЕЭС право участия в ближневосточном урегулировании»³².

Правящие круги США, ясно представляя, что непосредственное политическое вклада в разрешение арабо-израильского конфликта девятка не может внести, видели, однако, в ее активности попытки заволадеть политический вакуум, образовавшийся вследствие американской политики из-за безоговорочной политики поддержки Израиля в дни четвертой арабо-израильской войны. И

поэтому они без энтузиазма восприняли новый, активный шаг стран ЕЭС на Ближнем Востоке, и с недоверием отнеслись к заключенному 21 апреля 1974 г. в замке Гимних (ФРГ) «джентльменскому соглашению», по которому страны-члены ЕЭС обещали не принимать никаких решений, противоречащих американским интересам, прежде всего американской политике на Ближнем Востоке. Министр иностранных дел ФРГ Ханс-Дитрих Геншер (СвДП) отметил, что в Гимних был решен вопрос и о постоянных и тесных консультациях ЕЭС с Вашингтоном в вопросе о внешнеполитических маневрах девяти²⁰³.

Определенные арабские круги видели в возможности установления европейско-арабского диалога попытку капиталистических стран Европы укрепить свои позиции на Ближнем Востоке, где их интересы расширились и в некоторой степени имели точки совпадения с арабскими. Один из лидеров ПДС (Палестинского движения сопротивления) Наим Хаватма видел в этом стремление западноевропейцев прийти к какому-либо соглашению с арабскими странами, «возможность выйти из-под постоянного давления американской политики и Израиля»²⁰⁴. Оригинально восприняли отношения США и Западной Европы относительно ближневосточного региона в Египте. Министр иностранных дел АРЕ И. Фахми отмечая, что европейские и американские цели аналогичны, выступил за то, что Египту не следует заключать экономических соглашений, дублирующих друг друга, с тем, «чтобы не вызвать соперничества и антагонизма». И. Фахми считал, что США не противодействуют Западной Европе и не оказывают на нее давления до тех пор, «пока целью является подъем египетской экономики после израильской агрессии»²⁰⁵. А президент Садат в свою очередь заявил, что недоразумения и взаимное непонимание будет предотвращено, если помимо арабо-европейского диалога будет и другой—американо-арабский. Западногерманские обозреватели отмечали, что Садат «неспроста хочет добиться сотрудничества арабского мира с западными странами»²⁰⁶. Намечившийся отход Садата от курса совместной борьбы арабских стран против Израиля был встречен с одобрением в ФРГ и в своей арабской политике Бонн еще больше внимания стал уделять отношениям с Каиром, стараясь удержать Садата в русле американской политики и как морально-политически так и экономической помощью поддержать его на пути проведения отдельных сделок с Израилем, выбить Египет из общерабского фронта борьбы с Израилем. Вместе с тем рупор западногерманских правящих кругов «Вельт» призвала, не упуская на самотек и политической стороны сотрудничества с Египтом, не забывать и своих обязательств по отношению к Израилю и США—немец-

кая политика на Ниле должна вписываться в атлантическую. Бонн и Вашингтон не могут быть соперниками в Каире»²⁶⁷.

Непосредственным внешнеполитическим действием, характеризующим активность ФРГ на Ближнем Востоке явился первый визит главы правительства ФРГ—канцлера В. Брандта—в Алжир и Египет (19—24 апреля 1974 г.). Поездка была согласована с Вашингтоном, откуда был получен «весьма положительный ответ»²⁶⁸.

Анализируя итоги визита канцлера ФРГ, необходимо отметить многоплановость решаемых в ходе визита проблем. Во-первых, с Алжиром была достигнута договоренность о поставках газа в ФРГ, а в Каире велись переговоры об экономической и технической помощи Египту. Садатом были даны все гарантии и для западногерманских инвестиций в Египте²⁶⁹. «Наша промышленность,—заявил канцлер ФРГ,—может начать здесь свою деятельность, откуда продвигнуться на третьи рынки»²⁷⁰. Уверенность в политическом курсе Садата позволила Брандту сделать открыто это свое заявление, раскрывающее истинные цели экономической экспансии ФРГ в регионе.

Во-вторых, в ходе визита канцлер выступил и как представитель ЕЭС, отметив, что диалог с арабами не должен будет ущемлять интересы и усилия США в регионе. ФРГ была готова вместе с другими союзниками по ЕЭС взять на себя «политические гарантии» мирного урегулирования конфликта.

В-третьих, федеральное правительство преследовало цель одобрить позицию президента Садата в арабо-израильском конфликте и предпринимающиеся им шаги по частичному урегулированию египетско-израильской конфронтации. Еще ранее, выступая 24 января 1974 г. в бундестаге, В. Брандт приветствовал взаимный отвод войск на Синае и выразил надежду, что это даст толчок к мирному урегулированию конфликта²⁷¹. В Каире канцлер характеризовал усилия Садата, как наиболее «реалистичную, приближающую шансы сотрудничества и мирное урегулирование в регионе, политику». «Мужественные усилия» Садата, его «государственная дальновидность», его «чувство реальности»—все это, как объявил В. Брандт дают миру надежду на «хорошее соседство друг с другом всех государств и народов этого региона»²⁷². Президент Садат, в свою очередь, как пишет В. Брандт в своих воспоминаниях, «осыпал нас заверениями в дружбе»²⁷³, предложил построить здание дружбы между ФРГ и Ближним Востоком²⁷⁴. Анвар Садат, с удовлетворением отмечая, что его политика приветствуется и со стороны оппозиции ХДС/ХСС в бундестаге, предложил ФРГ сыграть роль посредника при решении проблемы Палестины, а также просил прислать войска ФРГ на границы

с Израилем. Брандт отказался от военных гарантий Западной Германии²⁷⁶.

Выступая относительно позиции ФРГ в отношении арабо-израильского конфликта и путей его решения, канцлер ФРГ неоднократно поднимал и палестинский вопрос. Во многом это было повторением прежних заявлений Бонна: проблема палестинцев — многоплановая. Она, вместе с гуманитарной, является и политической: при непосредственном урегулировании конфликта должны быть приняты во внимание жизнь, права и будущее палестинцев. Это такой же важный элемент, как и неприкосновенность границ, принцип не захватывать чужих земель. Проблема палестинцев, как часть политического кризиса в этом регионе, должна быть рассмотрена²⁷⁶. В. Брандт коснулся и территориального вопроса относительно проблемы палестинского народа, как проблемы политической, т. е. проблемы «политической структуры областей, где живут палестинцы или куда они возвращаются». «Она, в частности, касается палестинцев, там, где они живут сейчас, скажем на западном берегу р. Иордан. Неизвестно, какой будет политическая структура этой области и полосы Газа. Кроме этого, существует проблема и для других, для тех, кто хочет вернуться», — заявил канцлер в Каире. Вместе с тем он отмежевался от поддержки создания собственного палестинского государства, не желая «предвосхищать выработку мнений», что по его мнению, является делом непосредственно участвующих в конфликте сторон²⁷⁷.

Ничего нового в определении отношения федерального правительства как к решению палестинской проблемы, так и к урегулированию арабо-израильского конфликта не наблюдается. Происходила лишь констатация того, неоспоримого даже в Израиле факта, что и в секторе Газа и на Западном берегу р. Иордан живут палестинцы. Канцлер повторял приверженность Бонна к резолюциям Совета Безопасности ООН и Заявлению ЕЭС от 6 ноября и 24 декабря 1973 г.

В этом аспекте довольно-таки интересна критика выступлений Брандта со стороны израильских политологов. Так, Е. Делигиди, критикуя постоянное упоминание канцлером «законных прав палестинцев», отмечает, что позиция федерального правительства в этом пункте, как и во всем ближневосточном вопросе, была поверхностна и «носила отпечаток настоящего страха перед нефтеобеспечением страны». Конкретно, Брандт не мог сослаться на решение палестинской проблемы, что, по мнению исследователя, исходит из того, что повторяемые высказывания по этой теме уже должны оцениваться как пределы главной концепции, которой отвечает формула «сбалансированности». Но она имеет пассив-

ный характер, пишет Е. Делигин, и поэтому находится в ожидании покровительных предложений от других²⁷⁸.

В Тель-Авиве к визиту главы федерального правительства и арабские страны отнеслись сдержанно: здесь придерживались мнения, что чем в большей степени арабские государства будут укреплять свои связи с Западом и заниматься экономическим и социальным строительством в собственных странах, тем больше будет шансов для мирного урегулирования на Ближнем Востоке в нужном для Израиля ключе. Брандт подвергся критике лишь за упор на «традиционную немецко-египетскую дружбу», причем подчеркивался следующий факт: в то время, когда Саад был другом Германии, Брандт — не был союзником той Германии (т. е. фашистской. — А. М.)²⁷⁹. Другого повода для критики ближневосточной политики канцлера ФРГ в Израиле не находили. И по праву: канцлер, хоть в свое время исходя из тактических соображений политики Западной Германии и объявил об отходе от «особых отношений» с Израилем, однако никогда не забывал о них, что, по мнению западногерманских историков Ф. Вюттнера и П. Хюнкелера, и явилось причиной того, что в вопросе урегулирования ближневосточного конфликта ФРГ не предпринимала никаких конкретных шагов²⁸⁰. Правительство Брандта — Шееля выступало в отношении арабо-израильского конфликта прежде всего исходя из национальных интересов и интересов правящих кругов ФРГ, а также в рамках политики своего главного союзника по НАТО — Соединенных Штатов, которые и диктовали позицию в отношении Израиля.

7 мая 1974 г. канцлер Вилли Брандт подал в отставку и новым канцлером ФРГ стал представитель правого крыла СДПГ, «справый среди немецких левых», как охарактеризовал его журнал «Штерн», — Гельмут Шмидт. К отставке В. Брандта ГКП сделала заявление, в котором, в частности, говорилось: «Отставка Вилли Брандта и формирование нового кабинета объясняются... спланированным поводом для того, чтобы путем свержения Вилли Брандта сдвинуть все внешне и внутривластные развитие в Федеративной Республике еще более вправо»²⁸¹. Правительство Шмидта-Геншера заняло «более жесткую линию» во внешней политике²⁸².

В своем первом правительственном заявлении канцлер Г. Шмидт, выступая в бундестаге 17 мая 1974 г., особо отметил Ближний Восток. Он, в частности, заявил, что ФРГ имеет «неизменный жизненно важный интерес» в справедливом и прочном мирном урегулировании на Ближнем Востоке. Канцлер приветствовал политику своего предшественника на посту, отметив, что поддерживает так же, как и прежде, мирные условия в этом рай-

оне и хочет совместно со своими партнерами по ЕЭС содействовать в поисках мира в арабо-израильском конфликте²⁶³.

В октябре 1974 г. на состоявшейся в Рабате конференции глав арабских государств Организация освобождения Палестины была единогласно признана единственным законным представителем палестинского народа. ООП, возглавляемая Ясиром Арафатом, стала активно выступать за претворение в жизнь прав палестинского народа на самоопределение и создание собственного палестинского государства. Признание ООП арабскими государствами, несомненно, повлияло и на отношение ФРГ к месту и роли палестинской проблемы в ближневосточном урегулировании, а ООП стала упоминаться в официальных документах и заявлениях федерального правительства. Израильский историк А. Нойштадт считает, что именно с 1974 г. ФРГ была сориентирована на решение палестинского вопроса так, как это видят сами арабы²⁶⁴.

Тот факт, что Я. Арафату было разрешено выступить перед Генеральной Ассамблеей ООН/ГА ООН/, где на повестке дня стоял и вопрос о Палестине, вынудило и ЕЭС и ФРГ, в частности, выработать свою позицию. Перед дебатами по палестинскому вопросу Арафат выразил надежду, что «немецкий народ повлияет на федеральное правительство, чтобы оно повело себя в крайнем случае нейтрально, если оно уже не стоит на стороне палестинского вопроса»²⁶⁵. Сам факт того, что ФРГ в числе девяти стран ЕЭС воздержалась, а не выступила против резолюции ООН по Палестине на стороне США и Израиля, говорит прежде всего о новых акцентах в позиции федерального правительства в отношении арабо-израильского конфликта. В речи министра иностранных дел ФРГ на XXIX ГА ООН в сентябре 1974 г. приветствовалось заключение договора об отводе войск и выражалось признание деятельности госсекретаря Киссинджера. За этим шагом, по мнению Геншера, должны будут следовать последующие, которые непременно учтут и справедливые права палестинского народа. Прогресс во взаимоотношениях между Египтом и Израилем явился свидетельством того, заявил министр, что и «между сторонами конфликта растет убеждение, что только мирными средствами можно достигнуть настоящего решения»²⁶⁶.

19 ноября 1974 г. в ходе дебатов представитель ФРГ в ООН Рюдигер фон Вехмар в своей речи «создал впечатление», как писал журнал «Шпигель» будто ФРГ поддерживает взгляды ООП. Вехмар говорил о «праве палестинского народа на самоопределение» и о «территориях, которые Израиль должен освободить». Однако министр иностранных дел Геншер решительно отмежевался от этой речи, заявив что не был ознакомлен с нею заранее. В то же время федеральный министр не скрывал, что, по его мнению,

«ООН рано или поздно станет партнером на переговорах», правда, это время еще не наступило²⁸⁷.

Другой запланированной со стороны МИД ФРГ «осечкой», дающей Израилю понять, что ФРГ не намерена более выступать за безоговорочное удовлетворение всех израильских требований и претензий к ближневосточной политике Бонна, явилась сенсационная встреча председателя комиссии бундестага по иностранным делам Г. Шредера, встретившегося 17 декабря 1974 г. в Дамаске с Я. Арафатом. И министр иностранных дел Г.-Д. Геншер и председатель фракции ХДС/КС в бундестаге Карл Карстенс заявили, что переговоры с ООН велись без предварительного согласования ни с МИД ФРГ, ни с руководством ХДС. Однако и МИД Израиля, и израильское посольство в Бонне в тот же день отвергли разъяснения боннского МИД, утверждая, что правящие круги ФРГ сами решительно поощряли Г. Шредера вопреки тщетным попыткам израильского посольства в Бонне вмешаться²⁸⁸.

Вслед за вышеуказанным «оживлением» в ближневосточной политике, федеральное правительство неожиданно столкнулось с новой проблемой, на этот раз «сверхвычайно оживившей» политические круги как в Бонне, так и в столицах стран Ближнего Востока.

7 июля 1974 г. канцлеру Г. Шмидту был задан, как он назвал, «деликатный вопрос, на который он не смог ответить откровенно». Этот вопрос касался позиции ФРГ в случае новой войны на Ближнем Востоке и вероятности использования со стороны США западногерманских аэродромов²⁸⁹. В декабре 1974 г. этот вопрос нашел свое отражение в реальной практике международной жизни. Вначале журнал «Шпигель» сообщил 9 декабря 1974 г., о секретном решении заседания правительства ФРГ, по которому в случае кризисной ситуации или начала новой арабо-израильской войны, соответствующие ведомства, прежде всего министерства обороны, иностранных дел и ведомство федерального канцлера, согласуют между собой вопрос о том, как будет реагировать ФРГ на желание американцев—снабжать Израиль оружием, используя американские базы в Западной Германии. Министр иностранных дел Геншер активно выступал за солидарность с действиями США, как бы ни развивались события. По его мнению, Бонн должен будет настоятельно вступить, чтобы «Израиль жил в безопасных границах». Канцлер Шмидт был согласен с этой точкой зрения. Попытки возразить предпринял только министр хозяйства ФРГ Ганс Фридрихе (Св)—(ДП). Кабинет пришел к решению: ФРГ должна быть готова положительно среагировать на американские желания послать оружие Израилю с баз США в ФРГ.

Намереваясь четко отделиться от политики своего предшественника В. Шееля, который выступал за свертывание особых отно-

шений к Израилю и за нормализацию их, Геншер заявил: «Израиль для меня не такое государство, как другие»²⁰⁰. Сообщение взволновало общественность арабских стран: ряд правительств арабских стран отозвал своих представителей из Бонна. Просачивание секретной информации об обсуждении вопроса о поставках оружия США было тем более неприятно коалиции СДПГ—СвДП, что в этот период федеральное правительство не хотело создавать впечатление, будто оно слишком энергично выступает в поддержку Израиля, чтобы по возможности избежать в случае обострения арабо-израильского конфликта нефтяного бойкота со стороны арабских стран. Советники канцлера Шмидта указывали на то, что хотя канцлеру трудно будет категорически сказать «нет» американцам, однако правительство ФРГ откажет во всех видах транспортной помощи, если Израиль нанесет арабам превентивный удар, т. е. начнет военные действия первым²⁰¹.

Однако ситуация была вскоре еще более обострена после заявления Г. Киссинджера 3 января 1973 г. о «возможном применении военных мер» против арабских стран для гарантирования поставок нефти Западу²⁰². Официальный представитель правительства ФРГ А. Грюневальд, подчеркивая, что Западная Германия не заинтересована ни в какой конфронтации на Ближнем Востоке, а наоборот, заинтересована в сотрудничестве, отметил, что «по всей вероятности, мы недооценили бы свои силы и предали бы свои политические цели, если бы прибегли к силе, даже если бы только помыслили об этом. Мы не помышляем об использовании силы и не разделяем подобных идей». А госсекретарь СвДП Германии М. Бенгеман заявил, что заявление Киссинджера напомнило ему «дипломатию канонерок», практиковавшуюся американцами в начале века²⁰³.

Угроза новой арабо-израильской войны и вероятность быть втянутой в ближневосточный конфликт—с вытекающими отсюда последствиями—стала одной из серьезнейших внешнеполитических забот федерального правительства. Канцлер Шмидт выступил с рядом кратких заявлений, в которых подтверждал нейтралитет своей страны или уклонялся от прямого ответа. В одном из интервью он заявил, что никакого нажима со стороны США с целью побудить предоставить аэродромы и порты для доставки грузов в Израиль он не знает. Далее он отметил, что «не будет публично философствовать на эту тему. Это было бы смертельно опасно». В Бонне не было секретом, что Западная Германия вынуждена быть на стороне Соединенных Штатов, однако выступали за то, чтобы Вашингтон постарался на будущее предотвратить новый арабо-израильский вооруженный конфликт, не втягивая в это своего союзника—Федеративную Республику. Шмидт с озабоченностью и тревогой подчеркивал, что видит определенную опас-

ность в том, что американцы склонны переоценивать роль и возможности ФРГ. «Сам факт того, что мы можем оказаться втянутыми в конфликт против нашей воли, это нечто новое в политической истории Германии. Еще 30 лет назад мы чаще всего были причиной возникновения конфликтов»²⁹⁴.

В политических кругах США существовало мнение, что все же между Бонном и Вашингтоном будет достигнута договоренность, в соответствии с которой федеральное правительство ФРГ будет публично протестовать против нарушения своего нейтралитета Соединенными Штатами, жалуясь при этом, что оно бессильно что-либо сделать²⁹⁵. Вероятно эти ФРГ и удалось бы соблюсти дипломатические формальности, но арабские страны это бы не убедило. Тем более, что министры обороны ФРГ и США Лебер и Шлесинджер в ходе конфиденциальных контактов заранее обговорили вероятную ситуацию на случай военных действий на Ближнем Востоке²⁹⁶.

Федеральное правительство активно выступало за продолжение американской политики «мирного урегулирования» на Ближнем Востоке. Г.—Д. Геншер отмечал, что не видит серьезной основы для прерывания миссии госсекретаря Киссинджера, желая ему в «его неустанных посреднических усилиях достичь заслуженного успеха». ФРГ хотела видеть в политике США новые средства и пути, которые с помощью всех участников переговоров приблизили бы мирное урегулирование²⁹⁷.

В мае 1974 г. при посредничестве Г. Киссинджера было подписано соглашение о разведении войск между Сирией и Израилем, которое приветствовали в Бонне. Брандт писал, что Киссинджер «неутомим и дает несравненный пример «персональной дипломатии»²⁹⁸. Федеральное правительство как в 1974 г. так и в 1975 г., когда «челючные поездки» госсекретаря были возобновлены, выразило свою готовность «сделать все», чтобы содействовать позиции Киссинджера перед обеими сторонами. веледствие чего ФРГ и отказывалась от роли посредника в арабо-израильском конфликте в 1974—1975 гг. В Бонне видели в этом единственную возможность содействовать США и в политическом плане препятствовать вовлечению Советского Союза в решение ближневосточных проблем. Свою настойчивую поддержку американской политики, что противоречило общей тенденции политики ЕЭС на Ближнем Востоке, министр иностранных дел ФРГ Геншер обуславливал готовностью Израиля, с одной стороны, Египта—с другой, прийти к соглашению «в частных вопросах»²⁹⁹. И в Вашингтоне, и в Тель-Авиве не скрывали, что ни в коей степени и не допустили бы участия и политического вмешательства ФРГ на Ближнем Востоке³⁰⁰, так как это по их мнению не только помещает мирному урегулированию в выгодном им ключе, но и

дезорентирует политическую направленность и готовность арабских правительств к переговорам с Израилем.

Вместе с одобрением политики своего главного союзника, Соединенных Штатов на Ближнем Востоке, в Бонне однако сомневались в конечных результатах поездок Киссинджера — достигнуть полного и всеобъемлющего мирного урегулирования конфликта. Канцлер Шмидт в апреле 1975 г. высказался за участие Советского Союза, США и других государств в усилиях, целью которых является обеспечение прочного мира на Ближнем Востоке. Он заявил, что «не считает, что усилия по обеспечению перемирия и превращению перемирия в длительный мир могут осуществляться лишь путем дипломатии поездок» между столицами государств Ближнего Востока³⁰¹.

В Бонне высоко оценили приложенные США, Египтом и Израилем «усилия» для заключения египетско-израильского соглашения, отметили, что назрела необходимость достижения подобного соглашения и между Сирией и Израилем, а также с другими арабскими странами. Федеральное правительство рассматривало сирийское соглашение как основу для выработки более прочного и длительного урегулирования конфликта в регионе, считая, что это соглашение все же не сняло напряженность в регионе. Вместе с тем в Бонне решили ускорить процедуру выработки механизма оказания экономической и технической помощи Египту. Федеративная Республика предоставила АРЕ за период с 1974 по 1976 годы финансовую помощь в размере 530 млн. марок, а также дополнительные экспортные гарантии на поставки и услуги на общую сумму 250 млн. марок³⁰². Согрудничество и помощь Египту предлагают западногерманской экономике «невероятные возможности», не скрывая удовлетворения писала влиятельная «Франкфуртер Адгебане» после визита в Каир министра иностранных дел ФРГ Геншера³⁰³. Коопартия ФРГ охарактеризовала отношения с Египтом как «спекуляцию» определенных сил Западной Германии на Сададе, считая что поддержка ими режима Саада — это «вид премии по страхованию» капитала и позиции ФРГ в Египте³⁰⁴.

Наблюдаемая в 1974—1977 гг. активность западногерманской политики в арабских странах, характерной чертой которой являлись не только ряд поездок высоких официальных лиц правительства ФРГ, но и установление дипломатических отношений с Сирией, Ираком, НДРП³⁰⁵, была результатом новых признаков кризисных явлений в западногерманской экономике. Столкнувшись с резким сокращением экспорта в индустриальные страны, являвшиеся основным рынком сбыта промышленности ФРГ, западногерманские концерны стремились увеличить вывоз своей продукции в развивающиеся, в том числе арабские страны. Уже

в 1975 г. экспорт ФРГ в арабские страны увеличился на 53,8% — до 11,3 (в 1974 г. — 7,4) млрд. марок. Крупнейшим покупателем товаров ФРГ в арабском мире стал Ирак, который импортировал товары в 1975 г. на 2,6 млрд. марок. Товарообмен между Сирией и Западной Германией за период 1973—1976 гг. возрос на 247,2%, а его сумма возросла до 925, 6 млн. марок и основанной за счет «этого» увеличения экспорта ФРГ²⁰⁶. Сирийская компартия считала, что ФРГ использует экономические трудности Сирии в своих интересах, навязывая выгодные ей условия при предоставлении кредитов и финансовой помощи. «Имperialистические страны ограничивают помощь сферой услуг, не желая способствовать развитию экономики и особенно промышленного производства, писала орган СКП «Нидаль ан-Шааб», стремясь лишь к расширению рынков сбыта продукции своих монополий²⁰⁷.

И если отношения ФРГ с Египтом, вследствие внешнеполитического курса президента Садата, были в достаточной степени прочны и безопасны от резких изменений и поворотов, то отношения с другими арабскими странами в условиях сильной конкуренции со своими западными союзниками, довольно-таки неопределенны и в меньшей мере гарантированы от провалов при проведении стратегической линии — более широкого экономического проникновения и на рынках ближневосточных стран и укрепления политических позиций ФРГ. Политическим инструментом проникновения должно было служить отношение ФРГ к наиболее острой проблеме региона — арабо-израильскому конфликту и пути его урегулирования.

Поскольку заинтересованность федерального правительства в хороших отношениях с арабским миром была не в меньшей степени, если не в большей, чем ее отношения с Израилем, то и оттачивая свой курс на Ближнем Востоке, оно стремилось найти те формы ее выражения и проведения, которые не оскорбили бы стороны и не изменили отношения обеих сторон конфликта к ФРГ. Прежде всего это выражалось в повторении декларирования «сбалансированного курса» и признании резолюций ООН по ближневосточному урегулированию и Западным ЕЭС. Наблюдается эволюция в отношении Федеральной Республики к палестинской проблеме, которая выдвигается на первый план вместе с правом Израиля жить в безопасных и признанных границах.

Если в конце 1974 г. МИД ФРГ отказался от признания выступления представителя ФРГ в ООН в дебатах по палестинской проблеме, то уже через полгода сам федеральный министр иностранных дел Геншер отмечал, что «глава делегации в ООН во время дебатов по Палестине поддержала право палестинцев на самоопределение и признание их права самим решать, создать ли им на освобожденных от войск Израиля областях собствен-

ную государственную власть или избрать другое решение»³⁰⁸. Между безопасностью существования Израиля и принятием во внимание справедливых прав палестинского народа, по мнению федерального правительства, существует внутренняя связь — оба права должны быть приняты во внимание, одно другому не должно причинять вред. Исходя из этой предпосылки, ФРГ категорически отказалась признать Организацию освобождения Палестины. Так, канцлер Г. Шмидт заявлял, что «до тех пор, пока ООП четко не определит свою позицию по двум вопросам: о праве Израиля на существование в условиях гарантированных границ и об отказе от террористических действий — я не могу вообще серьезно думать об этом вопросе. Это не означает, что Федеративная Республика не понимает отчаяния и нужд палестинцев. Тем не менее это две разные вещи»³⁰⁹. На основе этой формулы и в Европейском сообществе была «элегантно» обойдена просьба арабских стран о предоставлении официального статуса наблюдателя Организации освобождения Палестины. В ходе евро-арабского диалога предусматривалось участие палестинских представителей, но в рамках переговоров специалистов без указания конкретно их национальности. Чтобы не вызвать недовольства США и Израиля, которые отрицательно встретили бы любую меру, означающую по существу официальное признание ООП, Девятка на сессии в Дублине в феврале 1975 г. «сделала вид, что даже не обсуждала официальную вопрос об участии палестинцев»³¹⁰.

Интерпретация путей решения палестинской проблемы разными государственными деятелями ФРГ не выходила за определенные рамки: ФРГ выступала за осуществление законных прав народа Палестины, которые включают в себя право на самоопределение и тем самым право на создание собственного государства на той территории, которую Израиль должен будет освободить в рамках мирного урегулирования; для мирного решения конфликта Израиль должен окончить оккупацию арабских территорий, т. е. временно эти земли не признавались за Израилем.

На XXX Генеральной Ассамблее ООН в 1975 г. министр иностранных дел ФРГ, не останавливаясь на отношении своего правительства к палестинской проблеме, однако «с облегченным приветствием» промежуточное соглашение между Египтом и Израилем предложил продолжить конструктивное развитие, поскольку стагнация, по его мнению, могла в конце концов уничтожить уже достигнутые результаты мирного урегулирования³¹¹. Отмечая, что никакое мирное урегулирование не может обойти палестинского вопроса, федеральное правительство призывало арабские правительства брать пример с политики президента Саадата, обещая свою полную поддержку как в экономической,

так и политической сферах при установлении прямых отношений с Израилем. Бонн делал вид, что не замечает, как тонко обходился палестинский вопрос на египетско-израильских переговорах. Канцлер Шмидт предлагал палестинцам преодолеть психологические и политические трудности, стоящие перед ними и признать Израиль, не видя после этого проблем для признания ООП с израильской стороны³¹². Федеральное правительство с тревогой отмечало, что лишь Египет пошел по пути установления прямых договоров с Израилем. Оно выражало надежду, что для сохранения динамики «мирного процесса» в арабо-израильском конфликте необходимо добиться присоединения к этому процессу других стран, а также достичь прогресса и в других элементах и составных частей конфликта (имелось в виду решение палестинского вопроса)³¹³. Считая, что Садат только подготовил почву и открыл путь к глобальному решению конфликта, ФРГ призвала палестинцев «отбросить и идеологические границы» и не ставить под сомнение права Израиля. Мирное урегулирование конфликта, по мнению МИД ФРГ, существенно оттягивает Сирию, чья позиция вместо того, чтобы использовать все шансы и приблизить урегулирование, — наоборот, оттягивает его³¹⁴. Федеральное правительство, оказывая Сирии большую финансовую помощь³¹⁵, предлагало вступить в контакты с израильским правительством.

Осуждение большинством арабских правительств соглашательской политики А. Садата и его сближение с США и Израилем, вынуждало президента Садата попытаться найти «международное» решение египетско-израильских контактов с привлечением влиятельных капиталистических стран Западной Европы. С этой целью президент Египта неоднократно заявлял, что «ожидает от ФРГ активного и позитивного содействия» мирным усилиям на Ближнем Востоке. Причем не в роли наблюдателя, а в качестве государства-гаранта³¹⁶. Более того, А. Садат считал, что ввиду «понимания арабской позиции» со стороны ФРГ, желательна сколько-нибудь действительное участие Бонна и в качестве поставщика вооружения Египту. Желание Египта получить оружие от ФРГ было с пониманием встречено в консервативных кругах страны, несмотря на то, что Египту было отказано³¹⁷. Вместе с тем ФРГ уже не отказывалась от участия в переговорах по мирному урегулированию ближневосточного конфликта, если была бы приглашена на них. Президент ФРГ В. Шеель с удовлетворением отмечал, что Федеративная Республика со своими партнерами в Сообществе готова содействовать интернациональной гарантийной системе и внести свой вклад в достижение дениитаризации зон и для обеспечения мирного урегулирования³¹⁸.

На XXXI Генеральной Ассамблее ООН в 1976 г. правительство ФРГ продолжало выступать с позиций формального признания прав палестинского народа. Выступая в ООН, Г.-Д. Геншер за право на самоопределение признал право палестинцев «на создание государственного авторитета». Причем он выступил за то, чтобы «все время опять и вновь не повторять» основы урегулирования, а осуществить их на самом деле. Геншер апеллировал ко всем участникам и гражданской войны в Ливане покончить с ужасным кровопролитием²¹⁹. Гражданская война в Ливане рассматривалась в Бонне как часть ближневосточного конфликта, как «всемирно-политическое ядро напряженности первого значения»²²⁰.

Отношение ФРГ к повестке дня «Израильская практика в оккупированных областях» было достаточно четким—Федеративная Республика в составе ЕЭС выразила свою озабоченность ситуацией в оккупированных областях не только относительно результатов оккупации на права человека тамошнего населения, но и вообще в плане мира на Ближнем Востоке. Выступление руководства ООП к вопросу о создании палестинского государства на Западном берегу и районе Газа были с удовлетворением встречены ФРГ, так как в них не ставился под сомнение факт существования Израиля. Вместе с тем МИД ФРГ, апеллируя к сторонам конфликта, предлагал отойти от психологических проблем прошлого, которые затрудняют движение навстречу друг к другу. Шефам арабских миссий в Бонне было предложено пойти на компромисс с Израилем и отмежеваться от мысли противопоставить «исторически большее право» арабов и израильтян²²¹.

На XXXII Генеральной Ассамблее ООН делегация ФРГ 29 сентября 1977 г. под правом палестинцев на самоопределение представляла «право на эффективное выражение своей национальной идентичности», «право палестинцев на Родину». Федеральное правительство в ООН открыто осудило политику израильских поселений (кибуцев) на оккупированных арабских территориях. ФРГ призывала конфликтующие стороны проявить чувство реализма, готовность к компромиссу и сделать возможным мирное урегулирование²²².

Рассматривая отношение ФРГ к палестинской проблеме после октябрьской войны 1973 г. необходимо отметить, что под вполне убедительно звучащими заявлениями, всегда проскальзывает замечание—право на самоопределение должно быть выражено и охватить территории в результате мирных переговоров, на освобожденных Израилем оккупированных областях. То есть всегда территориальное решение права на самоопределение па-

палестинцев ставилось в зависимость от решений Израиля. Вопрос участия палестинцев в переговорах при урегулировании конфликта федеральным правительством не ставился под сомнение: они, естественно, должны будут принять участия в переговорах. Однако тут же поднимался вопрос: кто же будет представлять палестинский народ на переговорах? Несмотря на то, что ООН уже была в 1974 г. арабскими странами признана как единственный и полномочный представитель народа Палестины, ей сразу же ставилось условие—признать право Израиля на существование и безопасные границы. Но какие границы имело в виду правительство ФРГ? На оккупированной арабской территории или в границах государства Израиль, признанных ООН в 1948 г., когда были определены и границы арабского государства Палестины. Федеральное правительство уклонялось от конкретизации территориального вопроса ближневосточного урегулирования, избегая полемики о границах Израиля или о том, какие границы считать для Израиля «безопасными».

Федеральное правительство, лавирующее и в конечном счете ничего конкретно не совершившее для осуществления права палестинского народа на самоопределение, несмотря на это подвергалось резкой критике не только в Израиле, но и со стороны оппозиции в бундестаге. Депутат от ХДС фон Вайцекер от имени своей фракции подчеркнул, что федеральное правительство приняло позицию одной из конфликтующих сторон и этим самым свело на нет принцип сбалансированности. Он упрекал правительство в том, что оно за спиной Израиля ведет нечестную игру, признавая необходимость урегулирования территориального вопроса, которое, по его мнению, не даст возможность Израилю достичь безопасного существования²²³. Интересен комментарий позиции ФРГ со стороны израильских историков. Так, А. Нойштадт пишет, что федеральное правительство пытается разъяснить свою политику сбалансированности под давлением одной из непосредственно участвующих сторон (арабской) и западноевропейских партнеров, тем самым создавая все новые противоречия. Это, по его мнению, происходит вследствие попыток МИД ФРГ «уточнять» политику, которую считает «несуразной». Автор, цитируя точку зрения ФРГ, пишет: «Израиль должен жить в признанных, безопасных границах, справедливое право палестинцев на самоопределение необходимо учесть ...Какие границы, какое право, на что? Иногда объясняется—на освобожденных Израилем территориях, право на «государственный авторитет» и т. д. И, естественно, упреки в адрес Бонна—федеральное правительство больше следует своим национальным интересам, чем интересам справедливого дела Израиля, своим отношениям с Израилем»²²⁴.

Как уже было отмечено выше, анализируя официальные заявления федерального правительства естественно возникают множество вопросов. Однако в чем нельзя было упрекнуть правящие круги ФРГ, так это в том, что занятая ими позиция даже в действительности в самых туманных частях деклараций, была антиизраильской.

Паряду с формальными заявлениями признания права палестинского народа на самоопределение, поставленного в зависимость от согласия Тель-Авива на переговорах по ближневосточному урегулированию, ФРГ последовательно выступала за углубление политических, экономических, технических, научных и культурных связей с Израилем. В 1974—1978 гг. Израиль получил от Западной Германии в счет реституции 1,74 млрд. долларов²²⁶. По обновляемому ежегодным договорам Бонн оказывал кроме того в рамках экономической помощи и финансовую, в размере 140 млн. марок ежегодно²²⁷.

Федеральное правительство активно выступало и против исключения Израиля из ООН, чего требовали арабские государства и чье требование было поддержано на конференции 40 мусульманских стран в Джибде в июле 1975 г. ФРГ поддерживала принцип универсального характера ООН, где должны быть представлены все государства мира, независимо от того, как относятся одни страны-члены ООН к политике других. Бонн, осуждая попытку арабов вывести Израиль из Организации Объединенных Наций, считал, что они подорвут достижения мира и стабильности на Ближнем Востоке. Федеральным правительством не комментировалась резолюция ГА ООН от 10 ноября 1975 г. «О ликвидации всех форм расовой дискриминации», которая постановила считать сионизм формой расизма и расовой дискриминации, а оккупационный режим в Палестине как расистский. В Брюсселе Бюро Социтерна под председательством лидера правительственной СДПГ В. Брандта эта резолюция была осуждена и оценена как абсурдная²²⁷.

Активизация ближневосточной политики Западной Германии, ее участие в евро-арабском диалоге, неправительственные контакты с деятелями ООП после октябрьской войны 1973 г., насторожили и встревожили правящие круги в Тель-Авиве. В рамках израильских попыток борьбы с «интернационализацией» ООП и признания ее правительствами стран Западной Европы и в частности со стороны ФРГ, особенно после выступлений Бонна по палестинской проблеме, Израиль начал широкую пропагандистскую и дипломатическую кампанию. Среди этих дипломатических мероприятий был и запланирован визит министра иностранных дел Израиля Игала Алона в Бонн (26—28 февраля 1975 г.).

Визит И. Алона преследовал цель разрядить напряженность

в отношениях между обоими государствами, что было для Израиля очень важно, поскольку он надеялся заручиться от ФРГ, как влиятельного члена ЕЭС, могущего притормозить «дружественные арабам действия» Франции, поддержки и защиты израильских интересов в Западной Европе. Поэтому и Алон сделал по прибытию чрезвычайно удививший Г.-Д. Геншера комплимент, сказав, что чувствует себя на Рейне «среди друзей» (и это после резких обвинений Бонна в антиизраильской и проарабской позиции в ближневосточном конфликте). Израильский министр рстачал свои комплименты не без корысти: правительство в Иерусалиме видело в ФРГ одну из последних с США опор своей почти полностью политически изолированной страны, которая была истощена от перманентной войны с арабами и стояла перед тяжелыми экономическими трудностями внутри государства. Алон преследовал своим визитом цель мобилизации экономической мощи и возрастающего политического влияния Западной Германии в мире в интересах Израиля. Будучи признательным федеральному правительству за помощь при подписании соглашения ЕЭС с Израилем, Гель-Авив тем не менее осудил ФРГ за ошибку, «совершенную 6 ноября 1973 г.» в связи с «голлистской интерпретацией», как называли в Израиле, резолюции № 242, серьезно ухудшившей, по мнению И. Алона, шансы на мирное урегулирование конфликта. Израильское правительство считало, что ФРГ находится в глубоком заблуждении, веря в возможность экономического и технического диалога с арабами, которые, по мнению израильтян, преследуют в этом лишь политические цели²²⁸. Израильский министр выражал понимание, но не одобрение и согласие с позицией ФРГ в поисках возможных путей урегулирования арабо-израильского конфликта, в основе которой лежал принцип «сбалансированного» подхода к правам и интересам участвующих в конфликте сторон²²⁹.

Западногерманское правительство, неоднократно заявлявшее Израилю, что «не бросит их на произвол судьбы», стремилось доказать, что «сбалансированная позиция» как в собственных национальных интересах ФРГ, так и в интересах Израиля²³⁰. Правящие круги Западной Германии опасались, что слишком сильная и открытая поддержка израильской политики вызовет подозрения у нефтедобывающих арабских стран и отнимет у федерального правительства возможность «сдерживающе воздействовать» на арабскую позицию в вопросах урегулирования.

Таким образом, явно прослеживается формальный характер применяемых федеральным правительством шагов, подтверждающих якобы сбалансированный характер его политики без уклона в чью-либо сторону. Если израильтяне продолжали заявлять об

«особых отношениях» с ФРГ, то немцы—«об особой важности отношений», «особой исторической основе» и т. п., но преследовалась одна цель: скрыть от арабского мира эффективную как финансовую, так и морально-политическую поддержку израильской политики. Одна из западногерманских газет относительно этого аспекта отношений с Израилем прямо писала: «Вопрос о том, поддерживаем ли мы с Израилем особые или нормальные отношения, будет занимать еще долго. Федеральное правительство придерживается фикции о нормальных отношениях, т. к. особые отношения с Израилем несовместимы с политикой сбалансированности»³²¹. Необходимо отметить, что и сам Израиль находился перед дилеммой: не мог одновременно заключать мир с Египтом и вместе с этим желать того, чтобы Бонн брал на себя односторонние обязательства в отношении израильского государства, тем самым изолируясь хотя бы от того же Египта.

Несмотря на попытки Израиля повлиять на арабскую политику ФРГ, федеральное правительство не встало на антиарабские позиции, чего стремился добиться во время своего визита в ФРГ и премьер-министр Израиля Ицхак Рабин (8—12 июля 1975 г.) Визит выявил не только несовпадение мнений по некоторым ключевым вопросам, но и обострил напряженность между обоими странами. Требования Израиля на лучшее понимание израильской позиции в конфликте со стороны Бонна ограничивались одним—не поддаваться антиизраильской позиции Франции, не вмешиваться в ближневосточное урегулирование и палестинскую проблему³²². Ожидая большего, чем сбалансированность, израильский премьер-министр уже не повторял требований, чтобы ФРГ отказалось от Заявления ЕЭС от 6 ноября 1973 г. Однако он выступил против боннского мнения относительно путей и сроков урегулирования конфликта. И. Рабин выступал за длительные переговоры, Г. Шмидт—за скорое решение конфликта. По мнению ФРГ, состояние «ни войны, ни мира» является чрезвычайно взрывоопасным и Тель-Авив должен в скором времени освободить Синай (с нефтяными месторождениями Абу-Роданз, Гидди и Митлу), а также пойти на скорейшее создание буферной зоны на израильско-сирийской границе³²³. Израиль же, считая, что эти планы не учитывают его интересов, отвергал их, не предлагая других мирных путей урегулирования конфликта.

Центральным аспектом, приведшим к различию во мнениях между Бонном и Тель-Авивом, являлась палестинская проблема. Она была обсуждена и на политических переговорах министра иностранных дел ФРГ с израильским руководством во время его визита в Иерусалим в ноябре 1975 г. Геншер отстаивал при этом ту точку зрения федерального правительства, что в рамках усилий, направленных на полную ликвидацию конфликта, следует

учесть непременно право палестинцев на самоопределение, хотя и «не за счет безопасности Израиля». Геншер не рекомендовал признавать пока ООП, но посоветовал обдумать вопрос о создании палестинского государства на территории «нынешней Западной Иордании», несмотря на свое резко отрицательное отношение к этому сейчас. В то же время федеральное правительство выступило и за окончание израильской оккупации арабских земель, продолжающуюся с июльской войны 1967 г.³³⁴

Последовательную позицию в отношении палестинской проблемы в Западной Германии занимала Германская компартия, которая как и в прошлом, так и сейчас выступала против дискриминации ООП правительством ФРГ. ГКП видела в ООП единственную законную представительницу народа Палестины и выступала за равноправное участие ООП в переговорах по ближневосточному урегулированию³³⁵. В решениях Боннского съезда ГКП (19—21 марта 1967 г.) требовалось осуществление резолюций ООН, предусматривающих немедленный вывод израильских войск из оккупированных арабских областей, а также признания законного права арабского палестинского народа на государственное существование. Коммунисты требовали от правительства ФРГ активного вклада в осуществление резолюций ООН, а также прекращения любой поддержки и содействия агрессивной политике Израиля³³⁶.

Израиль, являвшийся для Западной Германии и важным импортером ее товаров (экспорт ФРГ в Израиль достигал 2 млрд. марок, а импорт из Израиля—лишь 350 млн. марок в 1975 г.), все же продолжал выступать за еще большее увеличение частных и государственных капиталовложений для развития израильской промышленности. Западногермано-израильский договор о защите капиталовложений был подписан в Бонне 23 июня 1976 г. во время визита министра иностранных дел Израиля И. Алона. Правительством было заявлено, что поскольку со стороны большинства посетивших Бонн государственных деятелей из арабских стран не ставился под сомнение вопрос о существовании Израиля, израильское правительство должно пойти на компромисс³³⁷. Это заявление ФРГ является примечательным тем, что до этого федеральное правительство предлагало лишь правительствам арабских стран идти на компромисс, признав право Израиля на существование, что открыло бы пути для всеобъемлющего мирного урегулирования арабо-израильского конфликта.

Отношения ФРГ с Израилем ухудшились, когда вследствие победы блока Ликуд в 1977 г. на парламентских выборах лидер партии Херут Менахем Бегин был избран премьер-министром Израиля. Это явилось следствием не столько непримиримой позиции Бегина в отношении Западного берега и сектора Газа, а, как

считают многие зарубежные историки, результатом «персонального фактора»: Бегин потерял трех членов своей семьи, погибших в фашистском концлагере в годы второй мировой войны²²⁸. Менахем Бегин и возглавляемая им партия всегда выступали против установления любых отношений с Западной Германией, еще в 1965 г. проголосовала против установления дипломатических отношений с ФРГ в клессете. Однако необходимо добавить, что и критика западногерманским правительством политики создания израильских поселений на оккупированных арабских территориях, которая была одной из основ политики Бегина, как и встреча в конце 1977 г. председателя СДПГ В. Брандта с одним из лидеров ООП Исмаилом Сартунни, вызвали резкое недовольство у нового правительства в Иерусалиме. Это противостояние ФРГ в отношении основы израильской политики особенно ярко проявилось и в течение визита нового министра иностранных дел Израиля Моше Даяна в Бонн²²⁹.

Обращаясь к позиции ФРГ в отношении урегулирования ближневосточного конфликта, нельзя не отметить значительную эволюцию в палестинском вопросе в период после октябрьской войны 1973 г., что постоянно являлось причиной обострения отношений с Израилем. Зависимость от нефтяных источников арабских стран, которую по прогнозам экспертов, ФРГ должна была сохранить по меньшей мере до середины 80-х гг., заставила задуматься правящие круги о поисках мира на Ближнем Востоке. Федеративная Республика была чрезвычайно заинтересована в разрядке напряженности на Ближнем Востоке, вызванной как продолжающимся арабо-израильским конфликтом, так и непримиримой позицией Израиля в поисках путей его урегулирования.

В конце 70-х гг. начали вырисовываться контуры новой внешнеполитической стратегии ФРГ на Ближнем Востоке: содействие обезвреживанию арабо-израильского конфликта, «осмотрительный взгляд в стабилизацию» консервативных арабских правительств и «отбрасывание назад советского влияния»²³⁰. Правительство ФРГ, выступавшее за более жесткую линию в отношении развивающихся стран, за укрепление координации западной политики как внутри ЕЭС, так и с США, стремилось лучше использовать свои сильные экономические позиции, играя на противоположностях и противоречиях интересов стран третьего мира²³¹. И хотя ФРГ четко отказывалась от применения сил НАТО вне географических границ, которые должны были обороняться совместно по Договору Североатлантического союза, однако не была против того, чтобы союзники — США, Англия, Франция и др. — послали свои войска на Ближний и Средний Восток для обеспечения нефтеносных из дружественных стран региона²³². Известный западногерманский историк профессор Ганс-Петер Шварц пред-

дагал союзникам создать по этому случаю морские или воздушные высокоподвижные военные группировки нападения, несмотря на то, что это может и вызвать «опасность быть неправильно интерпретированными государствами региона как мероприятия по обороне неокOLONиалистских западных держав»²⁴³. Само же федеральное правительство неуклонно придерживалось декларирования «сбалансированной политики» на Ближнем Востоке и выступало за мирное разрешение конфликта между арабами и израильтянами.

Политическое влияние ФРГ после октябрьской войны в арабском мире, вследствие занятой им позиции признания законных прав палестинского народа вплоть до создания собственного государства, значительно усилилось. Арабские страны видели в ФРГ державу, которая своим авторитетом в ЕЭС и НАТО могла бы при желании оказать давление или повлиять на жесткий непримиримый курс Израиля, сделав его более уступчивым²⁴⁴. Соответственно вырос и авторитет канцлера Г. Шмидта в арабских странах, который был, по признанию в Эр-Риаде, «единственный человек, к которому они прислушиваются»²⁴⁵.

В 1973—1977 гг. ожидаемого установления прочного и справедливого, учитывающего интересы всех сторон, мира не произошло. Принятие президентом Садатом тактики «шаг за шагом», открытие Суэцкого канала в условиях продолжающейся израильской оккупации арабских земель, заключение второго соглашения о разъединении войск между Египтом и Израилем, разрыв Договора с Советским Союзом заложили фундамент сепаратистского курса Египта в арабо-израильском конфликте, еще далее отодвинувшего всеобщее урегулирование конфликта.

ФРГ И БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ (КОНЕЦ 70-х—СЕРЕДИНА 80-х гг.)

§ 1. ФРГ И КЭМП-ДЭВИДСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

19 ноября 1977 г. начался трехдневный визит президента Египта Анвара Садата в Израиль, в ходе которого Садат пошел на компромисс по всем основным вопросам ближневосточного урегулирования¹. Визит Садата в оккупированный Иерусалим был охарактеризован арабами как «откровенное предательство их справедливого дела, как опасный заговор империализма и международного сионизма против арабского национально-освободительного движения». Подчеркивая сенсатный характер действий Садата, подрывающего единство арабского фронта и вносящего раскол в арабское единство, советские исследователи проблемы А. М. Захаров и О. И. Фомин отмечают, что Садат нанес серьезный ущерб справедливому делу арабов и тем, что вступил в переговоры на условиях, продиктованных израильским агрессором. Это значило, что египетский режим смирился с продолжающейся оккупацией арабских территорий, отказался от поддержки национальных прав палестинского народа². Позиция Садата, полностью противореча решениям совещаний арабских стран в верхах, не только окончательно исключила Египет из борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии, но еще более ожесточила и без того непримиримую позицию Израиля в отношении арабов. «Историческая миссия» Садата, пишет Л. И. Медведко, свелась лишь к политическому спектаклю. Предпринятый им «смелый шаг» оказался шагом не к справедливому миру на Ближнем Востоке, а к «унизительной капитуляции»³.

В Бонне весть о поездке Садата в Иерусалим была встречена федеральным правительством более чем сдержанно. Представитель правительства К. Бёллинг заявил, что «все, что может помочь улучшению положения дел на Ближнем Востоке, хорошо»⁴. В этом смысле Бёллинг приветствовал визит Садата. В Бонне высказыва-

лись скептические оценки, никто не был склонен переоценивать «позитивный аспект» визита президента Египта.

Пресса ФРГ во время и после поездки Садата в Иерусалим уделяла этому событию довольно-таки большое внимание. О разнообразии оценок уже можно судить по названиям нескольких статей ведущих изданий: «Спектакль в Иерусалиме», «Высокая ставка Ашвара Садата», «Поворот к миру», «Вилли Брандт арабского мира?», «Араб Садат: государственный деятель или предатель?» «Садат: сепаратный мир с Израилем»⁸.

Официальный же Берлин занял выжидательную позицию, что объясняется тем, что французское правительство приостановило публикацию готового Заявления ЕЭС с похвалами «мужественной и конструктивной инициативе» Садата и позитивной реакции Бегина⁹. И лишь после изменений появилось заявление, согласованное между ФРГ и Францией, в котором выражалось убеждение, что визит Садата приведет к всеобъемлющему урегулированию конфликта. В коммюнике Совета министров иностранных дел стран-членов ЕЭС говорилось об удовлетворенности встречей в Иерусалиме, которая «надо надеяться», создаст новый психологический климат и приведет к основанному на осуществлении прав всех участников справедливому и длительному миру⁷.

Отмечая историческое значение визита Садата, канцлер ФРГ Г. Шмидт оговаривал «выводы, которые из него могут быть сделаны», т. е. «смелая инициатива», по его мнению, должна найти в регионе необходимый отклик⁵. В высказываниях канцлера Шмидта и министра иностранных дел Геншера проскальзывали ноты, говорящие о опасениях, что достижение сепаратного мира чревато тяжелыми последствиями и не приведет в конечном счете к урегулированию конфликта. Считая, что Садат «искренне не желает видеть ничего другого, чем достижения мира и стабилизации» на Ближнем Востоке, канцлер подчеркивал, что мир в регионе не зависит только от Египта и Израиля⁶. Негативными последствиями визита Садата в Иерусалим, по мнению западно-германских правящих кругов, является то, что Садат еще более углубил пропасть в арабском мире, которая была после синайского соглашения в сентябре 1975 г.; в ФРГ опасались, что Иордания может перейти в радикальный лагерь арабских стран. По мнению Г.-Д. Геншера, на египетско-израильских переговорах на первый план должны были быть выдвинуты вопрос созыва Женевской конференции и палестинская проблема, а при решении конфликта непременно должно участвовать большее число государств, а не только Египет и Израиль¹⁰. Федеральное правительство опасалось, что осложнение созыва Женевской конференции приведет, во-первых, к сильной солидаризации ООП с арабскими радикальными режимами, особенно с Сирией, во-вторых, к уси-

лению роли СССР в арабском мире и сближению с СССР умеренных и, возможно, консервативных арабских государств.

«Настороженная, граничащая с пренебрежением» позиция федерального правительства относительно визита Садата в Иерусалим, была резко осуждена оппозиционными партиями. Бонн ни единым словом «не одобрил» исторический визит, писала мюнхенский орган ХСС газета «Байерн курир». Председательство ХДС Г. Коль был согласен с критикой Израиля в адрес правительства Шмидта, что ФРГ не много сделала для поддержки инициативы Садата¹¹.

Хотя визит Садата в Иерусалим не рассматривался в МИД ФРГ как случайность, все-таки в Бонне считали, что Садат удивил «сюрпризом» и друзей и врагов¹². Коммунисты ФРГ осудили визит Садата, охарактеризовав его как «флирт с Тель-Авивом»¹³.

Для ведения «жестких переговоров» с федеральным правительством, как было им заявлено, в Западную Германию прибыл министр иностранных дел Израиля Моше Даян. Позиция ФРГ, по мнению Израиля, дала повод к серьезным опасениям, что Бонн, несмотря на противоположные заверения со стороны ФРГ, намеревается признать Организацию освобождения Палестины. Федеральное правительство вновь высказало свою точку зрения к происходящим на Ближнем Востоке событиям, где вместе с одобрением «мужественной инициативы» президента Садата, которая привела к его встрече с политическим руководством Израиля, рассматривающейся как «исторический шаг», «новый импульс», открывающей двери Женевской конференции, подчеркивалась и важная роль правительства в Тель-Авиве, которому предлагалось проявить гибкость политики на пути к Женеве и честному миру¹⁴. Моше Даян, благодаря Федеративную Республику за экономическую и политическую поддержку Израиля вместе с тем потребовал, чтобы все западноевропейские страны, и ФРГ в том числе, воздерживались от любых высказываний «по существу» мирного урегулирования на Ближнем Востоке или, по крайней мере, консультировались с Израилем, прежде чем опубликовать свои заявления, которые, как считали в Тель-Авиве, не приближают мир на Ближнем Востоке, а еще более его отдалают¹⁵. По мнению израильского министра иностранных дел, признание со стороны ФРГ «справы на родину» палестинцев утвердит «арабских экстремистов» в их вере, что западноевропейцев можно использовать в качестве рычага для политического давления на Израиль. Моше Даян назвал ООН «заправиллой террористического интернационала»¹⁶. Представитель Израиля требовал от ФРГ не только повлиять на ближневосточную политику ЕЭС, но и изменить ее. В ответ федеральное правительство заявило, что мирное урегулирование станет возможным лишь тогда, когда в нем примут участие

все затронутые конфликтом стороны, включая палестинцев¹⁷. При вылете из Бонна м. Даян заявил, что он «добился» того, что ФРГ в будущем не признает ООП,— шаг, который, судя по его заявлениям и занятой позиции, федеральное правительство и не предполагало пока совершать.

2—5 декабря 1977 г. на состоявшемся в Триполи совещании руководителей прогрессивных арабских режимов—Сирии, Алжира, Ливии, НДРЙ и ООП—было решено создать Национальный фронт стойкости и противодействия (НФСП) «для борьбы против антиарабских прощлов империализма, сионизма и реакции, против капитулянтских сделок в ближневосточном урегулировании».

В конце декабря 1977 г. по приглашению президента Садата канцлер Г. Шмидт посетил Египет, чем обеспечил, по мнению обозревателей, символическое тыловое прикрытие враждебному для большинства арабских стран президенту Садату со стороны сильнейшей экономической державы Западной Европы. Во время своего визита Шмидт «критически и дозированно» относился к «мирной эйфории» Садата, подчеркивая, что соло Садата должно обязательно привести к Женевской мирной конференции при сопредседательстве США и СССР. Канцлер пояснил Садату, что «без русских дело мира на Ближнем Востоке не продвинется»¹⁸. Президенту Египта в ответ на его просьбы о более активном участии ЕЭС на Ближнем Востоке было заявлено, что Сообщество не может быть равноценным партнером США в урегулировании ближневосточного конфликта. Американское присутствие рассматривалось в ФРГ как сильнейший инструмент политики безопасности Запада на Ближнем Востоке и Средиземноморье¹⁹.

Египту была обещана финансовая, экономическая и техническая помощь, однако не в рамках ЕЭС, поскольку Франция заняла отрицательную позицию в этом вопросе, а только от имени ФРГ.

Подводя итоги визита в Каир, канцлер Г. Шмидт выступая в бундестаге отметил самый главный, как он посчитал элемент проблемы— федеральное правительство твердо будет стоять на позиции совместной ближневосточной политики ЕЭС, выраженной в заявлении от 29 июня 1977 г.— где говорилось о праве палестинского народа на родину. Вместе с тем канцлер в этом вопросе пошел дальше, заявив, что по мнению федерального правительства ключом к всеобъемлющему урегулированию ближневосточного конфликта является палестинский вопрос, в который входит будущее Западной Иордании и сектора Газа и право палестинцев на самоопределение. В рамках этого решения должно быть обеспечено право Израиля жить в безопасных границах²⁰.

В книге «Палестинский узел» Е. Дмитриев, считая, что «не-

как метод решения палестинской проблемы полно отвечает интересам самих палестинских арабов», отмечает, что в праве палестинцев на самоопределение никто (кроме Израиля) открыто отказываться не решается²¹. Выше не раз указывалось, что и ФРГ с 1974 г. выступала за право палестинцев на самоопределение, вплоть до создания государства (1976 г.), однако в связи с поездкой Садата в Иерусалим и требованиями США и Израиля поддержать сепаратный курс Египта, казалось, федеральное правительство несколько изменит эту свою позицию. Но национальные интересы ФРГ не позволили правительству сдать позиции в палестинском вопросе хотя бы из временных тактических соображений, что означало бы возврат к односторонней произраильской линии политики на Ближнем Востоке, чреватой неожиданной и непредсказуемой реакцией со стороны арабского мира.

Наиболее ясно это было подчеркнуто канцлером во время визита в Бонн кронпринца Саудовской Аравии Фахда, когда Г. Шмидт заявил, что он согласен с мнением, что прочность безопасности Израиля не может быть защищена территориальными захватами, не являющимися ныне первостепенным фактором безопасности. ФРГ снова недвусмысленно отметила, что «территориальные ожидания участвующих в конфликте арабов и право палестинцев на государственную организацию могли бы быть приняты одинаково во внимание как и интересы безопасности Израиля»²². При этом сторонами должны быть взяты мирные обязательства относительно друг друга, к чему относятся и создание демилитаризованных зон и применение современных технических вспомогательных средств.

Необходимо отметить, что та значительная эволюция в отношении к палестинскому вопросу, которую пережила правящая Социал-демократическая партия Германии с 1967 г., выразившаяся в 1977 г. уже во встрече в Бонне в Центре СДПГ во встрече Председателя СДПГ В. Брандта с представителями ООП Исмаил-Сартауи²³, оказала влияние и на позиции оппозиционных партий, в частности ХСС, поддерживающего до этого все военно-политические акции Израиля. Знаменательным фактом явилось заявление премьер-министра Баварии, лидера ХСС Франца-Йозефа Штрауса во время его пребывания в Дамаске, где он объявил, что «без ухода с оккупированных земель никакой мир на Ближнем Востоке невозможен»²⁴. Визит Штрауса в Сирию, его беседы с руководством страны носили в большей степени информационный характер: он предлагал министру обороны Глазу, чтобы Сирия уменьшила свою «зависимость» от советских поставок оружия и рассмотрела предложения из западного арсенала вооружения. Политические и экономические цели предложения вырисовывались не только присутствием в его делегации представителей

военного концерна Мессершидт-Бельков-Блом (МББ), но и тем, что сам Штраус являлся председателем наблюдательного совета фирмы «Дойче Эйрбус Индустри» (65% акций которой принадлежат МББ), предлагавший Сирии противотанковые ракеты «Хот» (совместного производства с Францией). Визит Штрауса явился предвестником новой политики ФРГ в отношении Сирии, внешнеполитический курс которой Бонн пытался изменить. «Заигрывание» с Сирией, активным членом Фронта стойкости продолжалось и во время визита президента Сирии Хафеса Асада в Бонн в сентябре 1978 г. Приветствуя Х. Асада, президент ФРГ В. Шеель отмечал «ключевую роль Сирии, без содействия которой невозможно и думать об урегулировании арабо-израильского конфликта», подчеркивал «большую ответственность, которую несет Сирия на Ближнем Востоке»²⁵. Президенту Асаду было предложено реально отнестись к арабскому единству и не видеть в визите Садата в Израиль предательский шаг, а рассматривать его как шанс для мирных переговоров, дающих возможность созыва Женевской конференции.

Принимая во внимание последовательную политику Национального фронта стойкости и противодействия, а также осуждение большинством арабских нефтедобывающих стран политики Садата и аннексионистский курс Израиля, министр иностранных дел ФРГ Г. Д. Геншер даже в речи, посвященной 30-летию образования государства Израиль не обошел острых территориального и палестинского вопросов и подчеркнул, что успешное завершение египетско-израильского диалога, начатого в Иерусалиме, будет возможно только при вовлечении в процесс переговоров других арабских стран²⁶. Жесткий курс правительства М. Бегина по продолжению создания поселений на оккупированной территории был раскритикован и на страницах еженедельника «Шпигель»²⁷.

Осуждение делегацией ФРГ в ООН аннексионистской политики Израиля на оккупированных арабских землях (создание поселений, ущемление прав человека), выступление канцлера Г. Шмидта за право палестинцев на «государственную организацию» (под этой формой имелось в виду образование государства), предложение о закупках западного вооружения, высказанное в Сирии Ф.—В. Штраусом—все эти факторы послужили основой осуждения ФРГ в Израиле и со стороны произраильски настроенных политиков и промышленников в самой Западной Германии. «Германия в ООН бросила государство Израиль на произвол судьбы!»—под этим заголовком газета «Вельт» издала статью Акселя Шпрингера, в которой он называет ООП «организацией убийц». Федеральное правительство, по его мнению, «не пожимает протянутых к нему рук Израиля, так как в это время поднимает свою руку в ООН против Израиля»²⁸. Острой критике была под-

вернула позиция ФРГ в отношении ближневосточного конфликта и в то время визита министра иностранных дел ФРГ Г. Д. Геншера в Тель-Авив в июне 1978 года. Уже в первый день визита Моше Даян напомнил немцам их историческую ответственность перед еврейским народом и государством Израиль, с безопасным существованием которого, как считало израильское правительство, «несомненно и даже не может быть речи» о каком-либо палестинском государстве на Западном берегу реки Иордан и секторе Газа, так как «это не может быть государством, а в один из дней станет трамплином для нападения на Израиль»²⁹. «Израильцы» задали жару «Геншеру, писала пресса ФРГ, и он, «затравленный» вынужден был защищать своего канцлера, которого М. Даян подверг грубому и резкому осуждению. Уже в следующем своем заявлении в Израиле Геншер занял политически очень осторожную позицию, отметив, что в палестинском вопросе со стороны ФРГ речь идет лишь о «правовой форме» ее выражения, тем более, что ранее федеральным правительством было определено, что это «дело самих участников конфликта»³⁰. Как видим, федеральное правительство под давлением Израиля измерило свое мнение в палестинском вопросе в пользу позиции Израиля, правительство которой вообще и слышать не хотело, чтобы какое-либо из западноевропейских государств поднимало этот вопрос, пусть даже это государство—член Совета Безопасности ООН—Англия, Франция, а в этот период и ФРГ. Смягчение позиции в палестинском вопросе явилось откровенным выражением самой сути ближневосточной политики Бонна. Это в который раз доказывает, что многочисленные выступления и заявления федерального правительства носят лишь формальный характер, хотя и получают определенный международный резонанс, признавая в принципе право на самоопределение народа, что однако зафиксировано в Уставе ООН.

Проходившие с 6 по 17 сентября 1978 г. в резиденции президента США Кэмп-Дэвиде американо-израильско-египетские переговоры завершились подписанием двух документов «Рамки мира на Ближнем Востоке» и «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем»³¹. Суть договора в том, что Египет, оговаривая возврат оккупированных Израилем территорий на Синае, отказался поддерживать главные требования арабов—создание независимого палестинского государства, освобождение всех оккупированных арабских территорий. В Кэмп-Дэвиде речь шла о создании на Западном берегу реки Иордан и секторе Газа «автономного самоуправления» в течение пятилетнего переходного периода, причем проблема Иерусалима вообще не упоминалась.

2—5 ноября 1978 г. в Багдаде проходило IX совещание глав государств и правительств арабских стран, на котором принята

участие 50 арабских стран и ООП, осудивших и отвергнувших кэмп-дэвидские соглашения, подчеркнув, что ООП является единственным законным представителем арабского палестинского народа.

Правительство ФРГ внимательно следило за происходящим в Кэмп-Дэвиде и с «облегчением» восприняло результаты переговоров. Конкретная оценка событий не была дана, поскольку Бони ждал официального заявления правительства США. В выступлении представителя федерального правительства от 18 сентября 1978 г. были лишь отмечены «чрезвычайные условия» участников переговоров²². На заседаниях бундестага 21 и 22 сентября все партии единодушно выразили благодарность президенту Египта А. Садату, премьер-министру Израиля М. Бегину и президенту США Дж. Картеру, особенно отметив роль последнего в достижении «грандиозных результатов» Кэмп-Дэвида²³.

Однако и в первых оценках подписанных в Кэмп-Дэвиде документов государственными и политическими деятелями ФРГ существовала разница. Если Председатель ХСС Ф.-Й. Штраус, характеризуя кэмп-дэвидские переговоры «мужественным шагом к прочному миру», выразил удовлетворение тем, что на Ближнем Востоке наконец «блеснул луч света на мрачном небосклоне»²⁴, то член Президиума СДПГ Л. Шварц сдержанно отметил, что «в некоторых основных вопросах между руководителями правительств Египта и Израиля может быть достигнут совместный базис», чем подчеркивал сугубо сепаратный характер переговоров²⁵.

МИД ФРГ 18 сентября 1978 г. заявило, что вскоре будет согласована совместная позиция Европейского сообщества, где в этот период пост Председателя ЕЭС занимала Западная Германия и должна была нести ответственность за подготовку заявления. Министр иностранных дел ФРГ не скрывал своей озабоченности и находился в постоянном контакте с западноевропейскими правительствами, поскольку свою главную задачу в рамках ЕЭС видел в организации дипломатической поддержки ближневосточной политики своего главного союзника—Соединенных Штатов—в связи с кэмп-дэвидскими соглашениями²⁶. Совет министров иностранных дел стран-членов ЕЭС почти без изменений утвердил западногерманский проект, в котором отмечая условия участников переговоров и благодаря им, ЕЭС повторило свою прежнюю позицию по ближневосточному конфликту, и подчеркнув, что Кэмп-Дэвид является значительным шагом на пути к миру, выразило надежду, что в этом процессе должны принять участие все затронутые стороны конфликта. ФРГ от имени стран-членов ЕЭС повторила, что с необходимостью «родины» для палестинского народа надо

считаться, а палестинцы должны принять участие в переговорах по урегулированию ближневосточного конфликта³⁷.

Отметим, что только авторитет ФРГ внутри Сообщества позволили выйти в свет столь нейтральному, в конкретных оценках кэмп-дэвидского соглашения заявлению поскольку, собственная позиция другого влиятельного члена ЕЭС—Франции—сдержанная, и более того, очень критическая. Президент Франции Жискард д'Эстен отметил, что этап не станет решающим в судьбе мира на Ближнем Востоке, если он не откроет путей к всеобщему урегулированию³⁸.

Федеративная Республика всеми средствами—дипломатическими, политическими и экономическими—решила содействовать усилиям США в привлечении других арабских стран к кэмп-дэвидским переговорам³⁹. Федеральное правительство считало, что «мирный процесс» надо держать открытым и достигнуть того, чтобы любое другое арабское правительство, которое не было представлено в Кэмп-Дэвиде, могло бы присоединиться к процессу⁴⁰. Цель была поставлена правительством конкретная, всесторонне «содействовать восстановлению единства арабского лагеря»⁴¹, но не возвращением Египта в лоно арабского мира, что было бы логичнее и с политической точки зрения оправданно, а присоединением остальных 20 арабских стран к Египту, к его сепаратному курсу, игнорировавшему требования палестинского народа. Геншер открыто выразил элэчу, которую общий рынок должен осуществить на Ближнем Востоке: Сообщество обязано помочь американскому правительству «повернуть арабский лагерь» в сторону Кэмп-Дэвида⁴².

С этой целью начался дипломатический зондаж позиций правительств Сирии, Иордании, Саудовской Аравии, Ливана. Принимая в Бонне короля Иордании Хусейна, президент ФРГ В. Шеель заявил, что переговоры между Египтом и Израилем не должны остаться изолированными, так как договор в Кэмп-Дэвиде уже снял напряжение с арабо-израильского конфликта. Вместе с тем канцлер ФРГ Г. Шмидт, напомнив королю Хусейну, что Иордания получает от Западной Германии по линии «почты развития» товаров и кредитов на душу населения больше, чем другие арабские страны, указал на то, что Иордании желательно использовать широкие возможности, открывающиеся перед ней при присоединении к Кэмп-Дэвиду⁴³. Еще более сильное давление было оказано на другого непосредственного участника конфликта—Сирию.

Используя трудности переживаемые сирийской экономикой и желание Сирии установить более тесные экономические отношения с ФРГ, а также зависимость от большой финансовой по-

мощи со стороны Западной Германии (в 1978 г.—110 млн. марок), западногерманский капитал преследовал цель, укрепляя экономические связи, «может и оторвать Сирию от СССР»⁴⁴. Правящие круги Бонна опять попытались разыграть «карту с оружием», предлагая Сирии закупить вооружение на Западе, а не в СССР⁴⁵. Однако ни Сирия, ни Иордания, ни другие арабские страны не поддались на политические маневры ФРГ, предлагавшей им взамен участие в кэмп-дэвидском процессе, большую финансово-экономическую помощь. Король Хусейн заверил в Бонне, что Иордания, обеспокоенная сделкой в Кэмп-Дэвиде, твердо стоит на неприсоединении к указанному там процессу. А правительство Сирии, приветствуя позицию ФРГ и ЕЭС по палестинскому вопросу, требовало от Бонна более активных выступлений на Ближнем Востоке, прекращения экономических отношений с Израилем и признания ООН в качестве единственного полномочного представителя палестинского народа⁴⁶.

Но было бы наивным считать, что ближневосточная политика ФРГ будет опираться лишь на американский курс, забыв о собственных интересах. Исходя из этого, и с целью укрепления позиций западногерманских монополий в арабских странах и обеспечения благоприятного отношения нефтедобывающих стран к Западной Германии, федеральное правительство не раз заявляло, что кэмп-дэвидские документы оставили нерешенным вопрос суверенитета Западного берега реки Иордан и сектора Газа в течение переходного периода, а также вопрос вывода израильских войск с оккупированных в 1967 году арабских территорий и статуса Иерусалима.

26 марта 1979 г. в Вашингтоне состоялось подписание «Мирного договора между Египтом и Израилем». Договор не только не обходил палестинский вопрос, но и зафиксировал с типичной откровенностью сепаратный характер политики Садата: Египет по шестой статье договора должен «сохранять мир» с Израилем независимо от любых актов агрессии Тель-Авива против арабских стран⁴⁷.

Кэмп-дэвидский договор был конкретно нацелен на то, пишет Е. М. Примаков, чтобы вывести из конфронтации с Израилем, исключить из борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии 1967 г. сильную с военном отношении, самую большую по населению и экономическим возможностям арабскую страну—Египет. А после того, как появилась подпись Садата под египетско-израильским сепаратным договором, Израиль—этого следовало ожидать—ужесточил экспансионистскую линию по всем направлениям своей политики»⁴⁸.

Арабские страны встретили подписание мирного договора

решительным противодействием. На экстренном совещании министров иностранных дел, экономики и финансов арабских стран в Багдаде (27—31 марта 1979 г.) египетско-израильский договор был не только осужден: совещание приняло решение бойкотировать египетский режим как политически так и экономически. Кроме Омана, Судана и Сомали к этому решению присоединились все остальные члены Лиги арабских стран. Даже умеренные и консервативные арабские режимы не могли не считаться с волной возмущения, охватившего арабский мир. На совещании было решено перевести штаб-квартиру Лиги арабских стран из Каира в Тунис и приостановить членство Египта в Лиге. Кроме того Египет лишился финансово-экономической помощи от арабских стран и был исключен из межарабских организаций, таких как ОАПЕК и других.

Ситуация, сложившаяся на Ближнем Востоке после подписания «Мирного договора» между Египтом и Израилем, чрезвычайно осложнила для Западной Германии проведение ее ближневосточной политики. Это было еще затруднительнее в связи с тем, что Федеративная Республика при проведении своей внешней политики непосредственно была связана с различными организациями (ЕЭС, НАТО, МЭА) и особыми двусторонними отношениями как западногермано-американскими и западногермано-французскими. С этим переплелись и нефтяные интересы ФРГ в арабских странах с отношениями к Израилю, как союзником Запада.

Правительство ФРГ, приветствуя подписание договора между Египтом и Израилем 26 марта 1979 г., охарактеризовало его как результат исторического значения, первый шаг к миру, которому должны последовать следующие. Вместе с тем федеральное правительство не могло закрыть глаза на то, что большинство арабских стран осуждало договор, потому что важнейшие элементы ближневосточного конфликта остались нерешенными. Бонн отметил, что изоляция Египта не в интересах арабских стран и призвал их не бойкотировать АРЕ. В заявлении канцлера Г. Шмидта подчеркивалась выдающаяся роль США и «необыкновенные усилия» президента Картера в деле достижения мира на Ближнем Востоке. ФРГ не могло обойти и критики израильской политики по отношению к оккупированным арабским территориям⁵⁰. В Западной Германии считали, что необходимо четко осознать значение договора, поскольку его заслуга в том, что он привел Египет в лагерь Запада, и задачу политики ФРГ видели в том, чтобы интенсифицировать свои усилия не только с целью претворения договора в жизнь, но и воздействия на другие арабские государства в духе договора. Реалистический путь решения этой задачи ФРГ предполагала в укреплении двусторонних отношений между Израилем, Египтом и другими потенциальными арабскими участниками⁵⁰.

Реакция Бонна на кэмп-дэвидский мирный процесс состояла как бы из трех компонентов. Во-первых, заключенный мирный договор между Египтом и Израилем представлялся важным шагом на пути к всеобъемлющему миру на Ближнем Востоке, что означало политическую и финансово-экономическую поддержку со стороны ФРГ, чтобы не допустить провала и падения саадатовского режима из-за внутренней экономической слабости Египта. В правительственных кругах Западной Германии была высказана принципиальная готовность участвовать вместе с другими западными государствами в так называемой «оплате за мир» на Ближнем Востоке Египту. Министр финансов ФРГ А. Мёллер объявил, что ФРГ и ее партнеры сделают все, чтобы улучшить экономическое положение Египта и Израиля⁵¹.

Во-вторых, ФРГ не могла игнорировать и тот факт, что договор осужден большинством арабских стран, а политическая линия НФСП содержит элементы, которые должны быть признаны как справедливые арабские желания, без чего немислимо установление окончательного мира в регионе. Министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер, принимая министра иностранных дел Марокко (страны-председателя организации «Исламская конференция») М. Бензетту, подчеркнул, что ФРГ понимает и принимает к сведению осуждение большинством арабских и мусульманских стран «онипелция, лежащей в основе египетско-израильского договора. Однако, как и прежде, Бонн стремится к «восстановлению единства» арабского лагеря⁵².

Даже израильское правительство, всегда с недоверием относившееся к установившимся хорошим отношениям ФРГ со всеми арабскими странами, потребовало от федерального правительства не только «неограниченной поддержки» договора, но и использования своего влияния в арабском мире и этих «хороших отношений с арабами», чтобы повлиять «осуждающих на лучший путь»⁵³. Политические контакты ФРГ с Фронтом стойкости и Левой арабских стран необходимы, считал один из ведущих специалистов страны по Ближнему Востоку У. Штайнбах, для того, чтобы не упустить возможность играть активную роль маклера между арабскими странами⁵⁴. ФРГ не хотела ужесточать свое отношение к арабским странам, не признавшим кэмп-дэвидский процесс. Более того, федеральное правительство выступало против египетско-израильских переговоров об автономии палестинцев, осуждая сепаратный мир за счет палестинского народа и его прав⁵⁵.

Видные политики ФРГ, депутаты бундестага и от правящих партий СДПГ и СаДП осудили договор между Египтом и Израилем. Председатель Германо-арабского общества депутат бундестага от СДПГ Л. фон Ботмар охарактеризовал его как «сепарат-

вый мир, не вызывающий большой радости», которым ближневосточный регион не может удовлетвориться, поскольку договор «не учитывает палестинцев»⁵⁶. Один из ведущих деятелей Свободной демократической партии Юрген В. Мёллемани, выступая на состоявшемся в апреле 1979 г. конгрессе своей партии отметил, что всеобъемлющее урегулирование должно охватить обязательно выход Израиля со всех оккупированных в 1967 г. областей, осуществление права палестинцев на самоопределение вплоть до создания собственного государства, удовлетворительное урегулирование проблемы Иерусалима как гарантии на существование Израиля. Мёллемани считал, что «израильские и палестинцы должны оба нарушить табу». Одни должны признать притязания палестинцев на самоопределение и их организацию ООП и вести с ней переговоры. Другие же, то есть палестинцы, должны принять официальную декларацию о признании Израиля и «прекратить» свою практику терроризма». Причем эти шаги, наверное, особенно будет трудно предпринять, замечал Мёллемани, «нашим израильским друзьям»⁵⁷.

Третий компонент реакции Бонна на Кэмп-дэвидский договор заключается в том, что ФРГ считала, что только сильный Израиль, уверенный в том, что он не покинут союзниками и друзьями, будет готов пойти на уступки на пути к достижению мирного урегулирования. И именно в этом случае, любая «уступка» арабам уже не будет, по мнению федерального правительства, рассматриваться в Тель-Авиве со страхом. Правящие круги Западной Германии уже предвидели, что потеря доверия к Соединенным Штатам со стороны большинства арабских стран вследствие их вовлечения в египетско-израильском сепаратном мире приведет к понижению популярности и влияния США в регионе и повышению ставок ФРГ, и намеревались упрочить свои позиции, активизировав ближневосточную политику ЕЭС, но в рамках, не препятствующих проведению американского курса. Это ясно было выражено в процессе подготовки и принятия ряда заявлений ЕЭС относительно «Мирного договора между Египтом и Израилем» и Ближнего Востока в целом.

МИД Франции от имени правительств стран-членов ЕЭС по заключении договора 26 марта 1979 г. сделал заявление, в котором приветствуя процесс, отметил, что до осуществления резолюции № 242 во всех ее частях еще предстоит трудный путь, а договор приближает к принципам этой резолюции только египетско-израильские отношения. Заявление напомнило позицию ЕЭС, что справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке может быть достигнут лишь при всеобъемлющем урегулировании, при осуществлении права палестинского народа на родину. ЕЭС выражал желание видеть в подписанном договоре не сепаратный мир,

а первый шаг к урегулированию, целью которого будет окончание тридцатилетней вражды и недоверия на Ближнем Востоке. Предлагая участие в переговорах представителей палестинского народа, Сообщество вместе с тем выразило надежду, что стороны, участвующие в конфликте, прекратят все заявления и действия, препятствующие мирным усилиям, как например, израильская политика поселений на оккупированных землях⁵⁸.

Весьма сдержанная, «тепловатая» оценка египетско-израильского договора, содержащая критический выпад против политики Израиля в отношении поселений рассматривалась как явная уступка Бонна, поскольку канцлер Г. Шмидт в тот же день в своем собственном заявлении охарактеризовал кэмп-дэвидский договор как «событие, имеющее историческое значение»⁵⁹. Однако, если сопоставить, коммюнике Совета министров Франции с заявлением ЕЭС от 29 марта 1979 г., где выражена озабоченность Франции отсутствием в договоре чрезвычайных элементов, то становится ясно, что в общем заявлении Сообщества сама Франция пошла на еще больший компромисс, чем ФРГ⁶⁰.

Если в декабре 1977 г. канцлер Шмидт отказался от публичной полемики относительно не являвшейся ему непримиримой позиции, занимаемой правительством М. Бегина, потому что это могло бы затруднить сложившуюся «деликатную ситуацию» после визита Садата в Иерусалим, то уже через два года в Бонне отказался от этой осторожности. 5 июня 1979 г. Г.-Д. Геншер открыто раскритиковал новые израильские поселения в Западной Иордании.

18 июня 1979 г. страны ЕЭС, в том числе и ФРГ, резко осудили «политику создания колоний, которую продолжает проводить израильское правительство на оккупированных территориях,— политику, «незаконную с точки зрения международного права». В совместном заявлении девять стран считали, что некоторые позиции и заявления израильского правительства могут служить препятствием к поискам мирного урегулирования. ЕЭС сослалось, в частности на требование Израиля «о предоставлении временно-го суверенитета» над оккупированными территориями, что несовместимо с резолюцией 242 СБ ООН, которая провозгласила принцип недопустимости присвоения территорий силой, а также политику создания поселений⁶¹. Бонн в «делах сбалансированности» пытался включить в эту резолюцию позитивную оценку египетско-израильского договора, однако Франция согласилась включить в нее только указание на то, что предыдущие заявления ЕЭС, по-прежнему сохраняют свое значение.

В Израиле это выступление Европейского сообщества было охарактеризовано как «необыкновенно враждебно настроенное».

В израильском правительстве «остро антиизраильски направленная» резолюция рассматривалась как отступление, бегство перед угрозами арабских поставщиков нефти, перед решениями багдадского совещания Совета Лиги арабских стран. Израильское правительство с удивлением восприняло тесное соприкосновение позиции ФРГ с французской в таком важном аспекте как критика политики Израиля. Израильский посол Н. Мероц заявил в Бонне в связи с этим: «Если в заявлении Девятки ни слова не говорится о революционном мирном событии между Египтом и Израилем, если ни слова не говорится в этом богатом и полном слог заявлении, то о какой сбалансированности может идти речь. Федеративная Республика до нынешнего времени для Израиля была позитивным фактором, противостоящим негативному французскому влиянию. Сейчас немцы стали на Французский курс». У посла создалось впечатление, что руководящие политики ФРГ более не хотят знать исторических и моральных особенностей отношений с Израилем⁶². В Тель-Авиве акцент ставился на разочарование тем, что Западная Германия, как ведущая держава Сообщества, своей политикой на Ближнем Востоке ведет к укреплению позиции Фронта стойкости, что еще более изолирует президента Садата и затрудняет продвижение мирного процесса. В Израиле считали, и вероятнее всего обоснованно, что в этот раз именно западно-германская инициатива явилась основой заявления ЭЭС от 18 июня 1979 г., как бы Бонне не пытался от этого отмежеваться или сглаживать и смягчать в своих толкованиях данное заявление⁶³. Ведь без согласия ФРГ не могло быть опубликовано ни одно слово в заявлениях ЭЭС. Во-первых, нельзя обойти опять-таки вопрос снабжения страны нефтью, хотя Г.-Д. Геншер заявлял, что позиция ФРГ не имеет ничего общего с трудностями при обеспечении нефтью⁶⁴. Во-вторых, значительную роль в столь критической позиции Бонна к Израилю могло бы играть следование просьбе президента Картера к канцлеру Западной Германии обратиться к правительству Израиля с настоятельными рекомендациями изменить свою политику в отношении израильских поселений на оккупированных арабских землях⁶⁵. Умеренные же арабские страны увидели в активизации ближневосточной политики ЭЭС надежду, что Западная Европа предложит альтернативу структуре кэм-дэвидского договора. Создавалось впечатление, что западноевропейцы стали лучше понимать ближневосточный конфликт в целом. Вместе с этим у многих арабских политиков возникла уверенность, что Западная Европа, во главе с ФРГ и Францией готова помочь им выйти из тупика, созданного separatными кэм-дэвидскими соглашениями и действительно влиять не только на абстракционную позицию Израиля, но и на политику США в регионе.

Однако между самими ФРГ и Францией имелись разногласия

по ряду важных вопросов. Франция отказалась поддержать Египет экономически, в то время как еще до подписания мирного договора ФРГ выразила согласие помочь Египту преодолеть экономические трудности. Канцлера Шмидта посетили вице-президент Египта Мубарак и заместитель госсекретаря США Кристофер. Они предложили ФРГ содействовать «миру на Ближнем Востоке» финансовой помощью. После подписания договора в Вашингтоне, как отмечалось выше, Бони подтвердил свою готовность «в союзе с другими западными державами кооперированно» помочь развитию Египта, однако ни сумма, ни объем помощи, ни другие мероприятия названы не были⁶⁴. Причем ФРГ пыталась вместе с тем не подорвать своих отношений с остальным арабским миром. Эта ситуация могла в конечном счете вылиться в суровое испытание для внешней политики Г. Шмидта, так как еще не было ясно, согласятся ли другие западноевропейские страны внести свой вклад в многомиллиардный «план Картера», намеченный правительствами Картера и Садата. Ведь без сотрудничества других европейских союзников Бонну не удалось бы обеспечить себе защиту от возможных ответных мер арабов. Франция заявила о своем нежелании раздражать противников Садата в арабском мире, вследствие чего ЕЭС уже вряд ли смогло бы действовать как единое целое при помощи Египту. ФРГ оставила себе свободу маневрирования, признав, что любая коллективная помощь не обязательно должна иметь место в рамках ЕЭС, хотя и оказывала давление на стран-членов Сообщества для оказания помощи Египту⁶⁵.

Потребность садатовского режима в поддержке со стороны ЕЭС, и в первую очередь ФРГ, проявляется и в том, что на обратном пути из Вашингтона президент Садат решил посетить Бони. Во время визита речь шла о мерах, которые могли бы привести к ослаблению позиции Фронта стойкости, использованию влияния ФРГ в арабских странах. Второй главной темой визита была финансовая⁶⁶. Для нейтрализации возможной резкой реакции арабских стран, особенно нефтедобывающих, канцлер Г. Шмидт не скрывал перед Садатом своей обеспокоенности будущим Западного берега р. Иордан и сектора Газа, интересовался отношением Египта к СССР и ООП⁶⁷. Западногерманские экономисты довольно скептически относились к просьбам Садата предоставить большую финансовую помощь, считая, что для структуры египетского хозяйства бессмысленно вкладывать столь много денег, поскольку Египет не способен освоить в 1979 г. капиталовложений более чем на полмиллиарда долларов для осуществления конкретных проектов. Эта цифра, по их мнению, могла бы увеличиться впоследствии, если будет ликвидировано традиционное бездействие египетской администрации. Об этом высказался и министр иностранных дел Сирии Хаддам, заявивший, что «Федеративная Рес-

публика Герриани, западные банки не захотят пойти на риск новых капиталовложений в стране, в которой государственную казну путают с карманами продажных людей. Какая европейская держава сделала бы еще одну глупость и настроила бы против себя весь арабский мир ради того, чтобы помочь Садату?» — спрашивал Хаддам. Приветствуя объективную, рациональную и в конечном счете дальновидную позицию Франции, сирийский министр, противопоставил ее позиции занятой ФРГ, «действующей под нажимом Соединенных Штатов и защищающей интересы США вопреки своей воле»⁷⁰.

Федеральное правительство в 1979—1980 гг. предоставило Египту по линии помощи развитию 280 млн. марок, кроме вклада в «план Картера». Вместе с тем необходимо отметить, что помощь западных держав в некоторой степени поддержала и не дала глубоко развиться экономическому кризису в Египте. Президент Садат был, в частности, благодарен США и ФРГ за помощь, потому что она помогла вывести Египет «не просто из опасной, а категорически опасной ситуации»⁷¹.

Федеративная Республика участвует в помощи Египту преследовала разумеется и свои собственные цели, еще крепче закрепляя свои позиции в экономике страны⁷². Оказывая большую финансовую помощь Египту, в ФРГ считали, что «дешевые деньги» с Запада возможно смогут привлечь и повлекут в кэмп-дэвидский процесс такие умеренные арабские страны как Йорданию и Ливан, что привело бы к ослаблению и распаду антикэмп-дэвидского фронта арабских государств. В ФРГ исследовались возможности «сделать хорошую погоду» у противников египетско-израильского договора в Ливии, Сирии, Ираке⁷³. Во время своего визита в арабские страны Геншер призывал их правительства подключиться к договору, начать переговоры с Израилем, восстановить отношения с Кипром. Выступая в Дамаске министр иностранных дел ФРГ призвал Сирию сделать первый шаг в этом направлении⁷⁴.

Вместе с тем, Федеральная Республика не препятствовала деятельности реакционной общественно-религиозной организации «Братья-мусульмане» в ее заговоре против сирийского государства⁷⁵, считая, что внутренняя дестабилизация и вероятная гражданская война вынудит руководство Сирии предпринять определенные шаги во внешней политике, что выразится в конечном счете в подключении к кэмп-дэвидскому договору.

Подписание мирного договора между Египтом и Израилем явилось началом нового периода в истории арабо-израильского конфликта, особенность которого в том, что ведущая со стороны арабских участников конфликта страна — Египет — отказалась от решения ключевой проблемы конфликта — палестинской. Советский историк Е. Дмитриев, справедливо считая, что «жизнь каждоднев-

но сталкивает государственных и политических деятелей многих стран с необходимостью четко сформулировать вопрос о путях решения палестинской проблемы в рамках всеобъемлющего ближневосточного урегулирования», пишет, что такая связь осознается сейчас практически всеми, а «вычленение» палестинской проблемы в рамках из числа аспектов урегулирования означает подрыв идеи достижения справедливого мира на Ближнем Востоке⁷⁶. Федеральное правительство почти «каждодневно» обращалось к палестинскому вопросу. Во время официального визита Геншера в Сирию, Ливан, Иорданию и Египет (26 августа—2 сентября 1979 г.) им было заявлено, что по мнению ФРГ к праву палестинцев на самоопределение относится право на родину, право самому решать свой судьбу—никто другой вместо самих палестинцев не должен претендовать на это, поскольку к этому относится и право решить, кто должен представлять палестинцев⁷⁷.

Означало ли это, что ФРГ была готова признать полномочного представителя палестинского народа в лице Организации освобождения Палестины? На этот вопрос в конце 70-х гг. еще нельзя было ответить однозначно. Средства массовой информации, пресса, телевидение и радио ФРГ уже предоставляли свои страницы и эфир для выступлений председателя ООП Ясина Арафата, который критиковал и израильскую агрессивную и аннекционистскую политику, и выжидательную политику федерального правительства в вопросе признания ООП⁷⁸. Официальные власти Бонна «закрыли глаза» на то, что представителем Лиги арабских стран в ФРГ был назначен один из активных членов ООП А. Франжи⁷⁹, который по совместительству руководил бюро ООП в ФРГ.

В этот период наблюдается растущая готовность федерального правительства пойти в неофициальные контакты с ООП, и несмотря на все опровержения со стороны правительства, все же нельзя было затушевать изменение позиции Западной Германии относительно ООП, хотя официально все продолжало оставаться неизменным. Признание ООП не могло быть связано с признанием в международно-правовом смысле, которое существует между государствами, оно означало бы только политическое признание ООП как силы, которая должна принять участие на переговорах. Требование отказа от вооруженной борьбы ООП, которая в ФРГ именовалась не иначе как «терроризм», являлось лишь поводом для непризнания организации. Продолжая утверждать, что урегулирование палестинской проблемы должно происходить лишь с согласия всех участников конфликта, в том числе в первую очередь с согласия Израиля, федеральное правительство в который раз доказало чисто формальный характер своих выступлений в палестинском вопросе⁸⁰.

Все же, несмотря на сильные противостояние произраильским

настроенных членов федерального правительства, бундестага и сильный «публицистический потенциал Израиля в ФРГ», как отмечает западногерманский автор В. Кёлер, правительство начало проводить «более сориентированную на арабские представления ближневосточную политику»⁸¹. Это выразилось в сенсационной встрече В. Брандта, председателя СДПГ и Социал-демократического Интернационала, и канцлера Австрии Бруно Крайского с Ясиром Арафатом. На встрече в Вене, проходившей 6—8 июня 1979 г. в рамках Социтерна, Арафат заверил собеседников, что ООП не осуждает ненавязчивого соглашения для урегулирования конфликта и готова подчиниться принципам Устава ООН, статья вторая которого предусматривает уважение целостности государств-членов ООН, а Израиль — член ООН⁸². Замечательно, что эта встреча произошла с согласия США: американское правительство было уведомлено о встрече в Вене, и один из сотрудников посольства США в Австрии заявил, что Брандт и Крайский «не сделали бы ничего такого, что не понравилось бы Соединенным Штатам»⁸³. Вышеизложенное свидетельствует еще об одном нажиме со стороны США, на этот раз посредством Социтерна, на неприязнь Израиля к любым компромиссам в палестинском вопросе.

«Нельзя немцев, помогающих встречать с лидером ООП Я. Арафатом, как саркастически писала «Вельт», был продолжен представителем партии министра иностранных дел ФРГ и вице-канцлера Г.-Д. Геншера-Мёллеманном, представителем фракции СДПГ по вопросам политики безопасности в бундестаге, человеком, которому доверяет Геншер». Мёллеманн прибыл в апреле 1988 г. в Бонне делегацию ООП во главе с Арафатом⁸⁴ и заявил, что интересы палестинского народа должны представлять только ООП.

Израильское правительство публично подвергло критике эти и другие контакты с палестинцами, особенно встречу В. Брандта. В ответ на требования посла Израиля в ФРГ Мероца четко и однозначно отмежеваться от встреч с представителями ООП, федеральное правительство ответило, что это не его дело осуждать политику Социтерна⁸⁵.

Выступления федерального правительства за вписанное в кампанистский договор пункта о самоопределении палестинского народа, настойчивость в этом вопросе, привели к тому, что отношения ФРГ с Израилем стали явно ухудшаться. Это проявилось уже в первые месяцы после подписания мирного договора. ФРГ призывала и само израильское правительство вступить в прямые контакты с ООП. Это же было высказано и министру иностранных дел Израиля М. Даяну во время его визита в Бонн в сентябре 1979 г.⁸⁶ ФРГ преследовала цель вынудить Израиль, что он должен «смягчить» свою позицию, чтобы не отпугивать остальные арабские страны от Кэмп-Дэвида.

Летом 1979 г. немецко-израильские отношения вступили в кризисное состояние. А. Нойштадт считает, что виной этому явилось интервью канцлера Г. Шмидта, опубликованное в израильской газете «Джерузалем пост»⁸⁷. Шмидт сказал, что он опасается, что Израиль растеряет всех своих друзей в силу проводимой ныне Бегинном политики создания поселений на оккупированных территориях, «которую я ни как не могу понять», сказал он, подчеркнув, что Израиль «следует по опасному пути». «Если Израиль будет продолжать следовать этому направлению, будет очень трудно оставаться его другом. В самом деле Израиль теряет всех своих друзей и будет оказываться во все большей изоляции», сказал канцлер. Шмидт выразил сожаление по поводу того, что Израиль полностью зависит от Соединенных Штатов, поскольку, по его мнению, со времен правления президента Джонсона, политика США совершенно непредсказуема. Вместе с тем канцлер ФРГ считал, что отношения Израиля и ФРГ не должны строиться единственно лишь на воспоминаниях о жертвах фашизма. «Я согласен с Бегинном в том, что воспоминания о Гитлере и нацизме должны вызывать угрызения совести у немцев. Но в противовес Бегину я считаю, что эти угрызения совести не могут служить оправданием поддержки Германией Израиля»⁸⁸.

Столь резкая критика-предостережение ФРГ в адрес Израиля и проводимой его правительством политики была вызвана в первую очередь обструкционистской позицией Тель-Авива в отношении любых «компромиссных» путей урегулирования конфликта. В то время как Бонн пытался найти какую-то общую почву между умеренными арабскими режимами в Египте, пытался снять напряжение и поляризацию в арабском мире, вызванную Камп-Дэвидом, Израиль практически свел на нет все эти усилия провозглашением кнессетом Иерусалима «вечной и неделимой» столицей Израиля. Правительство ФРГ выразило «сожаление» по поводу этого действия Тель-Авива, а представитель МИД ФРГ напомнил, что ЕЭС не признает никакого изменения статуса Иерусалима в одностороннем порядке. Федеральное правительство было поставлено в затруднительное положение, поскольку находилось в постоянном контакте с арабскими правительствами в этот период. В течение полугода 1979 г. министр иностранных дел ФРГ Геншер посетил Сирию, Ливан, Иорданию, Египет, Ливию, Саудовскую Аравию, Ирак, в Бонне он встречался с министрами иностранных дел Марокко, Туниса, Катара; ФРГ посетили король Иордании Хусейн, король Саудовской Аравии Халед, генеральный секретарь Лиги арабских стран Клиби, и федеральное правительство уже не могло с прежней уверенностью призывать их поддерживать кэмп-дэвидский договор.

Кроме формальной критики Израиля, что уже само по себе явилось важным событием в политических отношениях между этими странами, канцлер ФРГ Г. Шмидт отложил свой обещанный еще год назад визит в Израиль до тех пор, как он заявил, пока такой визит не стал бы содействовать «прогрессу» на пути достижения ближневосточного урегулирования, т. е. до тех пор, пока Израиль не проявит большую готовность отказаться от оккупированных территорий. Его отказ посетить Израиль был политическим актом, который должен был выразить израильтянам его осуждение некоторых аспектов их политики и вместе с тем был направлен на то, чтобы еще более подчеркнуть «объективность» сбалансированного курса ФРГ на Ближнем Востоке.

Хотя правительством ФРГ и было заявлено, что, по его мнению, отношения с Израилем продолжают оставаться дружественными и хорошими, в Израиле считали, что отсрочка визита канцлера, которая могла бы внести некоторые «необходимые коррективы и не позволить Бонну стать потенциальной жертвой арабского шантажа», явилась для Тель-Авива «пощечиной». Попытки ФРГ привести арабские страны к Кэми-Дэвиду уже не приветствовались израильским правительством. Как писала одна американская газета, «у израильтян от этого волосы стали дыбом», они хотели видеть Федеративную Республику только на своей стороне без оговорок⁸⁹.

Федеральное правительство подверглось критике и со стороны оппозиции. Внешнеполитический эксперт фракции ХДС/ХСС В. Марке назвал ближневосточную политику правительства запутанной и осудил позицию канцлера, отсрочившего свой визит в Израиль на неопределенное время. Председатель фракции ХДС/ХСС в бундестаге Г. Коль обвинил в ухудшении отношений с Израилем боннское руководство, над ближневосточной политикой которого, как он писал, «лежат сумерки». «Израильтяне не доверяют нам. Они видят напротив себя немецкое правительство, чей политический курс им более не понятен». Коль также призвал канцлера срочно осуществить свой визит в Тель-Авив⁹⁰.

«Почти» федерального правительства, вступившего в неофициальные контакты с ООП при посредничестве влиятельных политических деятелей партий правительственной коалиции не остался без поддержки со стороны союзников ФРГ, особенно Франции, преследующих на Ближнем Востоке свои собственные интересы⁹¹. Западная Европа решила принять косвенное участие в урегулировании ближневосточного конфликта, выдвинув свой план действий, первым шагом которого было предполагаемое признание ООП и выступление за создание палестинского государства на границах Израиля. В ФРГ утверждали, что это помешало бы появлению и в дальнейшем усилению опасных для «свободного

мира» антизападных настроений и арабском мире, обеспечило бы бесперебойный поток нефти и, в конечном счете, явилось бы водворением для мирных переговоров на Ближнем Востоке. Выдвигались мнения, что Израиль уже не займет столь непримиримую позицию в палестинском вопросе, и арабские страны будет легче убедить поддержать Египет и начать переговоры с Израилем. Ряд заявлений официальных лиц и появившиеся в прессе сообщения свидетельствовали о том, что, поскольку кампи-дэвидский договор оказался в тупике, то страны-члены ЕЭС на очередном заседании Совета Сообщества в Венеции выступят с инициативой урегулирования конфликта. После исхода срока для переговоров по «автономии» между Египтом и Израилем (29 мая 1980 г.), американское правительство вначале пыталось вообще предотвратить собственную инициативу Европейского сообщества.

Вашингтон не делал тайны из своих помыслов, что «вмешательство» ЕЭС, продиктованное сильными европейскими интересами в нефти арабского мира, могло бы усложнить и без того трудные переговоры по «автономии». Этой точки зрения придерживались Израиль и Египет.

Заявление, принятое странами-членами ЕЭС в Венеции 13 июня 1980 г. отмечало, что должно быть наконец найдено справедливое решение палестинской проблемы, которая не ограничивается просто проблемой беженцев. «Палестинскому народу, осознающему свое существование в таком статусе, должна быть представлена возможность посредством надлежащего процесса, определенного в рамках всеобъемлющего мирного урегулирования, говорить и заявлении, полностью осуществить свое право на самоопределение». В заявлении подчеркивалось, что в переговорах по урегулированию должны принять участие все заинтересованные стороны, а следовательно палестинский народ и ООП, «которые должны быть ассоциированы с переговорами». Далее члены ЕЭС, признавая особое значение той роли, которую играет вопрос о Иерусалиме, заявляли, что они не согласятся ни с какими односторонними инициативами, призванными изменить статус этого города, и что любое соглашение о статусе Иерусалима должно гарантировать свободный доступ к святым местам для всех. В заявлении подчеркивалась необходимость для Израиля положить конец продолжавшейся им с конфликта 1967 г. оккупации территорий, как это было сделано в отношении части Синайского полуострова. Страны ЕЭС выразили свое «глубокое убеждение» в том, что израильские поселения являются серьезным препятствием для мирного процесса на Ближнем Востоке, считая, что эти поселения, а также изменения, происшедшие в населении и собственности на оккупированных арабских территориях, являются незаконными с точки зрения международного права⁶⁰.

Заявление в Венеции не содержало ничего, что могло бы рассматриваться как обструкция кэмп-дэвидскому процессу Инициатива, о которой было столько разговоров, осталась в области добрых намерений. После шумихи, поднятой вокруг нее, заявление вызвало не только полное разочарование, но и показало, что у ЕЭС нет никакого плана, инициативы как таковой, хотя в нем и были сформулированы новые тенденции, половинчатый характер которых и свою очередь показал ограниченность сферы политического влияния Западной Европы. Заявление ЕЭС не могло бы конечно спасти кэмп-дэвидский процесс и расширить его рамки в арабском мире, но могло послужить платформой для того, чтобы США нашли в этот период какую-то новую форму. Выступление ЕЭС могло сыграть роль переходного звена между мертвым уже Кэмп-Дэвидом и каким-нибудь новым американским планом⁵³. И хотя в американской прессе осуждалось «бесхарактерное» стремление европейских союзников завоевать благосклонность нефтедобывающих арабских стран, более соответствует истине образная оценка действий ЕЭС одного американского дипломата: «Европейский локомотив с пылением и шумом вытаскивает нас из теперешнего тупика»⁵⁴. Заявление, охарактеризованное в США как усилие «параллельное кэмп-дэвидским соглашениям» не нашло в мире широкого признания, с горечью отмечали в ФРГ⁵⁵.

И в самом деле, венецианская декларация ограничилась лишь повторением и подтверждением принципов уже давно признанных всеми, в том числе ЕЭС, а в вопросе «ассоциации ООП» с ближневосточными переговорами и в вопросе права палестинского народа, страны-члены Сообщества не сказали ничего, что позволило бы говорить о инициативе. Более того, заявление в Венеции явилось шагом назад по сравнению с заявлением ЕЭС от 1977 г., где говорилось о праве палестинцев на родину, не говоря уже о праве палестинского народа на государственное объединение, как заявляла ранее Федеративная Республика.

Причиной столь явного отступления ЕЭС даже от своих ранее принятых позиций в палестинском вопросе явилось сильнейшее жевание США на Францию, ФРГ и других членов Сообщества, израильские требования перед ФРГ. Как отмечает С. М. Рокотоп, только благодаря личному вмешательству президента Картера американцам удалось значительно ослабить принятое заявление, что вызвало удовлетворение Тель-Авива, так как Бегин угрожал «отменить» кэмп-дэвидское соглашение, если США не сорвут «европейскую инициативу»⁵⁶. Именно этим надо объяснить отсутствие в заявлении слов «отечество», «родина», «государство», которые могли бы быть применены при оформлении конечной цели палестинского народа на самоопределение. Фран-

ции также не удалось добиться идеи подключения в процесс ближневосточного урегулирования СССР.

В Федеративной Республике Германии прекрасно осознавали, что с международно-правовой точки зрения простая ссылка в венецианском заявлении на право палестинцев на самоопределение с упоминанием ООН, но без конкретизации—право на что?—является лишь показной и полувинчатой мерой. По мнению профессора Тюбингенского университета Т. Опперманна, в Венеции ФРГ сыграла сдерживающую роль требованиями Франции и формулировки заявления оказались прямо посередине между западногерманскими и французскими вариантами. Венеция, по его мнению, приблизила «час правды» для Бонна в его отношениях с Израилем, поскольку в который уже раз доказала примат израильской судьбы в ближневосточной политике ФРГ, в его отношении к сторонам арабо-израильского конфликта. Боннская позиция, как рассуждает автор, стала в своей основе не только экзаменом на зрелость западногерманской дипломатии, но и «пробой на твердость социально-этических основ, на которых была построена послевоенная демократия Германии»⁹⁷.

Роль ФРГ внутри ЕЭС в период подготовки венецианского заявления заключалась, по мнению Т. Опперманна, в «гармонизации или уклонении от явных разногласий между американской и европейской линиями следования мирному процессу», потому что ФРГ никогда не выступит против «духа Кэмп-Дэвида» и американской ближневосточной политики⁹⁸. И именно уже поэтому Венеция явилась для ФРГ не «анти-Кэмп-Дэвидом», а послужила посылу новых решений конфликта, подчеркивая скорее необходимость ограничения тормозящих процессов, в частности со стороны Израиля. Заявления президента Египта Садата и министра иностранных дел К. Хасана Али явились подтверждением того, что египетская сторона «правильно поняла» позицию ФРГ⁹⁹.

Канцлер ФРГ Г. Шмидт, выступая 17 июня 1980 г. в бундестаге относительно венецианского заявления, в частности, подчеркнул и этот момент, заявив, что «эта очень сбалансированная позиция европейцев окажет помощь комплексным усилиям для достижения мира на Ближнем Востоке. Я рад, что и американское и египетское правительства разделяют эту оценку. Израильские друзья должны быть уверены: мы понимаем их опасения и нужды, так, как это мне описали президент конессета и его делегация прямо перед Венецией. Мы это учли в наших совещаниях»¹⁰⁰. Выступление канцлера и сам текст заявления ЕЭС являются доказательством того, что ФРГ, по мере своих сил и влияния в Сообществе, подкрепленного давлением США на Францию, «учло» израильские интересы.

Арабская общественность дала свою оценку западноевро-

пейской «инициативе». Подробно анализируя текст заявления, сирийская газета «Тишрин» писала, что предпринимаемые усилия с целью втянуть некоторые арабские страны в кэмп-дэвидский процесс, предпринимаются главным образом теми силами, которые не расходятся во взглядах с США или выступают под разными вывесками в качестве маклеров американской политики. Декларация в Венеции, по мнению автора статьи Дж. Курни, вскрыла далеко идущие цели посреднических усилий и обещанных инициатив, продемонстрировав, что они являются резервом кэмп-дэвидских соглашений, фактором поддержки американской политики и поощрения экспансионистских устремлений Израиля. Автор пишет, что на днях канцлер ФРГ Г. Шмидт обратился с советами к арабам, призывая их к примирению и сосуществованию с Израилем на манер Саудата и примеру примирения между ФРГ и Францией. «Арабы, требующие возвращения им оккупированных территорий, вправе задать канцлеру вопрос: какой будет позиция ФРГ, если Франция заявит, что сфера ее безопасности простирается до Рейна и Эльбы? Что скажет Франция, писала «Тишрин», если ФРГ заявит, что ее безопасные границы будут обеспечены лишь в том случае, когда они пройдут по берегам Сены?»¹⁰¹.

В Сирии понимали, что «европейская инициатива» преследовала цель внушить иллюзию, будто эта альтернатива отличается от первоначального американского, кэмп-дэвидского, варианта урегулирования и не имеет никакого отношения к Кэмп-Дэвиду. В Дамаске вполне справедливо считали, что для «заманивания арабов в эту ловушку» и облегчения реализации «европейской инициативы», США развернули против нее «театральную кампанию», стремясь внушить мысль, что они в этом вопросе не координировали свои действия с Западной Европой—ведь в конечном счете эту «инициативу» невозможно осуществить без согласия и прямого участия США¹⁰². По мнению правительства САР, Венеция—это ширма, за которой США и европейские страны НАТО пытаются скрыть свои подлинные общие интересы на Ближнем Востоке. Новая западноевропейская «инициатива»—это маневр, новая форма Кэмп-Дэвида, цель которого в достижении успеха там, где потерпела провал прямолинейная дипломатия Вашингтона и его союзников таких как ФРГ, не сумевшей содействовать расширению рамок арабских участников Кэмп-Дэвида¹⁰³.

Умеренные арабские страны (Иордания, Кувейт, Ливан), приветствуя заявление в Венеции, считали, что необходимо продолжить диалог между арабами и Западной Европой с тем, чтобы в будущем Западная Европа смогла «помочь американской администрации занять правильную позицию» в интересах достижения мира на Ближнем Востоке¹⁰⁴. Эта точка зрения отражает именно то предостережение Сирии, что некоторые арабские страны еще

придерживаются иллюзий относительно роли ЕЭС на Ближнем Востоке. Вместе с тем позиция Фронта стойкости, охарактеризовавшего на конференции в Триполи (13—15 апреля 1980 г.) западноевропейские страны «посредниками США», согласовывающими свои действия с американской позицией в отношении арабо-израильского конфликта, сыграла большую роль в общеарабской линии на чрезвычайной сессии организации «Исламская конференция», проходившей в Аммане (11—12 июля 1980 г.). Сессия потребовала у стран-членов ЕЭС прекратить их двухсторонние экономические договоры с Израилем и дать обещание, что отношения с Израилем не будут касаться и связываться с оккупированными арабскими территориями, а также принудить Израиль вернуть арабам эти земли. На встрече в верхах арабских стран в Фесе (18—20 сентября 1980 г.) было выдвинуто требование перед членами Сообщества выступить в ООН за поддержку вопроса Палестины.

Критика арабскими странами непоследовательности ЕЭС в Венеции не сравнима с критикой, прозвучавшей из Тель-Авива. Премьер-министр Израиля М. Бегин выступил 15 июля 1980 г. со специальным заявлением в связи с «инициативой» Сообщества, где назвав это заявление и инициативу «мюнхенской капитуляцией», а ООП — «организацией убийств», заявил, что документ, принятый в Венеции, это попытка «вмешаться в статус нашей вечной и неделимой столицы Иерусалима, как и в наше право создать Эрец Израиль и там жить»¹⁹⁵.

То, как мало тяготился Израиль мнением Западной Европы и ее заявлениями стало ясно позже, когда 30 июля 1980 г. кнессет конституционно аннексировал оккупированную с 1967 г. восточную часть Иерусалима.

После этого события, всколыхнувшего не только мусульманские народы, специалисты по Ближнему Востоку в МИД ФРГ больше не пытали иллюзий насчет будущих отношений с премьер-министром Бегоном. «Приближается конец правительственной коалиции, которую удерживает от развала только страх перед новыми выборами, — говорилось в конфиденциальном документе МИД. — До выборов следует рассчитывать на то, что Израиль будет придерживаться своей бескомпромиссной позиции»¹⁹⁶. Почти также бескомпромиссно расценивал Бегина и проводимую его правительством политику федеральный канцлер Г. Шмидт: «Этот человек представляет собой угрозу для мира». Шмидт, считая, что «конфликт из-за Палестины» является опаснейшим из всех очагов кризисов, заявил, что, «то, что сделал глава израильского правительства опасно. Сердце обливается кровью при виде того, как один человек в состоянии обресть на гибель нацию, которая за всю новейшую историю впервые имеет свою собствен-

ную территорию, сказал канцлер. Хуже всего то, что Бегин не побойлся применить атомную бомбу»¹⁰⁷. И уже по одному этому канцлер не хочет воспользоваться приглашением, которое он получил от израильского правительства. Представитель канцлера заявил, что Шмидт не поедет в Израиль до тех пор, пока Бегин находится на своем посту. Министр иностранных дел Г.-Д. Геншер также не собирался посещать Израиль в ближайшем будущем.

В ФРГ разрабатывались теоретические работы, обосновывающие отход от применения термина «особые отношения» с Израилем и выдвигали на первый план «нормальный характер» отношений между странами. Израильской стороне разъяснялось, что различие во мнениях и западногерманская критика политики Израиля должна рассматриваться в «духе полного доверия и сотрудничества». Тель-Авиву предлагалось прислушаться к аргументам ФРГ, потому что Федеративная Республика своей ближневосточной политикой не хочет ничего другого, как «содействовать тому, чтобы мирный процесс на Ближнем Востоке, который возглавлен Кэмп-Дэвидом, содействовал цели разрушения глубокого недоверия между Израилем и его арабскими соседями», — говорилось например в докладе государственного министра МИД ФРГ Х. Хамп-Брюхер «Особые отношения между Германией и Израилем — перспектива на 80-е гг.», прочитанного на совместной немецко-израильской конференции в Бонне¹⁰⁸.

В ФРГ все менее понятны, как пишет У. Штайнбах, иррациональные элементы политики Израиля, такие как «максималистские сионистские требования (Иудея и Самария как часть «Земли обетованной»), религиозная романтика и проклятый «страх нападения» (комплекс Мосады). Автор обеспокоен тем, что именно вследствие этой ветеранности Израиля, судьба палестинского народа и Палестины находят все большее внимание и признание в ФРГ¹⁰⁹. Практика израильской оккупационной политики, военные нападения на соседние арабские государства (Ливан, бомбардировка ядерного реактора в Ираке), аннексия Иерусалима неприятно поражали федеральное правительство ФРГ.

Начало 80-х гг. ознаменовалось для ближневосточной политики ФРГ появлением довольно-таки серьезных изменений в ее позиции по отношению к сторонам арабо-израильского конфликта. Однако эти изменения не являлись следствием каких-то внутривнутренних перемен в Западной Германии или относились к самой сути арабо-израильского конфликта. Основная причина заключалась в том, что ФРГ, действуя в русле атлантической солидарности, поддержала президента Дж. Картера в его попытках подчинить Ближний Восток политике США, превратить его в зону американского влияния, основанного на военном и экономи-

ческом вмешательстве в дела стран региона. Эти попытки Соединенные Штаты пытались осуществить под прикрытием тезиса о «советской угрозе» нефтяным источникам в Персидском Заливе.

Федеральное правительство активно подключилось к этой пропагандистской антисоветской кампании. Обвиняя СССР в проведении целенаправленной экспансионистской политики, в вмешательстве в дела Южного Йемена, в разжигании войны в Ливане, вторжении в Афганистан, в предоставлении в разных формах вооружения сторонам назвавшейся иракско-иранской войны, в защите интервенции Ливии в Чад, в его требованиях к террористической деятельности ООП и к нефтедобывающим странам — использовать нефть в качестве оружия в отношениях с Западом, т. е. во всех ближневосточных грехах, в ФРГ считали, что Советский Союз намерен свои потребности в импорте нефти достичь «колоннальным путем»¹¹⁰. Существование арабо-израильского конфликта, перснность палестинской проблемы по мнению Бонна, давало Советскому Союзу новые возможности и распространению своего влияния косвенным путем или «прямой интервенцией», а это представляло для Запада еще большую опасность, чем само существование только арабо-израильского конфликта, который необходимо быстро урегулировать без участия СССР¹¹¹. ФРГ было едино с США в том, что сильный Израиль является гарантией некоторого «ограничения влияния СССР» в регионе, однако в то же время считали, что именно отсутствие всякого прогресса по палестинской проблеме мешало большинству арабских стран сплотиться и сосредоточить свои усилия на противодействии советскому присутствию в Афганистане. Канцлер ФРГ Шмидт особо подчеркивал этот момент, считая, что первостепенное значение для ближневосточной политики ФРГ является поддержка исламских стран в их политике против СССР, чему мешала неурегулированность вопроса о Палестине¹¹². В этом была, по мнению большинства западногерманских политиков, ошибка США, не учитывающих политическую силу ислама и вовремя не переоценивших свои позиции к арабскому и исламскому миру.

Если в 70-е гг. ФРГ выступала против того, чтобы глобальное противостояние Запад—Восток переносилось и на третий мир (и Ближний Восток в особенности), то в начале 80-х гг. ФРГ, выдвигая на первый план «советскую угрозу» нефтеобеспечению Западной Европы и Японии, решила выступать на политическом уровне за приравнивание в стратегическом аспекте Западной Европы и Ближнего и Среднего Востока. И все действия союзных с ФРГ держав рассматривать в общем спектре отношений Запад—Восток¹¹³. И если раньше ФРГ подвергалась критике чрезмерно большое внимание, как ей казалось, которое удё-

ляют США Ближнему Востоку, то сейчас поддерживала отход Вашингтона от евроцентристской внешней политики в пользу более глобально ориентированной политики на Ближнем Востоке. Федеративная Республика Германии активно поддержала стремление США выработать совместную стратегическую политику Запада на Ближнем Востоке, считая, что Соединенные Штаты не должны «остаться одни против СССР» в регионе, поскольку там решается вопрос «безопасности Запада».

Правящие круги ФРГ были обеспокоены тем, что в регионе в любое время может вспыхнуть кризис, который «потрясет наше общество до полного развала», как писал директор Института Немецкого общества внешней политики профессор К. Кайзер, а в Западной Германии при этом еще «институционно не подготовили меры предосторожности», планирования и межгосударственную систему сотрудничества с союзниками¹¹⁴. То есть в ФРГ хотели законодательно утвердить вмешательство в дела региона в случае непредвиденных кризисов, что вызвало бы естественно негативную реакцию даже дружественных стран Ближнего Востока. Вместе с тем Западная Германия не решилась отказаться от соучастия в делах региона. В военно-политическом плане это выразилось главным образом в том, что Бонн согласился с тем, что военное присутствие Запада на Ближнем Востоке было признано необходимым для сохранения возможностей ограничения вероятного военного конфликта на Ближнем Востоке и предотвращения его автоматического распространения на Европу¹¹⁵. Для этого необходимо иметь ударную группировку, которая до подключения дислоцированных в ФРГ вооруженных сил могла бы предотвратить конфликт или послужить весомым фактором в политическом плане. Вместе с тем правительства Западной Европы, в том числе ФРГ, опасались, что военное присутствие Запада в регионе даже по просьбе местных правительств для общественности будет означать «восстановление империализма канонерок», однако отказаться от этого не могли, так как считали, что отказ приведет к общему краху Запада. Поэтому теоретически обосновывалась необходимость коллективного решения и ответственности не только вооруженного участия США, Франции и Англии на Ближнем Востоке, но и значительное соучастие ФРГ, которая по ряду внешних и внутренних причин не может играть военную роль в регионе¹¹⁶. Признавая западную интервенционную деятельность на Ближнем Востоке, ФРГ выразила пожелание «разделением труда» содействовать этой акции. Это выразилось прежде всего в том, что Бонн во-первых, должен был взять на себя повышенные военные обязательства в Европе, заменив американские войска, которые должны были быть посланы на Ближний Восток; во-вторых, финансовым вкладом взять на себя пе-

которую часть затрат в связи с присутствием вооруженных сил своих союзников в регионе; в-третьих, значительно увеличить свою финансово-экономическую и военную помощь Турции, Пакистану и Египту,—«опоре Запада» в регионе¹¹⁷. ФРГ не бросила США на произвол судьбы, с удовлетворением отмечали в Соединенных Штатах¹¹⁸. В совместном американо-западногерманском заявлении об итогах визита канцлера Шмидта в Вашингтон было выражено полное одобрение ближневосточного курса США¹¹⁹.

Федеративная Республика, экономическая мощь и политическое влияние которой в мире в начале 80-х гг. значительно возросли, учитывала и свои собственные интересы на Ближнем Востоке. В ФРГ считали, что в 80-е гг. страна должна уделять арабскому миру несравнимо больше внимания, чем раньше, поскольку он превратился в решающий фактор в регионе. Выражая интересы определенных промышленных кругов, многие политики не рекомендовали беспрекословно следовать линии Вашингтона, а самим активно выступать с собственным политическим лицом на Ближнем Востоке, попытаться занять более прочные позиции, чем раньше и не прикрываться в проведении политики совместными заявлениями и инициативами в рамках международных союзов и организаций. Для этого, ввиду процессов новых изменений и нестабильности в регионе, правительству рекомендовалось войти в связь и установить тесные отношения с новыми политическими силами в регионе¹²⁰. Вместе с тем, учитывая и тот факт, что военное присутствие США на Ближнем Востоке является попыткой под «антисоветский шумок» взять под контроль источники энергетического обеспечения Западной Европы и Японии и таким образом получить новые средства давления на них, а также и помешать развитию опасной для американских монополий конкурентной силы этих стран в Европе выступили за расширение сотрудничества ЕЭС на Ближнем Востоке. ФРГ в ЕЭС поддерживала необходимость укрепления экономических связей с арабскими странами, особенно теми, у которых американское правительство вообще не находит признания. Правящими кругами Западной Европы преследовалась цель не дать этим странам, а особенно Сирии, выйти из мирового капиталистического хозяйства. В конкурентной борьбе ФРГ легче было выступать под прикрытием сообщества, чем одной против США или Японии. Бывший федеральный министр Э. Эпплер в книге «Выход из опасности» писал, что западногерманская политика должна и впредь оставаться европейской и атлантической, но «европейская рубашка должна ей быть ближе, чем атлантические штаны. Практически это означает: там, где есть различия между Францией и США в вопросах Ближнего Востока, наше место, как

правило, должно быть на стороне французов», — настаивает Эпплер. В 80-е гг., подчеркивает он, внешняя политика ФРГ должна быть прежде всего западноевропейской¹²¹.

Федеративное правительство выступало на официальном уровне против исключительных отношений ЕЭС с арабскими странами, которые могли быть рассмотрены как попытка «вытеснить США» на Ближнем Востоке в политической и экономической сферах. Причем ведущие специалисты ФРГ советовали правительству не ставить более в центре ближневосточной политики Западной Германии отношение к арабо-израильскому конфликту, тем более, что в арабском мире глубоко сидит представление, что он выражает борьбу арабов против сионизма и империализма и любые отношения ФРГ с Израилем рассматриваются как антиарабские¹²². Вместе с тем звучали призывы сломать «ловесную оболочку «сбалансированности» и привести ее к конкретной действительной политической концепции, на основе которой легче будет претворять в жизнь морально-идеологические, политические и экономические цели и интересы. Политологи ФРГ призывали отказаться от чисто отражательного характера позиции ФРГ в отношении арабо-израильского конфликта, когда ФРГ была лишь наблюдателем и реагировала только после того или иного события на Ближнем Востоке¹²³. В Западной Германии уже все чаще и чаще раздавались голоса недовольства израильским правительством, которое любой политический шаг ФРГ, направленный на установление лучших отношений с арабскими странами, воспринимало как враждебный. Еще более обострились отношения Бонна с Тель-Авивом после, как охарактеризовал его один политический наблюдатель, «несчастливого визита» канцлера Г. Шмидта в Саудовскую Аравию в апреле 1981 г., который должен был послужить пороком, перешагнув который Бонн не только перестроил бы свое отношение к арабам и следовательно и свои отношения с Тель-Авивом, как и всю позицию в отношении сторон арабо-израильского конфликта.

В ходе визита Шмидта в Эр-Риад с саудовской стороны было высказано пожелание приобрести в Западной Германии 300 танков «Леопард-2» и 2700 бронетранспортеров и самоходных зенитных установок и запасные части к ним. Канцлер Шмидт дал предварительное согласие на просьбу Саудовской Аравии, что вызвало бурю возмущения в Израиле и международных сионистских кругах, чрезвычайно резкую критику со стороны М. Бегина¹²⁴. Федеральное правительство опять стало перед дилеммой: арабы или Израиль. Обе стороны требовали у Бонна однозначного выступления на их стороне. Но в данном случае стремление ФРГ усилить свое политическое присутствие в регионе, не передавать в руки других западных держав такую благоприятную

возможность укрепить свои позиции в Саудовской Аравии и странах Персидского Залива, казалось, будет решающим. Влиятельные промышленные круги ФРГ во главе с концерном Флика, на чьих заводах производились танки «Леопард», все парламентские фракции высказались за удовлетворение пожеланий Эр-Рида¹²⁶. В ответ на заявления израильского правительства, что Боин вооружая арабов, строит свои отношения с арабским миром за счет угрозы существованию Израиля, канцлер ФРГ Г. Шмидт выдвинул свое обоснование причин, побудивших его согласиться и удовлетворить просьбу саудовцев. Заявляя, что существует «прямая зависимость безопасности ФРГ» от положения на Ближнем Востоке, канцлер подчеркнул жизненно важное значение региона, на который непременно должны распространяться интересы страны. Манипулируя лозунгом «советской угрозы» этим интересам ФРГ, канцлер обрисовал картину «окружения Саудовской Аравии врагами»: она мол со всех сторон обложена просоветскими режимами, угрожающими существованию Саудовской Аравии¹²⁶. И в этих условиях для саудовцев Израиль не играет уже той роли, которую надо опасаться, поскольку «продвижение коммунизма и иранская угроза» представляют для Эр-Рида большую опасность. Канцлер убеждал израильское правительство, что Саудовская Аравия дала слово не применять западногерманское оружие против Израиля¹²⁷. Г. Шмидт призывал подходить дифференцированно к арабским странам: «не стричь их всех под одну гребенку». Это относилось и к палестинцам.

После визита канцлера ФРГ в Саудовскую Аравию наблюдается появление новых нюансов в отношении Федеративной Республики к ООП. Не изменяя прежний постулат, что официальная позиция к ООП будет согласована с позицией, которую займет ООП в отношении права государства Израиль на существование в безопасных и признанных границах, канцлер предложил Западу внимательнее присмотреться к ООП и не видеть в ней только «организацию террористов», а объединение «под одной крышей» различных организаций и групп. Дифференцированный подход к Организации освобождения Палестины, по его мнению, содействует изменению курса этой организации, а в противном случае получится, что Запад сам «бросает ООП в руки Москвы»¹²⁸. Выступая по телевидению ФРГ канцлер Гельмут Шмидт заявил, что израильтяне в один день должны будут признать, что и палестинцы имеют право заботиться о своей собственной судьбе, о том, кто их должен представлять. И никто иной не имеет право решить этот вопрос—только они сами. Канцлер отметил, что палестинцы имеют право на создание «собственной государственной организации» и тоже, в свою очередь, должны будут в один день признать, что израильтяне, как и любой другой народ

мира, имеют право жить в государстве с признанными и безопасными границами¹²⁹.

На прениях в бундестаге, посвященных ближневосточной политике ФРГ, канцлер Шмидт, отмечая неудовлетворительный ход и окончание переговоров по «автономии» между Египтом и Израилем, подчеркнул необходимость участия палестинцев в переговорах по урегулированию, а его партийный коллега Вишневецки заявил, что арабо-израильский конфликт нельзя будет решить без признания права палестинцев на самоопределение. Вишневецки, выражая точку зрения фракции СДПГ подчеркнул, что ООП — важный фактор в арабо-израильском конфликте¹³⁰. Естественно, оппозиция обвинила правительство ФРГ в том, что оно бросило на произвол судьбы Кэмп-Дэвид и значительно «подняло акции ООП, которая торпедирует мирный договор». Представитель фракции ХДС/ХСС Вернер категорически отверг любые возможные в будущем контакты правительства с ООП, тем более официальные переговоры. Председатель фракции оппозиции в бундестаге Г. Коль считал, что необходимо укреплять дружбу с Израилем и не отходить от общей концепции Запада в отношении арабо-израильского конфликта, в то время как ФРГ то и делает, что выступает как конкурент США на Ближнем Востоке¹³¹. Оппозиция отвергала какую-либо независимость политики ФРГ от ближневосточной политики США и требовала поддержать требования Вашингтона о расширении радиуса действий НАТО и на Ближний Восток¹³².

Ссылаясь на «советскую военную угрозу» министры обороны НАТО на заседании в Брюсселе (март 1982 г.) единодушно согласились принять требование администрации нового президента США Р. Рейгана о расширении зоны военных операций НАТО¹³³. Одновременно в Бонне готовилось еще одно решение милитаристского характера: разрешить западногерманским военным концернам распространить свое поле деятельности и за пределами зоны НАТО, поскольку существовавшее конституционное запрещение продавать оружие в «зоны напряженности» значительно ограничивало экспорт оружия. В этих целях, например, Ближний Восток был объявлен зоной «жизненно важных интересов» ФРГ. Концерны по производству вооружения ФРГ ранее искусно обходили запреты на экспорт оружия, но в связи с крупной заявкой Саудовской Аравии встала необходимость законодательно обосновать эту продажу. Западногерманским монополиям военные поставки, как справедливо пишет А. Дудаев, не только обеспечивают высокие прибыли, но и дают возможность привязать государства-получатели оружия от ФРГ. Кроме того поставки оружия ФРГ в страны Ближнего Востока способствуют еще большей дестабилизации политической ситуации в регионе¹³⁴.

Наглядный пример этому—продажа в большом количестве оружия обеим сторонам ирако-иранского конфликта¹³⁵.

Ирако-иранская война, начавшаяся в сентябре 1980 г., отрицательно отразилась на межарабских отношениях, усилила раскол в арабском мире, ослабила борьбу стран региона против политических маневров, направленных на урегулирование ближневосточного конфликта по американско-израильской схеме, явилась поводом, позволившим легитимизировать постоянное присутствие США в регионе. ФРГ заявила о своем нейтралитете в ирако-иранской войне и предложила сторонам прекратить военные действия¹³⁶. Особое внимание этому конфликту уделялось и по другой причине, которая всячески поддерживалась правительством ФРГ. В Бонне рассматривали войну между Ираком и Ираном как возможный повод для введения советских войск из Афганистана в зону Персидского залива, а поэтому стремились сколотить политический блок с арабскими странами Залива и Пакистаном, для «спасения их от коммунистической угрозы». Саудовская Аравия очень активно выступала за политическое проникновение и присутствие ФРГ в регионе¹³⁷, предполагая в ФРГ найти альтернативу явно произраильской политике США на Ближнем Востоке.

Ближневосточная политика ФРГ в конце 70-х—начале 80-х гг. резко активизируется. Ближний Восток, важный для ФРГ как поставщик сырья (в основном нефти) рассматривался в этот период уже как зона «жизненных интересов» Федеративной Республики. Пытаясь играть роль политического посредника между конфликтующими сторонами арабо—израильского противостояния, Западная Германия тонко приспосабливалась к возникшим в регионе проблемам. ФРГ пошла на расширение и углубление своих отношений с арабскими странами, перестроив свою политику и приспособившись к ситуации, сложившейся после кэмп-дэвидских договоров. С целью вывода Кэмп-Дэвид из тупика, а также преследуя собственные интересы, ФРГ получала значительный политический выигрыш в умеренных арабских странах участием в «европейской инициативе» ЕЭС. Являясь формой прикрытия политико-экономического проникновения самой Западной Европы в страны региона, «инициатива» справедливо была охарактеризована арабскими кругами широкой кэмп-дэвидских соглашений. Официальная критика как со стороны ФРГ, так и ЕЭС, аннексионистской политики Израиля на оккупированных арабских землях, являлась более чем формальностью. Если в марте 1982 г. ЕЭС осудило насилие и преследования израильскими властями демократично избранных мэров городов на оккупированной территории¹³⁸, а ранее заявляло о своем несогласии ни с какими односторонними инициативами, призванными изменить статус Иерусалима, то в

январе 1982 г. политический комитет Европейского совета большинством голосов принял резолюцию о проведении своего очередного заседания 17 мая в Иерусалиме, провозглашенного кнессетом «вечной и неделимой» столицей Израиля. Представитель ФРГ проголосовал за это решение. Этот шаг явился одобрением и поощрением экспансионистских устремлений Израиля. Как писал Ю. Глухов, западноевропейцы выдали Израилю индульгенцию об «отсутствии грехов»¹²⁵.

Политика ФРГ в сфере внешнеэкономической экспансии в арабских странах в этот период характеризуется большими достижениями. Если в 1978 г. экспорт ФРГ в арабские страны достигал 15,9 млрд. марок, то в 1981 г. ФРГ экспортировала в арабские страны товаров на сумму 29,387 млрд. марок¹²⁶. И если не учитывать экспорт оружия главными конкурентами Западной Германии на Ближнем Востоке — США, Францией, Англией, то ФРГ оказывается самым крупным торговым партнером арабских стран. Это вело к укреплению политических позиций ФРГ в регионе.

Двойственный, непоследовательный характер политики ФРГ на Ближнем Востоке связан с тем, что федеральному правительству пришлось столкнуться с комплексом противодействующих факторов: с одной стороны, лояльность к Вашингтону и тесные связи с Израилем, с другой — необходимость во избежание политических и экономических санкций нефтедобывающих стран учитывать интересы арабских государств, а также позицию партнеров по ЕЭС¹²⁷. Непоследовательность характерна и в отношении федерального правительства и палестинскому народу и Организации освобождения Палестины. Причем знаменательно то, что в 1982 г. ФРГ пытается найти брешь в организации и стремится к политике, направленной на раскол ООП. Эту политику ФРГ начала после визита канцлера Г. Шмидта в Саудовскую Аравию. Являясь проводником американской политики в тех странах Ближнего Востока, где США не пользуются влиянием, ФРГ всячески пыталась сблизить их с антиизраильского курса, вовлечь в так называемый «мирный компромиссный процесс». Переговоры ФРГ с Саудовской Аравией, т. е. противной Израилю стороной в арабо-израильском конфликте, о продаже оружия являлись свидетельством поворота от «сбалансированности» в отношении сторон. И хотя продажа оружия арабам, в данном случае саудовцам, прикрывалась лозунгом «советской угрозы» Саудовской Аравии, это все равно означало резкий отход от прямой поддержки Израиля, резкую переориентацию ближневосточного курса ФРГ, не в ущерб, конечно, безопасности Израиля. Объявление Саудовской Аравии «главным другом» ФРГ в регионе диктовалось национальными интересами Западной Германии, заинтересованной в укреплении двухсторонних отношений с самым крупным поставщиком нефти.

§ 2. ПОЗИЦИЯ ФРГ В ПЕРИОД ИЗРАИЛЬСКОМ АГРЕССИИ В ЛИВАНЕ В 1982 Г.

В 1975 г. в Ливане началась гражданская война, которую западногерманские средства массовой информации пытались представить как войну религиозную между христианами и мусульманами, не учитывая глубоких социально-экономических и политических предпосылок возникновения этого конфликта.

Израиль в 70-е гг. неоднократно нарушал суверенитет Ливана, провоцировал военные конфликты, нападая на ливанские и сирийские войска, совершал бомбардировки Ливана и убийства палестинских деятелей. Получив в результате кэмп-дэвидских соглашений безопасный тыл на юге со стороны Египта, Израиль продолжал безнаказанно нападения на юге Ливана. Прямая связь между Кэмп-Дэвидом и перманентной израильской агрессией на юге Ливана в конце 70—начале 80-х гг. была очевидна¹⁴². В марте 1978 г. премьер-министр Израиля Бегин через свою военную миссию в Каире поставил президента Египта Садата в известность о намерении Израиля совершить крупную военную интервенцию на юге Ливана, чтобы уничтожить ООП. Садат не высказал никаких возражений¹⁴³.

14 марта 1978 г. израильские войска численностью в 35 тыс. человек напали на Ливан и оккупировали южную часть страны до реки Литани. 19 марта 1978 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 425, в которой призвал Израиль прекратить военные действия и немедленно вывести свои войска с захваченной территории суверенного государства. По требованию ливанского правительства было также принято решение о направлении сил ООН по поддержанию мира на юге страны.

Правительство ФРГ с вниманием наблюдало с самого начала гражданской войны за событиями в Ливане. Официальные деятели ФРГ всегда подчеркивали, что признают только власть президента Ливана и осуждают все попытки политических партий, направленных на раскол страны. Война в Ливане, по мнению Бонна, чрезвычайно обострила ближневосточный конфликт и осложнила пути его решения. Федеральное правительство апеллировало к воюющим сторонам прекратить вооруженное противостояние, принесшее большие жертвы среди гражданского населения. ФРГ приветствовала результаты совещания в верхах арабских стран в Каире и Эр-Риаде, считая, что именно эти взаимные коллективные усилия самих арабов должны будут содействовать прекращению гражданской войны в Ливане. В такой форме Федеративная Республика дала положительную оценку решению общеарабского форума о вводе сирийских войск в Ливан. Западногерманское правительство считает события в Ливане следстви-

ем и неотъемлемой частью арабо-израильского конфликта и не раз отмечало, что начало этой войны прямо связано с неурегулированностью палестинского вопроса¹⁴⁴.

Интервенция Израиля в Ливан в марте 1978 г., как бы израильское правительство не оправдывало свои действия, не нашла понимания и одобрения со стороны Бонна. ФРГ выступила за вывод израильских войск с оккупированных ливанских территорий. Будучи в это время страной, председательствующей в Европейском экономическом сообществе, ФРГ от имени ЕЭС распространила заявление о Ливане, в котором призывала Израиль остановить военные действия и вывести войска. Западногерманский посол встретился с президентом Ливана Н. Саркисом, который одобрил заявление ЕЭС¹⁴⁵.

Федеральный секретарь СДПГ Э. Бар выразил беспокойство в связи с новым обострением ближневосточного конфликта. Он осудил военные действия Израиля против палестинцев на юге Ливана, назвав их «чрезмерными». Этим шагом, по мнению СДПГ, Израиль лишь затормозил процесс мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Характеризуя действия ООП, Э. Бар отметил, что они диктуются «страхом за свое существование». Федеральный секретарь выражал понимание таких действий ООП (оборонительные бои против израильских агрессоров—А. М.) через лицом бескомпромиссной негативной позиции Израиля по отношению к палестинцам¹⁴⁶.

Израиль был вынужден вывести свои войска из Ливана, однако передал правохристианской марionеточной армии майора Хаддада ключевые позиции в Южном Ливане, сохранив тем самым плацдарм для новых агрессий.

Республика Ливан продолжала оставаться объектом агрессивных действий израильской армии и в течение 1978—1982 гг. ФРГ после каждого акта агрессии и нарушения суверенитета Ливана выступала с осуждающими израильские действия заявлениями, носящими формальный характер. Эти заявления были настолько обтекаемы и нетребовательны, что Тель-Авив не считал нужным даже реагировать на них. Хотя, как отмечалось выше, израильское правительство довольно ревностно и непримиримо относилось к любой критике в свой адрес со стороны ФРГ. В этот период Западная Германия поддержала ряд заявлений ЕЭС, выступая в поддержку независимости, суверенитета и территориальной целостности Ливана. Члены Сообщества выражали сожаление по поводу «любых действий, способных нанести ущерб безопасности населения и создающих препятствия восстановлению власти ливанского правительства на всей территории страны, и, в частности на Юге». Страны-члены Сообщества в заявлениях отмечали свою серьезную озабоченность

теми трудностями, с которыми сталкиваются при осуществлении своей миссии в Ливане временные силы ООН, в состав которых входили и контингенты некоторых стран-членов ЕЭС¹⁴⁷.

Смерть президента Египта А. Садата, встревожила Бонн, где опасались, как бы новый президент Х. Мубарак не отошел от кэмп-дэвидской политики своего предшественника. Вместе с тем канцлер ФРГ Г. Шмидт призвал руководство Израиля со своей стороны подтвердить обговоренные ранее пункты кэмп-дэвидского договора¹⁴⁸.

Израиль совершил в сроки уход с Синайского полуострова. Канцлер ФРГ Шмидт выступил со специальным заявлением по этому поводу, охарактеризовав этот шаг как «новую страницу в книге длинных историй Египта и Израиля, новую главу прочного мира, безопасности и сотрудничества между обоими народами». Выражая свои симпатии израильскому народу, который в «жесткой борьбе за свое существование доказал свою дальновидность и волю к миру», канцлер воздавал должное и народу Египта¹⁴⁹.

Вторжение в Ливан израильской армии началось 6 июня 1982 г. Американская поддержка агрессии Израиля против Ливана проходила без всякого согласования и независимо от западноевропейских союзников. США пытались добиться выгодных политических изменений в арабском мире, и, в частности в Ливане, в первую очередь для себя. И, как отмечает советский историк Я. Г. Бронин, Западная Европа оказалась в данном случае лишь в роли немого свидетеля, который был поставлен перед свершившимся, противоречащим ее коренным интересам фактом. Более того, от западноевропейских стран постоянно требовалось со стороны США последующей санкции этих фактов по инии «атлантической солидарности»¹⁵⁰. Необходимо отметить, что израильским правительством был тонко рассчитан срок нападения на Ливан. Западноевропейские страны уже могли не опасаться эффективного использования нефтяного бойкота арабскими странами, так как это было в 1973 г. по ряду экономических и политических причин. И этот фактор оказал значительное влияние на официальную позицию ряда стран Западной Европы и в первую очередь ФРГ, которая вследствие своей зависимости от нефти из арабских стран могла принять относительно «строгое заявление» о израильской агрессии.

Начало вторжения в Ливан израильских войск совпало с окончанием версальской встречи семи руководителей правительств и государств ведущих капиталистических стран (США, Англия, Франция, ФРГ, Япония, Канада, Италия) и представителей ЕЭС. В заявлении относительно вооруженной интервенции выражалась «обеспокоенность» сообщениями из Ливана и ли-

авно-израильской границы, событиями, которые могут иметь катастрофические последствия для всего региона. Семь руководителей крупнейших капиталистических государств, в числе которых был и канцлер ФРГ Шмидт, во главе с президентом США Р. Рейганом выразили «глубокое беспокойство» из-за последствий «нового цикла насилия» территориальному единству, независимости и суверенитету Ливана и потребовали у всех участников конфликта немедленного и одновременного окончания всех военных действий в Ливане и ливано-израильской границе¹⁵¹. Как видно из заявления, оно ни словом не осуждает израильское вторжение на территорию суверенного государства, члена ООН, и более того—сам факт агрессии даже не зафиксирован в нем. Страны-члены ЕЭС в своем отдельном заявлении к положению в Ливане уже «решительно осудили новое вторжение Израиля в Ливан». Как и предшествующие бомбардировки, которые вызвали большие жертвы, это вторжение явилось, по мнению Сообщества, «вопиющим по ранней прав народа, как и элементарных гуманитарных основ». Кроме того, оно угрожает усилиям мирного урегулирования ближневосточного конфликта и несет в себе непосредственную опасность перейти во всеобщий конфликт, говорилось в заявлении. Десять членов ЕЭС подтвердили свои выступления за мир в регионе, за независимость, суверенитет и национальное единство Ливана. Они потребовали, «в особенности у Израиля», беспрекословного подчинения резолюциям № 508 и 509 Совета Безопасности ООН и безотлагательного и безусловного вывода войск из Ливана. Заявление ЕЭС завершилось требованием ввода войск ООН в Ливан. Таким образом, Западная Европа формально не выступила с поддержкой израильской агрессии и осудила ее.

На третий день «пятой арабо-израильской войны» западногерманский парламент обсуждал положение в Ливане. Представители трех фракций комиссии по иностранным делам бундестага выработали требования для восстановления мира в Ливане: отвод израильских войск и прекращение палестинских нападений на Израиль. В этом была суть рекомендации-решения комиссии по иностранным делам, проект которой был выдвинут на обсуждение в бундестаге. Вместе с тем комиссия считала, что присутствие американских вооруженных сил на Ближнем Востоке—необходимость, так как «они—в противоположность Советскому Союзу—заботились о миротворческой роли»¹⁵². Превознося роль американского посла Ф. Хабиба в прекращении огня в Ливане, депутат от фракции ХДС/ХСС Клайн считал, что Тель-Авиву не надо ставить под угрозу кэмп-дэвидский процесс, а использовать создавшуюся благоприятную возможность для создания второй, наряду с Египтом, безопасной границы. Ведь отвод израильских

войск с Синая явился доказательством того, заявил депутат, что Израиль и «в тяжелой ситуации готов восстановить основы безопасности завоеванной страны, если есть гарантии его границам». Под вопрос не ставится «право» Тел-Авива на завоевание чужих территорий, а «восстановление безопасности» (т. е. вывод войск с Синая) преподносится как величайшее благо и одолжение со стороны Израиля. Фракция ХДС/ХСС не осуждала израильское нападение на Ливан, а лишь дружески предупредила, что безопасность Израиля не может быть достигнута только военными средствами. Современное противостояние является, по мнению фракции, хорошей возможностью для увеличения числа друзей среди арабов¹⁵². Оппозиция, как видим, предлагала израильскому правительству договор типа кэмп-дэвидского. Представители оппозиционного блока обвиняли Сирию в оккупации севера Ливана. Некоторые из них, оправдывая агрессию Израиля, называли ее «санитарным актом» против палестинцев, нападающих с территории Ливана на израильские поселения¹⁵³.

Социал-демократическая партия Германии не подвергла резкой критике израильскую агрессию. Осуждение интервенции в Ливане было оформлено теми же словами, что и осуждение действий политических и военных организаций палестинцев, ведущих вооруженную борьбу. Депутат от СДПГ Зюль заявил, что «создается впечатление, что Израиль в Ливане абсолютизирует свои интересы безопасности... Представитель СДПГ в комиссии по иностранным делам Зюль требовал от федерального правительства выступить совместно со своими партнерами по ЕЭС и НАТО за вывод израильских войск за ливано-израильскую границу и «прекращения палестинского обстрела израильских поселений и дальнейших актов насилия против Израиля». Действия израильских и сирийских войск в Ливане были им приравнены друг к другу, хотя членам комиссии бундестага по иностранным делам не могло быть неизвестно, с какой целью и когда были введены войска Сирии в Ливан по просьбе самого ливанского правительства. Социал-демократы выступили за введение войск ООН на юг Ливана и распространения их контроля вплоть до реки Литани, чтобы этим самым не дать возможности ни палестинцам и ни израильтянам использовать Южный Ливан как военную базу для нападений¹⁵⁴.

Против такой постановки вопроса выступила фракция Свободной демократической партии в бундестаге. По ее мнению, располагать войска ООН у границы для создания буфера—«глупость», поскольку эти войска при израильском вторжении вынуждены будут отходить в сторону, чтобы пропустить израильскую армию. Либералы предлагали коренной пересмотр израильско-ливанских отношений, соглашаясь с оппозицией—граница Ливана

с Израилем должна стать такой же, как и египетско-израильская граница. То есть безопасность должна быть достигнута путем соглашения по примеру кэмп-дэвидского. Депутат СвДП Шэфер резко критиковал непримиримую политику израильского правительства, которое пошло на обострение арабо-израильского конфликта, развязав войну с Ливаном. Он осудил и выступления министра обороны Израиля генерала Шарона, который заявил, что имеется намерение политического и военного уничтожения палестинцев в ООП в Ливане. Шэфер, посетивший в апреле 1982 г. израильско-ливанскую границу свидетельствовал, что по мнению самих израильских пограничников, палестинцы не нападают уже на территорию Израиля после соглашения с ним американского посла Ф. Хабиба. Шэфер обвинил Израиль в том, что его армия нападает и подвергает обстрелу не только палестинские военные посты, но и гражданские объекты. Выступление либералов в бундестаге и против американского вето в Совете Безопасности не должно восприниматься как осуждение США, а критика Израиля, как действительное осуждение агрессора. Отмечая бессмысленность военных методов решения арабо-израильского конфликта, фракция СвДП хотела подчеркнуть возможность использования политических переговоров для привлечения Ливана к кэмп-дэвидским переговорам¹⁸⁶. Вероятно, позиция СвДП была в некоторой мере связана с начавшимися разногласиями среди двух партий правительственной коалиции. Кроме того относительно более критическое отношение к Израилю было продиктовано ситуацией, сложившейся вследствие недавнего визита в Израиль министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера¹⁸⁷. Ведь через два дня после его поездки в Тель-Авив, Израиль напал на Ливан. Этот факт вызвал недоумение не только в арабском мире, но и в самой Федеративной Республике. Обозреватели задавались вопросом, было ли Геншеру сообщено, что через два дня израильские войска вторгнутся в Ливан? И не означал ли визит Геншера в годовщину июньской агрессии 1967 г. в Израиль, что ФРГ первой делает шаг к сглаживанию создавшихся противоречий между ФРГ и Израилем? Визит Геншера в Израиль может рассматриваться и как свидетельство того, что СвДП не поддерживает политики канцлера Шмидта в отношении Израиля.

Правительство ФРГ выступило за вывод израильских войск и восстановление внутриванского консенсуса. Ливанский народ, как было заявлено официальным Бонном, должен иметь возможность развиваться по самостоятельному пути и сам решать вопрос о форме своего государства. Федеральное правительство призвало все ливанские партии и религиозные общины к консен-

сусу. Кроме призывов ФРГ направлена в Ливан продовольствие, товары первой необходимости и медикаменты на сумму около 7 млн. марок¹⁵⁰.

В период, когда израильтяне блокировали и обстреливали Западный Бейрут, страны-члены Атлантического блока по окончании сессии Совета НАТО в Бонне решили не публиковать письменного заявления по Ливану. Они лишь отметили, что с «большим вниманием» следят за развитием событий в Ливане и выразили «глубокое сожаление» по поводу многочисленных людских жертв среди гражданского населения. Совет НАТО ни словом не осудил действия Израиля в Ливане¹⁵¹.

Федеральное правительство было озабочено ролью, которую оно должно было играть в Брюсселе при определении позиции ЕЭС в отношении событий на Ближнем Востоке. Решение Совета ЕЭС было опубликовано 29 июня 1982 г. Почти каждое слово и предложение принималось после долгих споров. Члены ЕЭС при обсуждении заявления разделились на две группы, отдельную позицию заняла ФРГ. Сторонники «твердого и смелого» заявления подчеркивали право палестинцев на создание собственного государства и требовали внести это в текст (Франция, Греция, Ирландия). Представители Голландии, Бельгии и других стран оспаривали право ООП представлять палестинский народ. За компромиссную формулировку выступала ФРГ, занимавшая промежуточную позицию и по другим вопросам, вызывавшим разногласия. В результате чего в заявлении ЕЭС прозвучала именно эта формулировка ФРГ: безопасность, на которую Израиль имеет право, не может быть достигнута насилем и путем политики свершившихся фактов; он может достичь этой безопасности, если будут признаны справедливые требования палестинского народа на самоопределение со всем, что из этого вытекает. Конкретно не указывая, что является для палестинского народа формой окончательного выражения права на самоопределение, члены ЕЭС все же подтверждали, что ООП должна принять участие на переговорах при урегулировании конфликта. ЕЭС утвердила и палестинскому народу отказаться от насилия и достигать своих требований политическими средствами. Столь нейтральное заявление в дни осады Бейрута Израилем, когда палестинцы с оружием в руках вместе с ливанскими патриотами защищали свое право на жизнь и существование, является подтверждением того, что западноевропейские союзники США никогда не примут (и в первую очередь ФРГ не даст своего согласия) заявления по палестинской проблеме, отличного от общей линии США в этом вопросе.

В то время как мировая общественность осуждала военные действия Израиля в Ливане, члены Сообщества в долгих прениях решали, принять ли им выражение «решительное осуждение» в

адрес Израиля или нет. Без задержки было принято требование «немедленного отвода израильских войск с их позиций вокруг ливанской столицы», а целесообразность «одновременного вывода палестинских соединений из Западного Бейрута» обсуждалась долго: вывод куда? В лагерь беженцев в Ливане или за пределы Ливана, как этого добивались Израиль и США. В принятом варианте эта часть заявления звучала так: Десятка подтверждает свое решительное осуждение израильской интервенции в Ливане. Она кроме того озабочена положением в этой стране и особенно в Бейруте. ЕЭС считает, что немедленное прекращение огня должно быть достигнуто любой ценой. Это прекращение огня должно, с одной стороны, сопровождаться отходом израильских войск с позиций у ливанской столицы, а с другой — с одновременным выводом палестинских соединений из Западного Бейрута в соответствии с договоренностью между сторонами. Для облегчения этих выводов разделение войск будет контролироваться в течение короткого срока ливанскими войсками и, с согласия ливанского правительства, наблюдателями или вооруженными силами ООН¹⁰. В заявлении особо подчеркивалось, что для достижения окончательного мира в Ливане требуется полный и скорейший вывод израильских войск из этой страны как и вывод всех иностранных войск, исключая те, которые законно и временно присутствуют с согласия ливанского правительства. То есть члены ЕЭС не поддержали требования Израиля о выводе сирийских войск из Ливана.

Требование вывода палестинских вооруженных формирований из Ливана вместе с израильскими войсками ставило палестинцев на одну доску с агрессором. Кроме того присутствие палестинцев в Ливане определялось соглашением в Каире в 1969 г. и с согласия ливанского правительства. Комментируя решение ЕЭС, канцлер ФРГ Г. Шмидт отмечал, что Западная Германия будет выступать также и за вывод вообще всех иностранных войск из Ливана. (палестинских, израильских, сирийских и ООН). Однако, естественно, по его мнению, Европейское сообщество не хочет взять на себя роль мирового полицейского сообщества на Ближнем Востоке. Канцлер или мирового арбитра, тем более из Ближнего Востока отношения подчеркнул, что в результате израильской агрессии отношения ФРГ с Израилем ухудшились, а сам Израиль оказался, в известной мере, в международной изоляции¹¹.

Федеральное правительство в ряде своих аморфных заявлений, осуждающих Израиль, ссылалось на заявление ЕЭС от 20 июня 1982 г. Выступая за отказ от насилия и угрозы насилия и урегулировании арабо-израильского конфликта, Боли никогда не характеризовал Израиль как «агрессора». Из рассуждений официальных лиц ФРГ о создании климата доверия в регионе,

отказе от насилия и праве Израиля на существование в безопасных и признанных границах явно прослеживалась одна мысль: Израиль был вынужден напасть на Ливан и жаль, что при этом кроме палестинских вооруженных отрядов пострадало и гражданское население. Если бы Израиль жил в безопасных и признанных арабами границах, то, естественно, не было бы и никакой интервенции.

Во время поездки министра иностранных дел ФРГ Геншера в июле 1982 г. в Иорданию и Египет им было заявлено, что Израиль безопасность получит лишь тогда, когда будет учтено и справедливое право палестинского народа на самоопределение. Однако осуществление прав палестинцев в свете израильской агрессии в Ливане, по мнению ФРГ, стало еще труднее. Западная Германия, считал Геншер, должна будет подумать об «уточнении» своей позиции в вопросе о праве палестинцев на самоопределение¹⁶². Какой новой трактовке подвергнется право палестинцев, Бонн не уточнял. ФРГ приветствовала и позицию Египта в отношении израильской агрессии в Ливане, которая стала возможной в результате Кэмп-Дэвида и выхода Египта из арабского лагеря. Министр иностранных дел ФРГ Геншер высоко отозвался о политике АРЕ, подчеркнув, что в «этот тяжелый момент Египет не отошел от мирного курса, благодаря которому он возвратил свою территорию»¹⁶³.

21 августа по 1 сентября 1982 г. под наблюдением «многонациональных сил», в составе которых были подразделения армий США, Франции и Италии, прошла эвакуация палестинских бойцов из Западного Бейрута. А 16 сентября с прямого попустительства и непосредственного содействия израильского правительства и военного командования началась кровавая резня палестинских беженцев в лагерях Сабра и Шатила. Правительство ФРГ осудило ужасные зверства в этих лагерях, потребовав «действенных мер по защите гражданского населения и независимого следствия»¹⁶⁴. Выступая от имени канцлера ФРГ Г. Шмидта на XXVII Генеральной Ассамблее ООН, государственный министр ведомства канцлера Г. Ю. Вишневски ни словом не осудил Израиль, считая, что для восстановления суверенитета, территориальной целостности и восстановления различных институтов Ливана должны немедленно быть выведены все иностранные войска, находящиеся в стране не по воле ливанского правительства¹⁶⁵. То есть только израильские. Но они конкретно не названы.

Федеральное правительство приветствовало в ООН и «новые инициативы» американского президента Рейгана от 1 сентября 1982 г., охарактеризовав их как значительный шаг на пути поисков соглашения между участниками ближневосточного конфлик-

та. «План Рейгана» был призван решить задачу разблокирования камп-дэвидского процесса. Он состоял из следующих элементов: отказ от создания независимого палестинского государства; «самоуправление» палестинцев на Западном берегу реки Иордан и секторе Газа при определенных формах их ассоциации с Иорданией; прекращение создания израильских поселений на этих территориях. Результаты проходившей в сентябре 1982 г. в Фесе (Марокко) встречи глав арабских государств также были высоко оценены Бонном. Г. Ю. Вишневецки, выступая перед Генеральной Ассамблеей ООН отметил, что ФРГ с удовлетворением восприняла то, что впервые все арабские государства в принятой ими «Хартии Феса» решили быть едины в политике, которая основана на мире всех государств региона¹⁶⁸. Это косвенное признание возможности мира с Израилем на общеарабском уровне (отсутствовали Ливия и Египет) было одобрено и высоко оценено федеральным правительством. Это было последнее выступление по ближневосточной проблеме правительства Г. Шиндта.

Зревший долгое время кризис в отношениях между партией по социал-либеральной коалиции (СДПГ—СаДП), правившей в Бонне почти 13 лет, достиг в сентябре 1982 г. своей кульминации. 17 сентября 1982 г. в отставку подали все четыре министра федерального правительства от Свободной Демократической партии во главе с вице-канцлером и министром иностранных дел ФРГ Г. Д. Геншером. Коалиция прекратила свое существование, а бывший партнер СДПГ—партия либералов (СаДП) перешла на сторону своего бывшего политического соперника—бундестаг вынес вотум недоверия правительству Г. Шиндта и новым, шестым в истории ФРГ, канцлером стал представитель ХДС Гельмут Коль. К власти в Бонне пришла «консервативно-либеральная коалиция» и министром иностранных дел был назначен Г. Д. Геншер.

§ 3. БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА КАНЦЛЕРА Г. КОЛЯ (1982—1986 ГГ.)

Новый канцлер ФРГ Г. Коль объявил о «политике обновления», обернувшейся в области внешней политики заметным сдвигом в сторону поддержки внешнеполитических действий администрации США. В своем первом правительственном заявлении в бундестаге 13 октября 1982 г. заверил, что выведет западногермано-американские отношения из «сумерек», укрепит и стабилизирует их. Учитывая, что членство в НАТО—основа «активной политики защиты мира» для ФРГ, канцлер выступил с резкой критикой СССР и проводимой им внешней политики¹⁶⁹.

Наиболее угрожающий аспект политики новой коалиции заключался в том, что она совершенно недвусмысленно приспособилась к курсу Соединенных Штатов на гонку вооружений и военную конфронтацию¹⁶⁹.

Победа консервативных партий на выборах в Западной Германии 6 марта 1983 г. привела к значительному укреплению позиций канцлера Г. Коля в бундестаге. Однако ожидаемого коренного изменения в проводимой им политике в отношении региональных конфликтов, и в частности ближневосточного, не произошло. После ухода правительства Г. Шмидта в официальной политике относительно арабо-израильского противостояния изменились лишь нюансы и были переставлены акценты. В отношении Израиля наблюдалось появление новых настроений в сторону улучшения и дальнейшего углубления.

Федеральное правительство оставило неизменным и старалось тесно придерживаться выработанного еще в начале 70-х гг. основного стратегического курса в ближневосточной политике ФРГ—«сбалансированности». Правительство Коля наряду с углублением дружественных отношений с Израилем решило одновременно продолжать развивать и «традиционно хорошие отношения» с арабскими странами. Оно пытается избегать ситуаций, которые могли бы в той или иной степени «оказать воздействие и резко изменить существующее положение, поставив под удар позиции Бонна в арабском мире или в Израиле.

Это видно и по правительственному заявлению канцлера Коля от 4 мая 1983 г., в котором им определены основные принципы политики ФРГ на Ближнем Востоке и позиция в отношении арабо-израильского конфликта: 1) право Израиля на существование в признанных и безопасных границах; 2) право палестинского народа на самоопределение; 3) ни одно из этих обоих прав не должно быть реализовано за счет другого—обе стороны взаимно должны отказаться от применения силы в достижении своего права.

Страны ближневосточного региона и в 80-е гг. продолжали оставаться одним из важнейших экономических партнеров ФРГ. Из всех внеевропейских регионов здесь был самый значительный экспортный рынок западногерманских товаров, который принимал, например, больше товаров, чем Северная Америка. Вместе с тем промышленность Западной Германии продолжала оставаться одним из ведущих потребителей нефти из стран Ближнего Востока¹⁷¹. И естественно, что новое правительство в Бонне ни в коем случае не желало бы нарушить те сложившиеся уже во время правления социал-демократов отношения со странами региона, особенно, поскольку они обеспечивали нормальные поставки нефти в ФРГ.

Продолжая декларировать основы ближневосточной политики, опирающейся на принципы, заложенные в Венецианской декларации ЕЭС и в отдельных двусторонних договорах со странами Ближнего Востока, правительство Г. Коля заявило о своей готовности помочь обезвредить арабо-израильский конфликт. И поскольку мирные усилия на Ближнем Востоке находятся, по мнению федерального правительства в застое, то оно, не претендуя на полное урегулирование конфликта, обязалось содействовать этому как в рамках Европейского политического сотрудничества, так и национальной помощью¹⁷².

В документе «Основные элементы ближневосточной политики Федеративной Республики Германия» говорится о том, что федеральное правительство выступает за реалистичную ближневосточную политику, которую будет проводить совместно с дружественными ей странами в Западной Европе и Америке и желью которой будет достижение мира в регионе. Одним из элементов провозглашалось честное партнерство со всеми участниками конфликта, отказ от помощи любой из сторон. Правительство ФРГ заявляло, что будет поддерживать взаимосогласованные переговоры по урегулированию, поскольку попытки принятия обязывающего решения (имеются в виду решения Совета Безопасности ООН в отношении Израиля) только продлят конфликт и усилят статус-кво в регионе. Разумеется такая постановка вопроса несет в себе явно произраильский крен: Израиль не давал пока согласия ни одному плану мирного урегулирования конфликта и не стремился изменить сложившуюся ситуацию на Ближнем Востоке в территориальном аспекте.

Бонн продолжал выступать за то, чтобы использовать уже имеющиеся на столе мирные планы, причем подразумевался только один — камп-дэвидский договор. Об этом четко говорится в вышеуказанном документе, причем цель прежняя — «содействовать тому, чтобы расширить до сих пор узкий базис мирного (камп-дэвидского. — А. М.) процесса на основе его расширения»¹⁷³. Это можно совершить лишь подключением других участников к процессу, считал государственный министр МИД ФРГ Алоиз Мертец.

В отличие от предыдущего, правительство Коля подчеркивало свое полное согласие с ближневосточной политикой США, которые считало на современном этапе единственной державой, содействующей своим военным потенциалом и политическим влиянием достижению мира на Ближнем Востоке. Продолжая ратовать за непрерывное развитие европейской ближневосточной политики, новое правительство ФРГ считало, что она может играть роль только в качестве дополнения ближневосточной по-

литики США и именно в этом самоограничении она будет иметь вес. Страны ЕЭС, по мнению Бонна, играют в значительной степени ограниченную роль в регионе и не должны дезориентировать арабские страны на возможности Западной Европы в деле ликвидации ближневосточного конфликта. «Поэтому европейской ближневосточной политике никогда нельзя отделяться от США или проводить против США», — заявляли официальные лица ФРГ¹⁷⁴. Новое правительство ФРГ, по словам внешнеполитического эксперта ХДС/ХСС в бундестаге Г. Кляйна, на Ближнем Востоке вообще «не будет проводить европейскую политику, которая лишь создает видимость, что может предложить альтернативу американца»¹⁷⁵. Тесное согласование своей ближневосточной политики с американской провозглашалось «особенно важной целью» правительства ФРГ. Отсутствие каких-либо новых инициатив ЕЭС по Ближнему Востоку в первый срок правления канцлера Коля (1982—1985 гг.) говорит о том, что выступая формально за «непрерывное развитие европейской ближневосточной политики», ФРГ на самом деле категорически была против проведения этой политики и препятствовала ее продолжению.

Федеральное правительство постоянно обращалось к участникам арабо-израильского конфликта с призывом непременно использовать политические возможности инициативы президента США Р. Рейгана от 1 сентября 1982 г., которая, как заявил министр иностранных дел Г.-Д. Геншер, «показала дорогу к преодолению конфликта»¹⁷⁶. Сам канцлер Коль характеризовал план Рейгана как самый реалистичный из бывших до него исходных точек для решения ближневосточной проблемы, показавший «достойный внимания путь к преодолению конфликта». Канцлер при этом оговаривался, что если и этот план не по всем пунктам удовлетворяет кого-либо, то он хоть открывает будущее палестинскому народу¹⁷⁷. На самом деле этот план игнорировал право палестинского народа на самоопределение, на создание собственного государства. Федеральное правительство убеждало Израиль, что его опасения, что инициатива Рейгана откроет Советскому Союзу «возможность окопаться на границах Израиля» по субъективной израильской точке зрения неверно поняты, и действительной опасности этого не существует¹⁷⁸. Федеративная Республика считала, что инициатива Рейгана позволит достигнуть компромисса в решении арабо-израильского конфликта и выражала надежду, что Израиль не будет препятствовать американским мирным усилиям и использует для переговоров объявленную в заявлении арабских стран в Фесе 9 сентября 1982 г. готовность к миру¹⁷⁹. Уже по ряду первых заявлений официальных лиц в Бонне прослеживаются новые элементы, которые внес-

192

ло правительство канцлера Коля в традиционные отношения с Израилем. Так, продолжая декларировать «особую ответственность немцев перед евреями на основе трагического прошлого» и убеждая Израиль в отсутствии у немцев ФРГ «исторической и моральной слепоты», федеральное правительство вместе с тем подчеркивало, что постоянное напоминание и упреки со стороны Израиля в коллективной вине всех немцев за содеянное нацистами — неверно. Как и несправедливо требование признания этой вины новым поколением немцев, родившихся после второй мировой войны или бывших в то время еще детьми. «Новое поколение немцев, заявил Алоиз Мертез на VI Немецко-израильской конференции, думает по-другому. Это следует из того, что в Германии политические действия и военные акции израильского правительства рассматриваются с рассудительностью и оцениваются объективно. Все больше становится немцев, не думающих, что Израиль это страна оставшихся в живых евреев, а самая боеспособная военная держава на Ближнем и Среднем Востоке¹⁸⁰. И комплекс вины, при создавшемся общественном мнении в ФРГ в отношении Израиля, может быть в один день направлен против его создателей — его нельзя считать прочным фундаментом хороших отношений между обоими народами и государствами. Правительство Г. Коля убеждало международные сионистские круги и правительство Израиля, что лучше будет, если отношения ФРГ с Израилем будут построены на следующем фундаменте: Израиль на Ближнем Востоке «единственная государственно-парламентарная демократия», на основе чего и создаются основополагающие интересы и совместное мировоззрение, а не руководствоваться чувством коллективной вины немцев¹⁸¹.

Не принимая фактора «коллективного комплекса вины» в отношениях с Израилем на современном этапе, федеральное правительство однако не спихало с себя «особого участия и ответственности» за право Израиля на существование и его право жить в безопасных и признанных границах. Отвод правительства Коля «чувства вины» в отношениях с Израилем ни в коем случае не означал продолжения жесткой политики предыдущего правительства Г. Шмидта, часто резко критиковавшего Тель-Авив. Наоборот, в ближневосточной политике Бонна намечался «новый акцент» — восстановление «доверительных отношений с Израилем», что, как считали в руководстве ХДС/ХСС, должно было многое изменить де-факто. Этому смещению акцентов в сторону Израиля новое правительство в Бонне меньше всего было обязано партнеру по коалиции — Свободной демократической партии и ее лидеру Г.-Д. Геншеру.

Правительство канцлера Коля стремилось улучшить достав-

шнися ему по наследству от предыдущего правительства отношения с Израилем, резко ухудшившиеся после мая 1981 г., когда тогдашний канцлер ФРГ Г. Шмидт назвал Саудовскую Аравию «важным другом». Шмидт не считал невозможным продажу высококлассного западногерманского оружия саудовцам и, кроме того заявил, что ФРГ несет моральную ответственность не только в отношении евреев, но и в отношении палестинцев. Позиция Шмидта была осуждена большинством израильских партий, в том числе и партией Труда, тесно сотрудничавшей с СДПГ. Реакция Бегина была более чем вспыльчива, так как он поставил тогда Г. Шмидта в один ряд с национал-социалистами, тем самым указав на его персональную вину в случившемся с еврейми в период нацистской Германии и обвинил в антисемитизме. Эта реакция самого М. Бегина и его правительства была лишь открытым проявлением напряженности, создавшейся в отношениях между двумя странами вследствие политики социально-либеральной коалиции в ЕЭС по Ближнему Востоку, в отношении к ООП, и из-за критики политики Тель-Авива в палестинском вопросе. В тот период оппозиционные партии ФРГ также резко критиковали политику СДПГ—СвДП относительно Израиля. Правящая в Тель-Авиве партия Херут еще до прихода к власти консервативных партий ФРГ «бешала Г. Коль лучшее отношение, когда он станет канцлером»¹⁸².

В начале 1983 г. во время визита израильского министра иностранных дел Ицхака Шамира в Бонн атмосфера в западногермано-израильских отношениях, как отмечали политические наблюдатели, была заметно лучше¹⁸³. Канцлер Коль подтвердил желание федерального правительства развивать и в дальнейшем углублять дружественные отношения между двумя странами и заявил, что укрепление безопасности Израиля относится к важнейшим целям ближневосточной политики ФРГ. Федеральное правительство, отметил он, ожидает от своих арабских партнеров четкого признания права Израиля на существование. Канцлер подтвердил «сбалансированный характер» политики ФРГ на Ближнем Востоке, указав, что хорошие западногермано-израильские—как и западногермано-арабские отношения—могут и должны быть использованы в качестве позитивного вклада для преодоления ближневосточного конфликта¹⁸⁴.

При посещении ФРГ И. Шамир затронул и экономические вопросы, в частности проблему преодоления все возрастающего дефицита в торговле между обеими странами, достигнувшего в 1982 г. почти 870 млн. марок. ФРГ, продолжая оставаться вторым по значению торговым партнером Израиля, экспортировала товаров на 1,917 млрд. марок, а импортировала из Израиля лишь на 1,044 млрд. марок¹⁸⁵.

Правительства Г. Коля и М. Бегина одинаково оценивали в целом международное положение. Но в вопросе ближневосточного конфликта и позиции ФРГ, ожидания израильского правительства от Г. Коля не оправдались, поскольку никаких существенных изменений не было внесено и не произошло. Канцлер Г. Коль не только признавал право палестинского народа на самоопределение, но и подвергал критике израильскую политику создания поселений на оккупированной арабской территории, попрание прав человека в этих областях, не был согласен с административным присоединением Голан к Израилю. Федеральное правительство неоднократно подчеркивало, что совместные убеждения не означают вместе с тем согласие со всеми политическими и военными акциями какого-либо израильского правительства. ФРГ осуждала «недальновидную политику» Израиля на арабских землях, считая, что они создают трудные препятствия для решения ближневосточного конфликта, ограничивают возможность переговоров, уничтожают волю народов региона к миру и делают еще опасней возможность неурегулирования конфликта¹⁸⁶. Причем осуждение часто приобретало следующую формулировку: этими акциями Израиль препятствует именно американским усилиям по урегулированию конфликта.

Непоследовательность, формальный характер критики израильской политики характеризуется параллельными заявлениями о том, что у ФРГ и с другими дружественными правительствами всегда также имеются «разногласия». Истинное же отношение Западной Германии к проблеме оккупированных Израилем земель вытекает из рекомендаций, которые канцлер Г. Коль дал израильскому правительству: оно должно провести «создающие доверие мероприятия», «улучшить жизненные условия населения оккупированных областей»¹⁸⁷. Ю том, чтобы Израиль вернул эти земли арабам—ни единого слова.

В отличие от мягкой официальной дружеской критики политики Израиля на оккупированных арабских территориях, в Федеративной Республике звучало и резкое осуждение этой политики. В Бонне на одном из заседаний «Международной комиссии по расследованию преступлений Израиля против ливанского и палестинского народов» член секретариата комиссии, западногерманский юрист профессор Г. Штуби осудил политику западных держав, пытающихся взять под защиту проводимую Израилем политику геноцида против палестинцев. Здесь же выступил и депутат бундестага от партии «зеленых» Ю. Ренте, указавший, что наряду с США ФРГ относится к числу государств, оказывающих особенно активную поддержку Тель-Авиву. В то же время, отметил он, западногерманские средства массовой информации сознательно замалчивают преступления сионистов¹⁸⁸.

Не упомянул об оккупационной политике сионистского правительства на оккупированных арабских территориях, о необходимости срочного вывода израильских войск с арабских земель канцлер Г. Коль и во время своего визита в Израиль в январе 1984 г. выступая как «политический наследник» Аденауэра, канцлер подтвердил верность его заветам «добросовестно укреплять и углублять немецко-израильские отношения». Заявив об особой исторической ответственности немцев перед Израилем, канцлер Коль однако уклонился от прямого ответа на главный вопрос, волнующий израильское правительство,—о намечаемых поставках западногерманского оружия Саудовской Аравии. Г. Коль отметил, что его правительство примет во внимание «законные интересы дружественных стран в этом районе мира и при всех возможных решениях учтет общую с Израилем ответственность относительно мира в этом регионе»¹⁸⁰. Тем самым канцлер обуславливал то, что его беспокоит не только безопасность Израиля, но и других, в данном случае арабских, государств и, следовательно, он—за поставки оружия Саудовской Аравии.

Влияние Израиля на определение и проведение внешней политики ФРГ в регионе значительно. Это ясно и недвусмысленно показал факт отмены на государственном уровне продажи танков ФРГ «Леопард-2» (Лео) Саудовской Аравии. Хотя, как уже отмечалось, закон об экспорте оружия запрещал его поставки в «очаг напряженности» и за пределы НАТО, правительство Г. Шмидта дало согласие на поставку 200 танков Лео и другого вооружения Саудовской Аравии с условием, что оно не будет направлено против Израиля. Влиятельное Германо-израильское общество призвало новое федеральное правительство не допускать никаких поставок оружия и военной амуниции в арабские страны, находящиеся в состоянии войны с Израилем. Это требование оно распространяло и на поставки оружия, производимого совместно с союзниками по НАТО, например на поставки Великобританией 40 самолетов «Торнадо» Саудовской Аравии, в строительстве которых участвует и ФРГ. И вообще, по мнению Общества, все свои политические шаги на Ближнем Востоке Западная Германия должна сначала согласовывать с Израилем.

Правительству Г. Коля пришлось решать эту трудную задачу: послать оружие или нет. В широких общественно-политических кругах ФРГ развернулась полемика по этой проблеме. Военно-промышленный комплекс страны и его представители в правительстве и бундестаге единодушно выступили за поставки оружия. Приводились ими следующие демагогические аргументы, мол, если этот исключительный заказ не будет принят, то более 18 тысяч рабочих мест будет, под опасностью не только на заводах Флика и Круппа, но и фирм-поставщиков, занятых

в производстве танков и другого вооружения¹⁹⁰. Сторонники поставок оружия апеллировали к заявлениям саудовцев, что им оружие из ФРГ необходимо не для применения его против Израиля, а для защиты от «экспансионистских происков Советского Союза, угрожающих безопасности Саудовской Аравии». Ведь Эр-Риад признал уже право Израиля на существование и «план Фахда»¹⁹¹.

Канцлер Г. Коль, выступая в бундестаге также высказал убеждение, что никакая из систем вооружения, которые будут направлены в Саудовскую Аравию, не будет использована против Израиля. Он также рассматривал поставки немецкого оружия как форму помощи «для обороны безопасности» Саудовской Аравии от ее непосредственного окружения, имея в виду «советские режимы» ИДРП и Эфиопии. Кроме того, федеральный канцлер обосновывал необходимость поставок оружия Саудовской Аравии как стране, поддерживающей стабильность в районе Персидского залива, где затрагиваются «жизненно важные интересы ФРГ». Он также указал, что США, Франция и Великобритания уже приняли меры для защиты этих интересов Запада посредством тесного военного сотрудничества со странами Залива в области обороны¹⁹².

Федеральное правительство убеждало Израиль, что ФРГ, наряду с арабо-израильским конфликтом, должно и обязано принимать во внимание общее положение на Ближнем и Среднем Востоке в плане общего противостояния Восток-Запад. И оно разумеется при этом учитывает «особую ситуацию безопасности Израиля», но и израильские должны наконец признать, что и Саудовская Аравия имеет справедливое право жить в безопасности¹⁹³. Однако израильское правительство твердо стояло на своих позициях: в Тель-Авиве канцлеру Колю было заявлено, что, поскольку немецкий народ несет ответственность перед еврейским народом, то ФРГ не имеет морального права посылать оружие арабам, которые находятся в состоянии войны с Израилем¹⁹⁴.

В полемику по этому вопросу активно включился «друг Израиля», премьер-министр Баварии, председатель ХСС Ф.-П. Штраус, занявший обратную израильской точке зрения позицию. Он заявил, что в вопросе экспорта оружия не должно быть малодушия, иначе другие государства совершат эту выгодную сделку¹⁹⁵. Политика экспорта вооружений, по его мнению, обеспечивает необходимое политическое влияние и снабжение местным сырьем. Ф.-П. Штраус предлагал учитывать «внешнеполитические интересы и интересы политики безопасности» ФРГ и поддерживать дружественную Саудовскую Аравию. Он обосновывал этот свой тезис следующим образом: политика экспорта оружия не повод

для идеологических упражнений, а дело, при котором оказывается поддержка друзьям, затрудняется возможностью начала войны и учитываются собственные интересы безопасности¹⁹⁶. Штраус игнорировал последствия, к которым приводило чрезмерное насыщение оружием страны региона, поднимая на новый уровень напряженность и без того и чрезвычайно напряженном и взрывоопасном районе мира. Председатель ХСС подверг резким нападкам сдержанность Бонна в экспорте оружия как «глупую, подрывающую политические, экономические и военные интересы ФРГ»¹⁹⁷. Принципиальный противник любой критики действий Израиля на оккупированных арабских территориях, Ф.-Й. Штраус на этот раз не принимал в расчет израильские интересы, отвергал возможность применения арабами западногерманского оружия против Израиля. Тесно связанный с военно-промышленным комплексом ФРГ, центром которого была Бавария, Штраус не мог допустить, чтобы такие крупные заказы вооружения (на сумму около 12 млрд. марок) могут уйти в конкурирующие концерны других стран. Циничность другого «друга Израиля», владельца крупнейшего газетного концерна ФРГ Акселя Шпрингера раскрывает его изречение: «сначала нефть, затем—мораль»¹⁹⁸.

Правительство Западной Германии пыталось найти выход из создавшейся ситуации. Канцлер Г. Коль оказался под давлением с двух сторон—Израиля и Саудовской Аравии—и пытался найти компромиссное решение. Вскоре это решение было найдено. «Стоя перед выбором, израильтяне или саудовцы, немцам пришлось совершить маленькое зло, писал журнал «Шпигель», и разочаровать арабов». Давление из Иерусалима, как писал тот же журнал, оказалось сильнее, чем немецкое лобби. «Хотя доверенные люди канцлера и ругали «шизофрению» израильтян¹⁹⁹, они вынуждены были подчиниться. Канцлер Г. Коль заявил, что танки «Леопард-2» не будут посланы в Саудовскую Аравию. Это решение вызвало досаду у короля Фахда, заявившего, что он купит танки у других. Вскоре Соединенные Штаты поставили в Саудовскую Аравию танки M-1 американского производства. Здесь необходимо отметить, что в ФРГ знали о том, что израильтяне не беспокоят поставки оружия Саудовской Аравии. Они выступали именно против поставок западногерманского оружия. Имеющееся в распоряжении израильтян атомное оружие, по мнению федерального правительства, играло свою отлугивающую роль²⁰⁰. Однако, несмотря на это, Тель-Авив начал широкую кампанию против немецких военных фирм тогда, когда они, кроме всего прочего, еще и вторглись на рынок продукции военно-промышленного комплекса США. ФРГ предложила Саудовской Аравии целый список вооружения, без танков «Леопард», по которому саудовские эксперты во время их

визита в Западную Германию могли бы подписать договор о поставках²⁰¹.

Израиль был недоволен подобным компромиссным решением Бонна. «Коль потерял доверие Израиля», «Коль представляет жесткую линию на Ближнем Востоке», «холодный душ реалистической политики новой Германии»—такие и аналогичные этим высказывания характеризуют реакцию израильского правительства на решение канцлера Г. Коля поставлять оружие арабам. С другой стороны, и в Израиле «почували шансы для хорошей сделки, комментировал позицию Тель-Авива «Шлигель», они намерены прекратить угрозы и моральные упреки, если получат возмещение в виде оружия, денег или лицензий для производства пушек от танка Лео для их собственных танков»²⁰². Израиль был заинтересован в расширении военного сотрудничества с ФРГ, особенно в экспорте своего оружия в ФРГ, поставок западногерманского оружия, а также в области совместных исследований и разработок нового оружия. Израиль кроме того предлагал разместить заказы на строительство крупных компонентов военных кораблей и подводных лодок в ФРГ (стоимость проекта составила 150 млн. долларов). Во время первого официального визита в Израиль министра обороны ФРГ Манфреда Вёрнера в апреле 1986 г., израильское правительство выразило просьбу поставить из Западной Германии новейшую электронику для своих ВВФ, пушки и моторы танка «Леопард-2»²⁰³.

Федеральное правительство не ограничивалось укреплением отношений только в рамках двусторонних отношений. ФРГ продолжала оказывать поддержку Тель-Авиву и на международной арене, где однако пыталась выступать совместно со странами Европейского экономического сообщества. Израилю было указано, что общее выражение воли 10 членов ЕЭС направлено в пользу интересов безопасности Израиля. И единая общая поддержка стран ЕЭС будет значить больше, чем это смогут сделать для безопасности государства Израиль каждый член сообщества поодиночке. Конкретно об этом говорит сам факт противодействия западноевропейцев требованиям арабов исключить Израиль из ООН и ее специальных организаций²⁰⁴. Федеральное правительство, в свою очередь, подчеркивало, что трибуна ООН с самого начала дебатов по Ближнему Востоку являлась ареной, на которой слишком часто, даже справедливые желания—например осуждение израильской политики поселений и сопротивление против административного присоединения Голанских высот—посредством «радикальных текстов резолюций так сильно фальсифицировались», что ФРГ не могла согласиться с этими

решениями. В заявлении правительства «10 лет членства ФРГ в ООН» прямо указывается, что те страны—члены ООН, а имелись в виду именно арабские страны, которые требуют исключения Израиля из этой организации, всегда будут сталкиваться с «решительным отпором» Западной Германии²⁰⁵.

Исследование многочисленных фактов конкретной морально-политической поддержки и материальной помощи Израилю и лишь словесного осуждения некоторых израильских акций как и отказ от коллективного комплекса вины, дает право характеризовать отношения ФРГ с Израилем как дружественные, направленные на дальнейшее сближение и укрепление. И как бы правительство канцлера Гельмута Коля не декларировало о своей сбалансированной ближневосточной политике, оно вполне справедливо характеризуется мягким замечанием западногерманского исследователя В. Келера: «Вход Коля в арабский мир проходит через израильские ворота»²⁰⁶.

В 80-е гг. отношения ФРГ с арабскими странами поднялись на новую ступень: все более очевидной становилась зависимость ориентированной на экспорт промышленности Западной Германии от этого региона и как надежного и емкого рынка сбыта, принимающего больше товаров ФРГ, чем Северная Америка, и как основного поставщика нефти (около 54% всего импорта ФРГ)²⁰⁷. Так в 1982 г. объем экспорта Западной Германии в арабские страны составил 28,4 млрд. марок (7,2% всего экспорта страны), а импорта—22,4 млрд. марок (8,0% всего импорта)²⁰⁸. Экспорт ФРГ в страны арабского мира составлял треть всего экспорта в развивающиеся страны. Среди арабских государств экспорт в 1982 г. в Саудовскую Аравию был наиболее высоким—составлял 8,5 млрд. марок, в Ирак—7,6, в Алжир—3,3, в Египет—2,8. Важное место занимали торгово-экономические отношения с Ливией и Кувейтом.

Значение арабских государств в экономической жизни ФРГ возрастало, как считали в Бонне, «прямо-таки в драматической степени». Причем западногерманские правительственные круги и не скрывали, что запросы со стороны арабских нефтедобывающих стран продукции индустрии ФРГ были «значительной поддержкой для экспорта и тем самым для конъюнктуры и занятости». С целью прочно связать экономику арабских стран с западногерманской вице-секретарь министерства экономического сотрудничества В. Келер предлагал отказаться от принципа «рециклизации», применяемого Западом в отношениях с нефтедобывающими арабскими странами. Вместо этого он призывал достичь «настоящего партнерства» и при уважении позиций каждого прийти к действительной кооперации и сотрудничеству²⁰⁹. Экономические интересы ФРГ в арабском мире, считал У. Штайнбах,

являются тем аргументом, который должен отвести Бонн от традиционной произраильской политики на Ближнем Востоке. Тем более, что соотношение сил на Ближнем Востоке изменилось в связи с позицией Египта и безопасность Израиля более не находится под угрозой²¹⁰.

Пришедшее к власти правительство канцлера Г. Коля не могло игнорировать заинтересованность западногерманской экономики в арабском рынке. И если находясь в оппозиции, блок ХДС/ХСС резко критиковал арабскую политику социал-демократов, то придя к власти не только продолжил линию предыдущего правительства, но и пытался укрепить экономические и политические позиции ФРГ в арабских странах.

Широкому проникновению ФРГ в арабский мир способствовала оригинальная позиция Бонна в палестинском вопросе. Правительство канцлера Коля характерно своеобразное, часто противоречивое, толкование права палестинцев на самоопределение. С одной стороны, право палестинского народа не ставится под сомнение, однако федеральное правительство считало, что негативным элементом в этом вопросе являются «необоснованные требования» ООП на единоличное представительство палестинского народа, а также требования на воздание собственного палестинского государства как единственной формы претворения в жизнь права на самоопределение. С другой стороны, Бонн заявляет, что это полное право палестинцев самим решить свое будущее, а также и вопрос, кто должен представлять палестинский народ²¹¹. Министр иностранных дел Гейшер подтвердил, что в задачи федерального правительства не входит предписывать палестинскому народу, как он выполнит право на самоопределение: «мы не можем и не должны им давать в этом никаких предписаний»²¹². Боннское правительство, считая, что ООП не является представителем всего палестинского народа, вместе с тем оценивало ООП как важную политическую силу и свою позицию к палестинскому народу строило на отношении к ООП. В отношении ФРГ к Организации освобождения Палестины также наблюдается определенная преемственность позиции правительства Коля и предыдущих правительств социально-либеральной коалиции: ФРГ признает ООП лишь тогда, когда ООП четко и однозначно признает право Израиля на существование в признанных и безопасных границах и откажется от вооруженных акций против Израиля²¹³.

Правительство ФРГ указывало, что со стороны палестинцев право на самоопределение неправильно истолковывается, так как в понимании палестинцев это право воспринималось ранее прежде всего как право на уничтожение Израиля и право распорядиться Ливаном. И поскольку на общерабской встрече в

верхах в 1982 г. в г. Фесе ООП не признала четко и однозначно право Израиля на существование, то и право на самоопределение не может быть осуществлено. Единственно возможный путь, считали в ФРГ, только в договоре об урегулировании арабо-израильского конфликта, в котором должен принять участие Израиль и непременно согласиться со всеми его частями²¹⁵.

Со стороны израильского правительства даже подобного рода выступления ФРГ, в которых осуществление права на самоопределение палестинцев целиком ставилось в зависимость от согласия Израиля, рассматривались как «поспешное ухаживание за ООП» и подвергались резкой критике. А заявление государственного министра МИД ФРГ Юргена Меллеманна (СаДП), что в «диалоге с Вашингтоном» Bonn хочет привести американцев к признанию права на самоопределение палестинцев²¹⁶, явилось поводом для новых антигерманских выступлений в Израиле.

В отличие от предыдущих правительств, правительство Г. Коля при декларировании своей позиции по палестинской проблеме непременно обращалось к открытому «германскому вопросу», постоянно говоря о «праве всех немцев на самоопределение в условиях свободы»²¹⁶. Провозглашая принципом своей внешней политики право на самоопределение народов, федеральное правительство считало, что и немецкий и палестинский народы лишены этого права, которое стало жертвой злоупотребления и неправильного толкования. Но правительство Коля заявило, что оно не откажется от этого права, являющегося ядром германского вопроса и будет стремиться к его осуществлению. Вместе с тем в ФРГ критиковали позицию ООП, имеющей свое представительство в ГДР, считая, что тем самым и ООП «презубревает» и не признает право на самоопределение 17 млн. немцев ГДР.

Правительство канцлера Коля подробно комментировало свой подход к праву на самоопределение палестинцев в спектре германского вопроса для того, чтобы «исключить недоразумения», которые могли возникнуть и часто возникали у израильских правящих кругов, не всегда понимавших аналогии между правом немцев, живущих в собственном государстве (ГДР) и правом палестинцев, которое они вообще не признавали²¹⁷. В то же время этот подход «оправдывал» федеральное правительство в глазах Израиля и не давал возможности обвинять ФРГ в явных пропалестинских настроениях.

В условиях кризисных явлений, наблюдаемых в «революционном процессе в зоне арабских стран социалистической ориентации»²¹⁸, общего подъема антисоветизма и антикоммунизма на Ближнем и Среднем Востоке укрепление отношений ФРГ с Изра-

влем уже не рассматривалось арабами в 80-е гг. как проявление враждебных отношений ФРГ к арабским странам, тем более, что Бонн, как было отмечено выше, умело использовал свою своеобразную позицию по палестинскому вопросу. Вместе с тем и сами правительства арабских стран, следуя заверениям Бонна, что это сближение не окажет влияния на сбалансированный курс ФРГ на Ближнем Востоке, не протестовали против новой волны подъема в западногерманско-израильских отношениях. Более того, влиятельные политические силы арабского мира видели в Федеративной Республике державу, отношения с которой могли бы им заменить дискредитирующие их в широких общественных слоях отношения с Соединенными Штатами, чья однозначно про-израильская политика не оставляла возможности для политического маневрирования. Этим и объясняются и постоянные призы-вы правительств и руководителей консервативных и умеренных арабских стран к Бонну активизировать свое участие в урегулировании ближневосточного конфликта, просьбы о поставках оружия западногерманского производства вместо оружия США. Экономическая же мощь ФРГ могла бы, по их мнению, явиться препятствием для сотрудничества арабских государств с СССР и другими социалистическими странами...

ФРГ продолжала заверять и при правительстве канцлера Г. Коля, что не стремится ни к сферам влияния, ни к господству в регионе. О месте, которое арабский мир занимал в планах ФРГ говорит то, что первой поездкой, которую совершил канцлер Коля, не считая Европу и США, явилась его поездка в октябре 1983 г. в Иорданию, Египет и Саудовскую Аравию, в страны, с которыми по заявлению федерального правительства, у ФРГ «сердечные отношения». Необходимо отметить, что до этой поездки намечался визит в Израиль, который был отложен в связи с выборами в Израиле и состоялся в 1984 г.²¹⁹

Федеральное правительство не оставило попыток подключить Иорданию к кэмп-дэвидскому соглашению и приветствовало восстановление дипломатических отношений Иордании с Египтом, оценив этот шаг как бесценный вклад в дело мира на Ближнем Востоке. Король Иордании Хусейн требовал у ФРГ проявить инициативу политического урегулирования ближневосточного конфликта, поскольку от США не ожидалось никаких действенных шагов в этом направлении²²⁰.

Полное единство во взглядах не только на ближневосточные проблемы имела ФРГ с Египтом. Западная Германия продолжала оказывать Египту большую финансово-экономическую помощь, которая, например в 1983 г., достигла 268 млн. марок, а западногерманские инвестиции составили 650 млн. марок²²¹. Бонн, считая изолированное положение Египта в арабском мире неес-

тественным явлением, прилагал все свое политическое влияние, чтобы восстановить позиции Каира в арабском мире. С этой целью ФРГ призывала Лигу арабских государств восстановить членство Египта в этой общеарабской организации и приветствовала шаги генерального секретаря Лиги Ш. Клиби в этом направлении. Возвращение Египта в лоно арабских стран, по мнению федерального правительства, позволило бы продолжить и развить евроарабский диалог в новом качестве и более плодотворно²²².

Смена правительства в ФРГ и приход к власти канцлера Коля произошли в период продолжающейся в Ливане израильской агрессии. Федеральное правительство внимательно следило за развитием событий в Ливане и неоднократно выступало за прекращение военных действий, за суверенитет и территориальное единство страны. ФРГ полностью поддерживала ливанское правительство в его попытках восстановить авторитет государства во всех областях и объединить различные группировки в стране. Этим цели, считали в Бонне, можно достичь, если все иностранные войска и вооруженные формирования, чье присутствие не одобрено и не санкционировано ливанским правительством, покинут бы страну²²³. Считая ливанский конфликт лишь частью общего ближневосточного конфликта и его барометром, федеральное правительство заявляло, что нельзя допустить, чтобы Ливан стал промежуточной ступенью для дальнейшего разжигания и распространения арабо-израильского конфликта. И поэтому, поскольку Ливан уже достаточно пострадал, требуется готовность Ливана к компромиссу²²⁴. «Строго осуждая» нападение Израиля на Ливан, федеративное правительство вместе с тем не проявило решительности в своих требованиях о выводе именно израильских войск. Косвенные обращения к Израилю ограничивались констатацией того, что нападение на Ливан все равно «никаких проблем не решило», в особенности проблему палестинцев, которую таким путем и не могло бы решить. А опасность новой эскалации региональной напряженности вследствие этого нарастает, отмечали в Бонне. ФРГ приветствовала начало и ход переговоров между Израилем и Ливаном, надеясь, что они могут благоприятно воздействовать на общий мирный процесс на Ближнем Востоке и способствовать присоединению Ливана к кэмп-дэвидскому соглашению²²⁵.

Затрагивающая интересы ФРГ по обеспечению нефтеснабжения война между Ираком и Ираном вызывала серьезное беспокойство у правительства канцлера Г. Коля. Федеральное правительство заявило о своем «строгом нейтралитете» в этом конфликте и обещало не посылать оружие ни одной из воюющих сторон. Бонн продолжал поддерживать с обеими странами хорошие отно-

204

шения и обязался использовать все свои возможности для стабилизации в этом регионе. С этой целью федеральное правительство активизировало политический диалог с Ираком и Ираном, стремясь содействовать и тому, чтобы Иран постепенно вышел из своей политической изоляции. Бонн апеллировал к участникам войны оставить оружие и сесть за переговоры²²⁵. В качестве члена Совета Безопасности ООН ФРГ содействовала принятию резолюции 598, призывающей обе стороны к политическому урегулированию конфликта и к отводу войск.

Призывая Ирак и Иран проявлять величайшую сдержанность и не обострять напряженность, существующую и без того на Ближнем Востоке, федеральное правительство, однако, само в некоторой степени содействовало этому обострению. Так, послав свои военные корабли в Северную Атлантику и Средиземное море, ФРГ заменила тем самым корабли ВМС США, которые были направлены в Персидский залив²²⁷. Таким образом правительство Западной Германии обошло пункт своей конституции о недопущении использования вооруженных сил или оружия ФРГ в районах, не входящих в географическую зону деятельности НАТО²²⁸. Кроме того Западная Германия была использована третьими странами в качестве перевалочной базы для поставок оружия Ираку и Ирану, а с попустительства официальных властей и сами западногерманские концерны («Мессершмидт-Бельков-Блом», «АЭГ», «Даймлер-Бенц», «Фриц Вернер индустриалузрюстунген») снабжали обе воюющие стороны оружием.

В конце 1986 г. Великобритания начала враждебную кампанию против Сирии, обвинив Дамаск в «покровительстве международному терроризму». К экономическим и политическим санкциям против Сирийской Арабской Республики присоединилась Западная Германия, стремящаяся подорвать экономику Сирии, изолировать страну на международной арене. Сирийское правительство в ответ на недружественные акции выслало из страны некоторых западногерманских дипломатов и приняло решение отозвать посла из Бонна²²⁹.

Отношение федерального правительства к антиарабской кампании, начатой его западными союзниками, подтверждает концепцию единой западной политики в регионе, когда при необходимости на второй план отходят разногласия и соперничество.

Заявляя ранее, что Бонн будет руководствоваться на Ближнем Востоке политикой «и арабы, и израильтяне», а не политикой «или арабы, или израильтяне», ФРГ в действительности так часто отходила от этой провозглашенной политики, что это носило уже не частный характер, а приобретало статус целенаправленной и постоянной официальной политики. МИД ФРГ для смягчения и

прикрытия этой политики, антиарабский характер которой вызывал негативное отношение арабских государств, прибегал к простому методу: Если один из государственных министров выступал с откровенно произраильских позиций (А. Мертез—ХДС), то другой—с проарабских позиций (Ю. Меллеманн—СвДП). Кроме того это создавало иллюзию борьбы мнений между правительственными партиями, причем арабской стороне, естественно, «достался» министр более слабого члена правительственной коалиции—представитель либеральной партии.

Характеризуя позицию ФРГ в отношении арабо-израильского конфликта в начальный период правления канцлера Гельмута Коля (1982—1986 гг.), необходимо отметить преемственность его политики, верность не только заветам К. Адэнауэра в отношении дружбы с Израилем, но и вынужденную экономическими интересами линию на продолжение укрепления отношений с арабскими странами, особенно нефтедобывающими. Правительство в Бонне не скрывало, что его заинтересованность в мирном решении ближневосточного конфликта обусловлена не только нефтяными поставками, которым мешают постоянные вспышки войны и напряженность, но и падением престижа и слабостью позиций СССР на Ближнем и Среднем Востоке в связи с отрицательным отношением ислама к коммунизму, «оккупационной политикой СССР в Афганистане» и пассивностью в ливанском вопросе. В ФРГ утверждали, что СССР специально для нагнетания международной напряженности и укрепления своих позиций стягивает страны третьего мира в глобальный конфликт Восток—Запад. По мнению федерального правительства, «Советский Союз получит возможность для вмешательства на Ближнем Востоке лишь при дальнейшем существовании напряженности в регионе и новом военном конфликте, что ни в коем случае не удовлетворяет ФРГ»²¹⁰. Этим и обосновывала свои выступления ФРГ против призывов арабских стран о привлечении СССР к планам урегулирования арабо-израильского конфликта. Не отрицая важного значения в деле установления мира в регионе мирной конференции при участии всех сторон, участвующих в конфликте и США, ФРГ в то же время отвергала участие в ней СССР. Более того, в ряде заявлений подчеркивалось отсутствие необходимости и самого созыва международной конференции, которая могла бы, по мнению Бонна, «углубить противоречия и создала бы новые препятствия» делу мира на Ближнем Востоке²¹¹.

Федеральное правительство возвело в ранг официальной пропаганды лозунги о «советской угрозе» жизненно важным интересам ФРГ на Ближнем Востоке, заботу о которых она разделяет сообща с Западом. ФРГ согласилась распространить действия НАТО на Ближний Восток и зону Персидского залива²¹², что рас-

считывалось арабами как «открытое проявление экспансионизма империалистических держав», в том числе и Западной Германии.

Анализируя ближневосточную политику правительства Г. Коля и его отношение к арабо-израильскому конфликту, необходимо отметить, что объявленный канцлером принцип внешней политики в регионе «постоянность и сбалансированность»²⁹³, принесет ФРГ немалые дивиденды и в будущем, поскольку политический курс Бюна на Ближнем Востоке, с одной стороны, достаточно стабилен и постоянен, с другой — оперативно откликается на малейшие сдвиги и колебания местного политического климата, но опять-таки не выходя за рамки общего сбалансированного курса. В этом плане развивались и политика сближения с Израилем, не носившая характер коренного перехода на однозначно произраильские позиции, и политика продолжения и углубления отношений с арабскими странами, которой не мешали временные ухудшения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ближневосточный регион занимал и занимает важное место во внешней политике ФРГ. Его роль особенно возросла в 70-е гг., после энергетического кризиса, показавшего зависимость Западной Германии от сырья, в основном нефти, поступающего из стран региона. Вследствие этого одной из главных задач ближневосточной политики ФРГ явилось обеспечение бесперебойного снабжения страны сырьем. Региональный конфликт (арабо-израильский) представлял серьезную угрозу как осуществлению этой задачи, так и дальнейшему экономическому проникновению и укреплению позиций ФРГ в арабских странах. Однако Западной Германии удалось, несмотря на кризисный период, в 60-е гг. сформировать и четко претворить практически свою ближневосточную политику, которая в последующие десятилетия претерпела заметную эволюцию.

Особенно ярко это проявляется при исследовании позиции Федеративной Республики в отношении арабо-израильского конфликта. Еще в 50—60-е гг., когда ближневосточная политика ФРГ была в стадии становления, конфликту уже тогда оказывал значительное влияние на политику Бонна. В эти годы ведущее положение в определении позиции федерального правительства к сторонам, вовлеченным в конфликт, занимал Израиль. Моральный фактор в отношениях между Западной Германией и Израилем, основанный на признании со стороны ФРГ вины за геноцид евреев, осуществленный нацистской Германией, играл первоочередную роль в определении политики Бонна на Ближнем Востоке.

В 70-е гг. провозглашением нового «сбалансированного курса» на Ближнем Востоке, Западная Германия отмежевалась от однозначной политики поддержки Израиля, что стало решающим элементом обеспечения дальнейшего экономического проникновения западногерманских монополий на арабский рынок. Новый курс, являющийся одним из ярких примеров политического маневрирования и разработки новых форм и методов политики в отношении развивающихся стран, был вызван обеспокоенностью правящих кругов ФРГ в бесперебойном нефтеснабжении из арабских стран, стремлением помешать развитию в арабских

стравах революционных процессов, желанием сохранить их в орбите капитализма. Претворяя в жизнь этот курс, федеральное правительство иногда шло и на обострение отношений со своим главным союзником — Соединенными Штатами.

Признавая с оговорками право палестинского народа на самоопределение, а в ряде заявлений и вплоть до создания государства, ФРГ одновременно выступала в защиту права Израиля жить в безопасных и признанных границах, оказывая ему морально-политическую и существенную экономическую поддержку. Да и в самом палестинском вопросе Бонн был крайне непоследователен, часто, из тактических соображений, меняя свое отношение к палестинской проблеме. Это отразилось и в отношении ФРГ к кэмп-дэвидским договорам между Египтом и Израилем.

ФРГ приветствовала кэмп-дэвидское соглашение, но заняла при этом позицию, которая никоим образом не могла ухудшить ее отношения с арабским миром, осудившим политику Египта. Хорошо ориентируясь и своевременно реагируя на быстро сменяющиеся друг друга политические события и реалии в регионе, Бонн стремился, хотя бы внешне, действительно придерживаться сбалансированной позиции в арабо-израильском конфликте. Это, как и расширение экономических, политических, культурных и прочих связей, способствовало укреплению политического авторитета Федеративной Республнки в арабских странах. Они уже неоднократно обращаются к ФРГ с просьбой о посреднической миссии в ближневосточном конфликте. Пытаясь играть роль политического посредника и умиротворителя между конфликтующими сторонами арабо-израильского противостояния, Западная Германия умело приспосабливается к ситуации, сложившейся после Кэмп-Дэвида. С целью вывода из тупика Кэмп-Дэвида, и, естественно, преследуя собственные интересы, ФРГ в рамках ЕЭС выступала с «европейской инициативой», явившейся на деле ничем иным, как широкой кэмп-дэвидских соглашений ФРГ приложила максимум усилий для вовлечения других арабских стран в кэмп-дэвидский процесс на Ближнем Востоке.

Двойственный, непоследовательный, казалось бы, характер политики ФРГ в регионе, обусловлен тем, что федеральному правительству приходится учитывать целый комплекс противостоящих факторов. С одной стороны, союз с США и тесные связи с Израилем, с другой — необходимость во избежание политических и экономических санкций учитывать интересы арабских стран. Немаловажное значение играли и отношения ФРГ с партнерами по ЕЭС, особенно с Францией. Однако, в итоге, и коллективные заявления ЕЭС по проблемам урегулирования арабо-израильского конфликта служили лишь прикрытием проникно-

вення ФРГ в страны региона, использовались для повышения престижа самой Западной Германии.

При определении позиции относительно сторон арабо-израильского конфликта, ФРГ наряду с обеспечением собственных национальных интересов, следовала и общестратегической линии Запада на Ближнем Востоке. Являясь проводником американской политики в тех странах региона, где США не пользуются влиянием, ФРГ всячески пыталась сбить их с антизападного курса. Вместе с тем это не уменьшило остроту соперничества с США и другими странами Запада в конкурентной борьбе за арабский рынок, источники сырья.

SCHLUSBOLGERUNG

Der Nahe Osten besaß und besitzt einen wichtigen Stellenwert in der bundesdeutschen Nahostpolitik. Seine Bedeutung wuchs besonders in den 70er Jahren, nach der Energiekrise, was die Abhängigkeit Westdeutschlands von Rohstoffen aus dieser Region, vor allem Erdöl, verdeutlichte. Folglich stellte die Gewährleistung einer unbeeinträchtigten Versorgung des Landes mit Rohstoffen eine der Hauptaufgaben bundesdeutscher Nahostpolitik dar.

Der regionale arabisch-israelische Konflikt brachte die Verwirklichung dieser Aufgabe allerdings in ernste Schwierigkeiten und gefährdete die weitere wirtschaftliche Ausbreitung und Stärkung der Bundesrepublik in den arabischen Staaten. Ungeachtet dieser Krise gelang es Westdeutschland jedoch, in den 60er Jahren eine Nahostpolitik zu entwickeln und umzusetzen, die zwischen 1960 bis 1986 eine beachtliche Entwicklung durchlief.

Besonders deutlich zeigt sich dies bei der Erforschung der Position der Bundesrepublik im arabisch-israelischen Konflikt. Schon in den 50er und 60er Jahren, als sich die bundesdeutsche Nahostpolitik noch im Entstehungsstadium befand, übte dieser Konflikt eine starke Wirkung auf die Bonner Politik aus. Damals nahm Israel eine Vorrangstellung bei der Festlegung der Position der Bundesregierung gegenüber den Konfliktparteien ein. In der Beziehung zwischen Westdeutschland und Israel spielte der moralische Faktor die entscheidende Rolle für die Formulierung der Bonner Haltung im Nahen Osten. Er leitete sich aus der Anerkennung der Schuld für den von Nazideutschland an den Juden verübten Völkermord durch die Bundesrepublik ab.

In den 70er Jahren rückte Westdeutschland mit der Verkündung seines neuen „ausgewogenen Kurses“ im Nahen Osten von dieser Politik der einseitigen Unterstützung Israels ab, was sich als entscheidende Voraussetzung zur Gewährleistung der weiteren Ausbreitung westdeutscher Monopole auf dem arabischen Markt erwies. Der neue Kurs, der ein anschauliches Beispiel für politisches Manövrieren und die Ausarbeitung neuer Formen und Methoden der Politik gegenüber Entwicklungsstaaten darstellt, wurde durch die Besorgnis der Regierungskreise der Bundesrepublik wegen der unbeeinträchtigten Versorgung mit Erdöl aus den arabischen Staaten, durch das Bestreben, die Entwicklung revolutionärer Prozesse in den arabischen Staaten zu unterbinden sowie durch den Wunsch ausgelöst, die arabischen Staaten im Einflußbereich des Kapitalismus zu halten. Indem sie diesen Kurs verwirklichte, riskierte die Bundesregierung bisweilen sogar eine Verschlechterung der Beziehungen zu ihrem Hauptverbündeten, den USA.

Während sie mit Einschränkungen des Recht des palästinensischen Volkes auf Selbstbestimmung und, in einer Reihe von Verlautbarungen, fast bis hin zur Gründung eines eigenen Staates anerkannte, verteidigte die Bundesrepublik gleichzeitig das Existenzrecht Israels innerhalb gesicherter und anerkannter Grenzen und erwies ihm moralisch-politische sowie bedeutende wirtschaftliche Unterstützung. Ja, selbst in der Palästinenserfrage zeigte sich Bonn als äußerst inkonsequent und wechselte aus taktischen Gründen seine Haltung. Dies drückte sich ebenfalls in der Einstellung der Bundesrepublik zu den Camp David-Verträgen zwischen Ägypten und Israel aus.

Die Bundesrepublik begrüßte das Abkommen von Camp David, nahm dabei aber eine Haltung ein, die seine Beziehung zur arabischen Welt, die die Politik Ägyptens verurteilte, nicht im mindesten beeinträchtigen konnte. Dank seiner guten Orientierung und indem es rechtzeitig auf den raschen Ablauf der politischen Vorgänge in der Region reagierte, bemüht sich Bonn zumindest äußerlich, wenn nicht sogar faktisch, seine ausgewogene Position im arabisch-israelischen Konflikt einzuhalten. Dies sowie die Ausweitung von wirtschaftlichen, politischen, kulturellen und sonstigen

Verbindungen festigten das politische Ansehen der Bundesrepublik in den arabischen Staaten. Sie wandten sich darum verschiedenlich an die Bundesrepublik, wenn es galt, im Nahostkonflikt eine Vermittleraufgabe zu übernehmen. Indem es die Rolle des politischen Mittlers und Friedensstifters gegenüber den Parteien des arabisch-israelischen Gegensatzes wahrzunehmen versuchte, paßte sich Westdeutschland gekonnt einer Situation an, die nach Camp David noch komplizierter geworden war. Um aus der Sackgasse von Camp David einen Ausweg zu finden und natürlich auch in Verfolgung seiner Eigeninteressen setzte sich die Bundesrepublik innerhalb der EG für eine „europäische Initiative“ ein, die tatsächlich anderes darstellte als einen Deckmantel für die Abkommen von Camp David. Die Bundesrepublik setzte sich intensivst dafür ein, die übrigen arabischen Staaten in den Camp David-Prozeß einzubeziehen. Dieser scheinbar doppelbödige, inkonsequente Zug der bundesdeutschen Nahostpolitik wird dadurch bedingt, daß die Bundesrepublik einem ganzen Bündel gegensätzlicher Faktoren Rechnung tragen muß: auf der einen Seite steht der Bund mit den USA und die engen Beziehungen zu Israel, auf der anderen Seite die Unumgänglichkeit, zwecks Vermeidung von politischen und wirtschaftlichen Sanktionen die Interessen der arabischen Staaten zu berücksichtigen. Eine nicht unerhebliche Bedeutung kommt auch den bundesdeutschen Beziehungen zu den Mitgliedsstaaten der EG, insbesondere zu Frankreich, zu. Letztendlich dienen jedoch auch die Kollektivverhandlungen der EG zur Beilegung des arabisch-israelischen Konflikts nur der Verschleierung des bundesdeutschen Vordringens in den Ländern der Region sowie der Vermehrung des westdeutschen Ansehens.

Bei der Festlegung ihrer Haltung gegenüber den Parteien des arabisch-israelischen Konflikts folgt die Bundesrepublik neben der Garantie ihrer eigenen Nationalinteressen der gesamtstrategischen Linie des Westens gegenüber dem Nahen Osten. Tritt die Bundesrepublik als Mittlerin der amerikanischen Politik in jenen Ländern der Region auf, in denen die USA selbst keinen Einfluß besitzen, bemüht sie sich in jeglicher Weise, diese von einem antiwestlichen Kurs abzubringen. Dies mindert jedoch keineswegs die Schärfe des Wettbewerbs mit den USA sowie anderen westlichen Staaten im Konkurrenzkampf um den arabischen Markt und die Rohstoffquellen.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- 1 В. Д. Езов. Предисловие к книге Кремер Н. С. ФРГ: интритипатическая борьба и внешняя ориентация, М., «Мысль» 1977, с. 3.
- 2 Федеративная Республика Германия, М., 1973, с. 414.
- 3 Willy Brandt, Friedenspolitik in Europa, S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 1968, S. 203.
- 4 Я. Я. Этингер. Экспансия ФРГ в арабских странах и Африке, М., с. 21.
- 5 Der Tagespiegel, 14.04.1966.
- 6 Peter Meyer-Ranke, Der rote Pharao. Ägypten und die arabische Wirklichkeit. Christian Wegner Verlag, Hamburg, 1964, S. 326.
- 7 Wilhelm G. Grewe, Deutsche Außenpolitik der Nachkriegszeit. Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, 1960, S. 377.
- 8 Heinrich von Brentano, Deutschland, Europa und die Welt. Reden zur deutschen Außenpolitik. Verlag zur Zeitarchive, Bonn, 1962, S. 381—382.
- 9 М. Люблицкий, Г. Сокольников. Протекционизм империализма ФРГ в слаборазвитые страны. М., Союзгиз, 1963, с. 83.
- 10 Я. Я. Этингер. Указ соч., с. 99—117.
- 11 Konrad Adenauer, Erinnerungen 1953—1965. Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, 1966, S. 132.
- 12 Там же с. 129—151, 155—159; George Blessin, Wiedergutmachung. Bad-Godesberg, Hohwacht Verlag, 1960; Vogel, Rolf, Deutschlands Weg nach Israel. Eine Dokumentation, Stuttgart, 1967; Konrad Adenauer und seine Zeit. Politik und Persönlichkeit des ersten Bundeskanzler. Beiträge von Weg- und Zeitgenossen. Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, 1976, S. 427—466; Kenneth M. Lewan, How West Germany helped to build Israel. — «Journal of Palestine Studies», 1975, N. 4, p. 42—64.
- 13 Deutschlands Außenpolitik seit 1955. Seewald Verlag, Stuttgart, 1965, S. 310.
- 14 С. Асразов. От Восток-Тель-Авив. — «Международная жизнь», 1968, № 11, с. 57.
- 15 Н. С. Кремер. Указ соч., с. 71.
- 16 Die Welt, 17.08.1955.
- 17 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 14.10.1967.

- 18 XIV съезд Коммунистической партии Израиля, М., 1962, с. 35.
- 19 M. Heikal, Das Kairo-Dossier. Aus den Geheimpapieren des Gamal Abdel Nasser, Verlag Fritz Molden, Wien-München-Zürich, 1972, S. 274.
- 20 Bulletin des Presse und Informationsamts der Bundesregierung, N. 127, 4.09.1962, S. 1183 (Лазарь — Bulletin).
- 21 Archiv der Gegenwart, 1962, S. 3739.
- 22 Bulletin, N. 176, 12.11.1962, S. 1559.
- 23 Konrad Adenauer, Erinnerungen, 1953—1965, S. 154.
- 24 Salah-Kamal Ibrahim, Grundelemente und Bedingungsfaktoren der ägyptischen Außenpolitik (1952—1970) unter besonderen Berücksichtigung der Beziehungen Ägyptens zur Sowjetunion während des Nahostkonflikts Bonn, 1979, S. 108.
- 25 Konrad Adenauer, Erinnerungen 1953—1965, S. 154.
- 26 Außenpolitik, 1965, No. 4, S. 265.
- 27 Bulletin, No. 54, 20.03.1963, S. 456.
- 28 M. Heikal, Указ сою., S. 273.
- 29 Konrad Adenauer, Erinnerungen 1953—1965, S. 155.
- 30 Die Auswärtige Politik der Bundesrepublik Deutschland, Hrsg. von Auswärtigen Amt, Verlag Wissenschaft und Politik, Köln, 1972, S. 50.
- 31 Bulletin, No. 147, 8.08.1966, S. 1417.
- 32 Sehr verehrter Herr Bundeskanzler! Heinrich von Brentano im Briefwäschel mit Konrad Adenauer 1949—1964, Hoffmann Verlag, Hamburg, 1974, S. 190.
- 33 Там же, с. 200.
- 34 Konrad Adenauer, Erinnerungen 1955—1969, Deutsche Verlag-Anstalt, Stuttgart, 1967, S. 133—134.
- 35 Sehr verehrter Herr Bundeskanzler! S. 200.
- 36 Там же, с. 199—200.
- 37 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 8.11.1966.
- 38 Verhandlungen des Deutschen Bundestag, 2. Wahlperiode, Sten. Berichte, Bd. 32, 168. Sitzung, 8.11.1966, Bonn, 1966, S. 9262.
- 39 Там же, с. 9267.
- 40 Я. Я. Франгер, Указ сою., с. 98.
- 41 Konrad Adenauer, Erinnerungen 1955—1969, S. 124; K. Adenauer: Seine Deutschland- und Außenpolitik 1945—1963, Deutscher Taschenbuch Verlag, München, 1975, S. 112.
- 42 Konrad Adenauer, Erinnerungen 1955—1969, S. 217—218.
- 43 Там же, с. 223.
- 44 Н. Я. Медведко, К восточному вопросу от Цусима, М., 1980, с. 40.
- 45 Felix E. Schinner, Bericht eines Beauftragten, Die deutsch-israelischen Beziehungen 1951—1966, Reiner Wunderlich Verlag, Tübingen, 1967, S. 114.
- 46 Die Auswärtige Politik..., S. 84.

Глава I

- 1 Inge Deutschkron, *Israel und die Deutschen. Zwischen Ressentiment und Revue*. Verlag Wissenschaft und Politik, Köln, 1970, S. 277.
- 2 The Times, 8.06.1958.
- 3 Mohammed Heikal, *Das Kairo-Dossier. Aus den Geheimspisieren des Gamal Abdel Nasser*. Verlag Fritz Molden, Wien-München-Zürich, 1972, S. 275.
- 4 Там же
- 5 Konrad Adenauer, *Erinnerungen 1959—1963*. Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, 1968, S. 32—39.
- 6 The New York Times, 21.01.1965.
- 7 Verhandlungen des Deutschen Bundestag, Bd. 60, 17. November 1965, Bonn, 1965, S. 8104.
- 8 Helga Haftendorn, *Militärhilfe und Rüstungsexporte der BRD*. Bertelsmann Universitätsverlag, Düsseldorf, 1971, S. 110.
- 9 Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung, No. 54, 23.03.1963, S. 477.
- 10 The Observer, 21.02.1965.
- 11 Der Spiegel, No. 9, 24.02.1965, S. 26.
- 12 Die Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland. Hrsg. von Auswärtigen Amt, Verlag Wissenschaft und Politik, Köln, 1972, S. 84—85.
- 13 Stand und Zukunft der deutsch-arabischen Beziehungen. Europa Union, Bonn, 1981, S. 9.
- 14 Der Spiegel, N. 6, 3.02.1965, S. 17.
- 15 Frankfurter Rundschau, 31.10.1964.
- 16 U. Albrecht, B. A. Sommer, *Deutsche Waffe für die Dritte Welt. Militärhilfe und Entwicklungspolitik*. Hamburg, 1972, S. 117.
- 17 M. Heikal, *Указ. соч.*, с. 277.
- 18 Там же, с. 278—279.
- 19 Die Welt, 26.11.1964.
- 20 Ernst A. Messerschmidt, *Deutsche Wiedervereinigung und Nahspolitik*. — «Orient», Hamburg, 1964, Heft 5/5, S. 164.
- 21 Аль-Ахрам, 24.01.1965.
- 22 M. Heikal, *Указ. соч.*, с. 282.
- 23 Bulletin, No. 29, 17.02.1965, S. 225.
- 24 Inge Deutschkron, *Указ. соч.*, с. 297.
- 25 Der Spiegel, No. 8, 17.02.1965, S. 21.
- 26 Аль-Ахрам, 25.02.1965
- 27 Felix E. Schinnar, *Bericht eines Beauftragten. Die deutsch-israelischen Beziehungen, 1951—1966*. Reiner Wunderlich Verlag, Tübingen, 1967, S. 152.
 Ф Шиннар, руководитель израильской торговой миссии в Кольно (ФРГ), развил активную деятельность в Бонне, убеждая не идти на этот шаг.
- 28 Verhandlungen des Deutschen Bundestag, 4. Wahlperiode, Bd. 57, Bonn, 1965, S. 8117.

- 29 Как пишет М. Хейкал, канцлер Эрхард «последенно пытался в панятое настроение». Вначале он пытался найти выход с помощью посредников, обратившись к генералу Франко, никогда не признававшим государство Израиль, однако и усилия Испании ни к чему не привели. — М. Heikal, ук. соч., с. 285; «Der Spiegel», N. 9, 24.02.1965, S. 33; Waldemar Besson, Die Aussenpolitik der Bundesrepublik. Erfahrungen und Masstabe. E. Piper and Co. Verlag, München, 1970, S. 352.
- 30 Keine westliche Koordination in Kairo. — Aussenpolitik, 3/1965, S. 150—151.
- 31 Deutsche Außenpolitik von Adenauer bis Brandt, 25 Jahre miterlebt und kommentiert von Marion Gräfin Dönhoff, Christian Wegner, Verlag, Hamburg, 1970, S. 235—236.
- 32 Handbuch der deutschen Aussenpolitik, Hrg. von H.—P. Schwarz, München—Zürich, 1975, S. 322; «Der Spiegel» No. 12, 17.03.1965, S. 28; Inge Deutschkron, Близ Брит—старейшая еврейская буржуазно-националистическая организация спадая в США в 1843 г. Действует в более чем 40 странах, насчитывает в своих рядах более 500 тысяч человек, из них в США—450 тысяч, С. М. Рокотов, Сионизм—орудие агрессивных империалистических кругов. М., 1983, с. 54.
- 33 Felix E. Schönhar, Указ. соч., с. 159.
- 34 Reiner Barzel, Auf dem Drahtseil, Droemer Knauer, München, 1978, S. 42—43.
- 35 Там же, с. 44—54, Указ. соч., с. 315.
- 36 Inge Deutschkron, Указ. соч., с. 315.
- 37 Der Spiegel, No. 12, 17.03.1965, S. 28—29.
- 38 Felix E. Schönhar, Указ. соч., с. 148.
- 39 Gerhard Schröder, Außenpolitik im Übergang Adenauer-Erhard. — Konrad Adenauer und seine Zeit, Politik und Persönlichkeit des ersten Bundeskanzlers. Beiträge von Weg- und Zeitgenossen. Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, 1976, S. 441.
- 40 R. Barzel, Указ. соч., с. 41. Юнус (Лущес) Клей-бининг американский верховный комиссар в Западной Европе (член «Взай Брит» и «Еврей-ветераны войны», «расторженный сразу трех господ: американского и западногерманского империализма и международного сионизма». Партнер представляющей сионистский капитал фирмы «Линкс бразерс» (E. Евсева-Расим под голубой звездой Саратова, 1981, с. 169—171; В. Болшаков. Сионизм во службе антикоммунизма. М., 1972, с. 51).
- 41 М. Heikal, Указ. соч., с. 286.
- 42 Die Welt, 8.03.1965.
- 43 Archiv der Gegenwart, 1965, S. 1180f.
- 44 Аль-Ахрам, 15.03.1965.
- 45 Bulletin, No. 47, 17.03.1965, S. 373.
- 46 Der Spiegel, No. 13, 24.03.1965, S. 26.
- 47 Inge Deutschkron, Указ. соч., с. 327.
- 48 I. Kreysler und K. Jungfer, Deutsche Israel-Politik. Entwicklung oder politische Masche. Göttingen, 1965, S. 125.

- 49 *Der Spiegel*, No. 9, 24.02.1965, S. 38.
- 50 *Der Spiegel*, No. 14, 31.03.1965, S. 34.
- 51 *Die Welt*, 11.03.1965.
- 52 *Der Spiegel*, No. 20, 12.03.1965, S. 25.
- 53 Die Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland, S. 546.
- 54 **Christoph von Imhoff**. Duell im Mittelmeer. Verlag Rombach Freiburg, 1968, Teil 2, S. 343.
- 55 Die Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland, S. 546—547.
- 56 **Ch. von Imhoff**. Die Araber-Liga nach der Nahostkrise. — «Ausserpolitik», 7/1965, S. 468.
- 57 *Ан-Ахрам*, 15.05.1965.
- 58 **M. С. Овон**. Государственно-монополистический механизм монополизации (на примере ФРГ), М., 1971, с. 16.
- 59 **I. Glasneck**. Das sogenannte Wiedergutmachungsabkommen mit Israel—ein Instrument des Bonner Neokolonialismus. — *Probleme des Neokolonialismus* Bd. 1, Leipzig, 1961, S. 722.
- 60 **В. Болышиков**. Указ. соч., с. 69; **Е. Ессен**. Указ. соч., с. 97.
- 61 *Der Spiegel*, No. 41, 30.10.1966, S. 146; **Л. Ф. Стржелецкий**. Стрелки вправо Шпрингера. М., 1978, с. 7—8.
- 62 **Курт Штаблер**. Возрождение великой державы? (пер. с нем.), «Прогресс», М., 1981, с. 97—98; **С. Никольев**. Израиль и империалистические монополии. — *Международная жизнь*, 1968, № 8, с. 149; **Ю. Устенов**. Арабо-иные связи Востка. — *Марксизм экономика в международные отношения*, 1968, № 12, с. 119.
- 63 *Der Spiegel*, No. 16, 1966, S. 28.
- 64 **Мюр Вильвер**. Нынешнее положение в Израиле. — *Проблемы мира и социализма*, 1967, № 4, с. 40.
- 65 **Jekutiel Deligdisch**. Die Einstellung der Bundesrepublik Deutschland zum Staate Israel. Eine Zusammenfassung der Entwicklung seit 1949. Verlag Neue Gesellschaft, Bonn, 1974, Dok. XI, S. 177.
- 66 *Der Spiegel*, No. 31, 28.07.1965, S. 62.
- 67 **Konrad Adenauer**. Erinnerungen. 1963—1965, deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, 1966, S. 160; «*Der Spiegel*», No. 20, 9.05.1966, S. 39.
- 68 **J. Kreysler**. Указ. соч., с. 103—104.
- 69 *Süddeutsche Zeitung*, 10.10.1965; «*Die Welt*», 17.08.1965.
- 70 **Heinrich L. Kaster**. Nassers Weg nach Moskau. — «*Die Politische Meinung*», No. 105, May 1965, S. 88.
- 71 *Deutschlands Außenpolitik seit 1965*. Seewald Verlag, Stuttgart, 1965, S. 208—307.
- 72 **Paul Noak**. Deutsche Außenpolitik seit 1945. Verlag W. Kohhammer, Stuttgart, 1972, S. 104—105.
- 73 **Erich Helmsendorfer**. Westlich von Suez. Verlag R. S. Schulz, Percha, 1973, S. 174; **Peter Meier-Ranke**. Der rote Pharao. Ägypten und die arabischen Wirklichkeit. Christian Wegner Verlag, Hamburg, 1964, S. 326.

- 74 Aussenpolitik, 7/1965, S. 470.
- 75 Ю. М. Краснов. ФРГ на мировых рынках. М., 1973, с. 151.
- 76 М. С. Овсов. Указ. соч., с. 18.
- 77 Süddeutsche Zeitung, 10.10.1965.
- 78 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 26.02.1966.
- 79 Die Welt, 11.06.1966.
- 80 Die Welt, 13.05.1966.
- 81 Г. А. Насер. Проблемы египетской революции. Избр. речи и выступления (1952—1970). М., 1970, с. 135.
- 82 Аль-Ахрам, 14.09.1966.
- 83 Аль-Джумхури, 8.09.1965.
- 84 В. Д. Еков. Классовые бои на Рейне. М., 1973, с. 373.
- 85 Г. Мис. Поворот право? (пер. с нем.), М., 1983, с. 21.
- 86 Н. С. Кремлер. ФРГ: внутриполитическая борьба и внешняя ориентация. М., 1977, с. 228—229.
- 87 Федеративная Республика Германия, М., 1973, с. 432.
- 88 Verhandlungen des Deutschen Bundestag, 5. Wahlperiode, Bd. 63, 8a. Sitzung, 13.12.1966, Bonn, 1966, S. 3654—3665.
- 89 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 17.12.1966.
- 90 Р. Мейер-Ранке. Deutsche Nahost-Politik am Neubeginn. — «Aussenpolitik», 4/1967, S. 233—240.
- 91 Bulletin, No. 21, 28.02.1967, S. 172.
- 92 Aussenpolitik, 4/1967, S. 239.
- 93 Die Welt, 28.02.1967.
- 94 Bulletin, No. 33, 4.04.1967, S. 275.
- 95 Stern, No. 16, 10.04.1967, S. 34.
- 96 Ал-Шаб, 20.03.1967.
- 97 Orient, Hamburg, 4/1967, April, No. 2, S. 60.
- 98 Т. Крамер. Указ. соч., с. 45.
- 99 Orient, April 1967, No. 2, S. 60.
- 100 Там же, с. 56.
- 101 Bulletin, No. 37, 27.04.1967.
- 102 Orient, April 1967, No. 2, S. 19.
- 103 Аль-Ахрам, 4.05.1967.
- 104 Е. М. Пришкол. Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978, с. 251.
- 105 Там же.
- 106 Е. Дзирнеа, В. Ладески. Путь к миру на Ближнем Востоке. М., 1974, с. 123.
- 107 Deutschlands Weg nach Israel, Hreg. R. Vogel, Stuttgart, 1967, S. 313.
- 108 Vorwärts, No. 22, 1.05.1967; No. 17, 27.04.1967.
- 109 Annon Neustadt. Die Deutsch-iraelische Beziehungen im Schatten der EG-Nahostpolitik, Frankfurt am Main, 1983, S. 75.
- 110 Аль-Ахрам, 29.05.1967.

- 111 Neuer Deutschland, 1.06.1967.
- 112 Die Welt, 30.05.1967.
- 113 Vorwärts, 25.05.1967.
- 114 Der Spiegel, No. 23, 29.05.1967, S. 126.
- 115 Die Welt, 2.06.1967.
- 116 Die Welt, 23.05.1967.
- 117 Пресса, 5.06.1967.
- 118 Neues Deutschland, 1.06.1967.
- 119 Международная жизнь, 1968, № 11, с. 63.
- 120 Der Spiegel, 5.06.1967, No. 24, S. 33.
- 121 Там же.
- 122 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 5.06.1967.
- 123 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 8.06.1967.
- 124 Neues Deutschland, 3.06.1967.
- 125 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 7.06.1967.
- 126 Л. Н. Медведко К востоку и западу от Суэза, М., 1960, с. 93.
- 127 Н. Беллев, Т. Колеттичичево, Е. Пранковска, «Голуби» слушек, М., 1968, с. 68.
- 128 Е. Давуриш, В. Лалеушич. Указ. соч., с. 123.
- 129 Л. Н. Медведко. Указ. соч., с. 84.
- 130 Christoph von Imhoff, Duell im Mittelmeer, Freiburg, 1968, S. 225.
- 131 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 6.06.1967.
- 132 Там же.
- 133 Der Spiegel, 12.06.1967, No. 25, S. 3.
- 134 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 7.06.1967.
- 135 Wie Politische Meinung, 1967, No. 120, Heft 2/3, S. 61—71.
- 136 Kennet Lewan, Der Nahostkrieg in der westdeutschen Presse, Pahl-Rugenstein Verlag, 1970, S. 174.
- 137 Stern, No. 45, 31.10. 1973, S. 216.
- 138 Пресса, 11.06.1967.
- 139 Der Spiegel, No. 25, 12.06.1967, S. 30.
- 140 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 7.06.1967.
- 141 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, 5. Wahlperiode, Sten. Berichte, Bd. 64, 111. Sitzung, Bonn, 1967, S. 5268.
- 142 Пресса, 20.06.1967.
- 143 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Bd. 64, S. 5276—5277.
- 144 Там же, с. 5317.
- 145 Там же, с. 5270.
- 146 Там же, с. 5272.
- 147 Там же, с. 5280.
- 148 Там же, с. 5292.
- 149 Там же, с. 5304—5305.
- 150 Там же, с. 5330.
- 151 Christoph von Imhoff, op. cit., S. 231.

- 152 J. Dellgösch, Die Einstellung der Bundesrepublik Deutschland zum Staate Israel, Bonn, 1974, S. 134.
- 153 Л. Ф. Стрелковский, Стрелжет пресса Шпрингера, М., 1978, с. 8.
- 154 Willy Brandt, Außenpolitik, Deutschlandpolitik, Europapolitik, Berlin, 1968, S. 72, 94; Willy Brandt, Friedenspolitik in Europa, Frankfurt am Main, 1968, S. 210.
- 155 Resistentia, F. a. M., 1969, No. 7, S. 18.
- 156 Orient, No. 2, April, 1970, S. 57.
- 157 W. Laquer, The Road to War, L., 1969, p. 228.
- 158 Ю. Невнов, Осторожно: спонизм! М., 1971; В. Боловиков, Спонизм на службе антикоммунизма, М., 1972; С. М. Рохотов, Спонизм—орудие агрессивных империалистических кругов, М., 1983.
- 159 Правда, 22.10.1967.
- 160 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 7.06.1967.
- 161 Jedit Abaronot, 11.08.1967.
- 162 Doris Kuschner, Die jüdische Minderheit in der Bundesrepublik Deutschland. Eine Analyse, Universität Köln, 1977, S. 256.
- 163 Vorwärts, 22.07.1965, No. 25.
- 164 Т. Валкиновский, ФРГ и Израиль, М., 1971, с. 150—151.
- 165 Die Welt, 5.07.1967.
- 166 Die Welt, 10.06.1967.
- 167 Vorwärts, 22.06.1967, No. 25.
- 168 Der Spiegel, 28.07.1967, No. 28.
- 169 Международная жизнь, 1968, №4, с. 76.
- 170 Der Spiegel, 28.07.1967, No. 28.
- 171 Т. Валкиновский, Указ. соч., с. 80.
- 172 Аль-Ахрам, 30.10.1967.
- 173 Т. Валкиновский, Указ. соч., с. 173—174.
- 174 Der Spiegel, 26.06.1967, No. 27, S. 64.
- 175 Communist Party of Israel, Information Bulletin, June 20; August 27, 1967.
- 176 Цит. по кн.: Т. Валкиновский, Указ. соч., с. 88—89.
- 177 Der Spiegel, 12.06.1967, No. 25, с. 28.
- 178 Проблемы мира и социализма, 1967, №4, с. 76.
- 179 Цит. по: Проблемы мира и социализма, 1967, №8, с. 93.
- 180 Bulletin, No. 69, 30.06.1967, с. 597.
- 181 Wehrkunde, München, 1967, Heft 7, с. 338.
- 182 Л. Н. Кутаков, От Пекина до Нью-Йорка, М., 1983, с. 135.
- 183 Там же.
- 184 М. Е. Хазимов, ООН и ближневосточный кризис, М., 1983, с. 77.
- 185 Wehrkunde, 1967, Heft 7, с. 339.
- 186 Бундесвер—армия ренанша, пер. с нем., М., 1969, с. 427—428.
- 187 Die Welt, 13.06.1967.
- 188 Правда, 14.06.1967.
- 189 Е. Премлов, Покидают бурю.—Правда, 18.06.1967.

- 190 *Международный ежегодник. Политика и экономика. 1967 г.* М., 1968, с. 206.
- 191 *Financial Times*, 22.08.1967.
- 192 *Aussenpolitik*, September 1967, Heft 9, с. 516.
- 193 *Die Welt*, 31.08.1967.
- 194 *Аль-Ахрам*, 2.09.1967.
- 195 *Frankfurter Rundschau*, 31.08.1967.
- 196 *General-Anzeiger*, 1.09.1967.
- 197 *Н. Белая, Т. Колесниченко, Е. Приказов*, «Голубые слушан», с. 141.
- 198 *The Times*, 7.08.1967.
- 199 *Aussenpolitik*, Heft 11, November 1967, с. 622.
- 200 *Christoph von Imhoff*. Указ. соч., с. 226.
- 201 *The New York Times*, 2.09.1967.
- 202 *Аль-Баас, Дамаск*, 18.10.1967.
- 203 *Ас-Саура, Багдад*, 25.07.1967.
- 204 *Neues Deutschland*, 7.06.1967.
- 205 *Bulletin*, 23.06.1967, No. 66, с. 566—567; 7.07.1967, No. 72, с. 624; 1.08.1967, No. 81, с. 694.
- 206 *Bulletin*, 2.05.1967, No. 58, с. 495.
- 207 *Der Spiegel*, 19.06.1967, No. 26, с. 70.
- 208 *Аль-Ахрам*, 31.08.1967; *Bulletin*, 3.11.1967, No. 124, с. 1055; 7.11.1967, No. 126, с. 1972; В. Браун в связи с визитом Хусейна в Багдад отметил, что «сам был под впечатлением от жесткого разговора в сдержанной позиции короля. Король Хусейн повторил свое желание выразить, что проблема Ближнего Востока может быть решена мирным путем». — В кн.: Willy Brandt. Außenpolitik, Deutschlandpolitik, Europapolitik. Berlin Verlag, 1968, с. 141.
- 209 *Der Spiegel*, No. 26, 19.06.1967, с. 70.
- 210 *Le Monde*, 24.07.1967.
- 211 *Bulletin*, 8.08.1967, No. 83, с. 720.
- 212 *О. М. Горбатов, Л. Я. Черкасский*. Борьба СССР за обеспечение прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке. М., 1980, с. 18—28.
- 213 *UNO Doc.* 2/6737—30.05.1967; *Bulletin*, 5.07.1967, No. 71, с. 609.
- 214 *Ал-Нахар, Бейрут*, 6.09.1967.
- 215 *Bulletin*, 16.08.1967, No. 87, с. 746.
- 216 *Außenpolitik*, Heft 8, August 1967, с. 491—495.
- 217 *Bulletin*, 23.08.1967, No. 90, с. 774—775.
- 218 *Orient*, No. 3, Juni 1968, с. 82.
- 219 *Der Spiegel*, 25.12.1967, No. 53, с. 70.
- 220 *Willy Brandt, Begegnungen und Einsichten. Die Jahre 1960—1975*, Hamburg, 1976, с. 589.
- 221 *Deutsch-arabische Beziehungen. Bestimmungsfaktoren und Probleme einer Neuorientierung*. München/Wien, 1961, с. 127.
- 222 *Фн.: Е. Дмитриев, В. Ладейкин*. Указ. соч., с. 135—136; *Е. М. Приказов*. Анатолия ближневосточного конфликта, с. 258—260; *Л. Н. Медведко*. К

- востоку и западу от Суэца, с. 117—119; М. Е. Хазимо, ООН и ближневосточный кризис, с. 89—90.
- 223 Bulletin, 21.02.1968, No. 23, с. 186.
- 224 В. Д. Ежов. От «холодной войны» к разрядке, ИПЛ, М., 1978, с. 23.
- 225 Федеративная Республика Германии, М., 1973, с. 432—433.
- 226 Там же; Имперализм ФРГ, пер. с нем., М., 1973, с. 454.
- 227 Имперализм ФРГ, с. 454.
- 228 Дипломатия современного имперализма, М., 1969, с. 304.
- 229 Там же, с. 306.
- 230 Имперализм ФРГ, с. 455.
- 231 Amnon Neustadt, Die deutsch-israelische Beziehungen, S. 79.
- 232 Ф. Номе, ФРГ в 1968 г.: общий сланг врано.—Международный ежегодник 1968, М., 1969, с. 182.
- 233 Jakoviel Deligdisch, Указ. соч. с. 177.
- 234 Б. Ф. Ямленец, Иностраный капитал и экономике Израиля, М., 1983, с. 115.
- 235 В. Алексеев, В. Иванов, Сионизм на службе имперализма.—Международная жизнь, 1968, №5, с. 98.
- 236 В. Петров, Международный климат в экономике Израиля.—Международная экономика и международные отношения, 1971, №12, с. 78.
- 237 Международная жизнь, 1968, №2, с. 119.
- 238 Аль-Ахрам, 30.05.1968; Free Palestine, April 1968, vol. 2, No. 11.
- 239 Там же, 20.05.1968.
- 240 Мюар Вильнер, XVI съезд Коммунистической партии Израиля.—Проблемы мира и социализма, 1969, №5, с. 35.
- 241 Bulletin, No. 150, 27.XI.1968, S. 1317.
- 242 Willy Brandt, Begegnungen und Einsichten, S. 590.
- 243 The Socialist International, XI Congress, June 16—20 1969, Easthourn, с. 163—164.
- 244 Курт Шалт, Социал-демократия на пороге 70-х годов.—Проблемы мира и социализма, 1971, №1, с. 82.
- 245 Europa-Archiv, Folge 15, 10.08.1967, S. D 370; F/3, 10.02.1968, S. D71—72; F/1, 10.01.1969, S. D27.
- 246 Я. Г. Бронин, Политика империалистических держав в районе Средиземного моря, М., 1984, с. 208.
- 247 Правда, 24.XI.1968.
- 248 Bulletin, No. 77, 21.05.1968, S. 653.
- 249 Г. А. Насер, Проблемы египетской революции, с. 217.
- 250 Helmut Schmidt, Strategie des Gleichgewichts, Deutsche Friedenspolitik und die Weltmächte, Seewald Verlag, Stuttgart, 1970, S. 213—214; Kurt-Georg Kiesinger, Die Große Koalition 1966—1969, Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, 1979, S. 223; Die Auswärtige Politik..., S. 86.
- 251 Weltwoche, 6.09.1969; Bulletin, No. 74, 11.06.1969, S. 639.
- 252 Зезевский и Дюссельдорфский съезды Германской Коммунистической партии, М., 1973, с. 87—88.

- 253 Die Auswärtige Politik... S. 86.
- 254 Bulletin, No. 23, 21.02.1968, S. 185.
- 255 Там же.
- 256 Эберхард Чиндон. Башар и власть. 1977, с. 447.
- 257 Там же, с. 448.
- 258 Ю. М. Краснов. ФРГ на мировых рынках, с. 130. Всего в 1969 г. прямые капиталовложения ФРГ за границей составили 17,6 млрд. марок, из них в развивающиеся страны 5,4 млрд. марок.—Интернационал ФРГ, с. 422.
- 259 Bulletin, No. 108, 23.08.1969, S. 926; Orient, No. 3, Juni 1969, S. .
- 260 Orient, No. 6, Dezember 1968, S. 187—191; Bulletin No. 54, 4.05.1968, S. 440; No. 25, 28.02.1968, S. 201—203.
- 261 Thomas W. Kramer. Die deutsch-ägyptische Beziehungen in Vergangenheit und Gegenwart, Trübenen-Basel, 1974, S. 268.
- 262 Роз аль-Юсеф, 11.XI.1968.
- 263 Аль-Назар, 6.09.1967; Роз аль-Юсеф, 11.XI.1968; Bulletin, No. 16.08.1967, S. 746.
- 264 Роз аль-Юсеф, 11.XI.1968.
- 265 Гужар Ярринг—специальный представитель генерального секретаря ООН, миссия которого была содействовать на месте выполнению положений резолюции 242.
- 266 Роз аль-Юсеф, 11.XI.1968.
- 267 Bulletin, No. 23, 21.02.1968, S. 186.
- 268 Аль-Хайят, 28.06.1969.
- 269 Orient, No. 5, Oktober 1967, S. 166.
- 270 Die Bundesrepublik Deutschland—Mitglied der Vereinten Nationen. Eine Dokumentation, Verlag für Zeitarchive, GmbH, Bonn, 1977, S. 254.
- 271 Аль-Хайят, 28.06.1969.
- 272 Willy Brandt. Begegnungen und Einsichten, S. 589.
- 273 Bulletin, No. 23, 21.02.1968, S. 185.
- 274 Observer, 15.06.1968.
- 275 Аль-Баас, 8.12.1968.
- 276 Thomas Kramer, Die deutsch-ägyptische Beziehungen, S. 268.
- 277 The Guardian, 20.02.1968.
- 278 «The Cristian sience monitor», 20.10.1967.
- 279 The New York times, 5.08.1968.
- 280 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 17.07.1968.
- 281 The New York times, 17.07.1968.
- 282 Le Monde, 6.08.1968.
- 283 В. Молочкова. Укрепление международных позиций ГДР.—«Международная жизнь», 1970, №1, с. 103.
- 284 Alchemiein Handelsblatt, 12.05.1969.
- 285 Neues Deutschland, 1.02.1968.
- 286 Frankfurter Rundschau, 31.01.1968.
- 287 Bulletin, No. 72, 7.06.1969, S. 623.
- 288 Аль-Хайят, 30.06.1969.

- 289 Die Welt, 18.06.1969.
 290 Christoph von Imhoff, Schleicher der Orientkrieg—ohne Ende, — «Ausserpro-
 blek», 11/November 1969, S. 649.
 291 Le Monde, 7.10.1969.
 292 Al-Kafer, 30.06.1969.
 293 Neuvel Observator, 7.07.1969.
 294 Reiner Büren, Bemerkungen zum Stellenweg der arabischen Staaten in der
 außenpolitischen Konzeption der BRD, — «Orient», 3/September 1974, S. 95.
 295 Morgen-Post, 7.09.1969.
 296 M. C. Овоя, Государственно-новоевропейский механизм неостолотализма
 (на примере ФРГ), М., 1971, с. 18.
 297 Der Spiegel, 4.09.1967, No. 37, S. 98.
 298 Ал-Шааб, 19.07.1969.
 299 Ал-Шааб, 11.09.1969.
 300 Willy Brandt, Der Wille zum Frieden. Perspektiven der Politik. Hoffman und
 Campe Verlag, Hamburg, 1971, S. 289.

Глава II

- 1 Г. Мис, Поворот направо? пер. с нем., М., 1983, с. 26.
 2 Федеративная Республика Германия, М., 1973, с. 414.
 3 Н. С. Крекер, ФРГ: внутринациональная борьба и внешне ориентация,
 М., 1977, с. 253.
 4 В. Д. Ежов, Классовые бои на Рейне, М., 1973, с. 386.
 5 Р. Ф. Алексеев, СССР—ФРГ: прошлое и настоящее, М., 1980, с. 116.
 6 Эссенский и Дюссельдорфский съезды ГКП. Пер. с нем., М., 1973, с. 319.
 7 Willy Brandt, Reden und Interviews, Herbst 1971 bis Frühjahr 1973, Hoff-
 mann und Campe Verlag, Hamburg, 1973, с. 70—77; с. 168.
 8 E. Easson, Рассказы под голубой звездой, с. 142; В. Лунгов, Социсты пре-
 вращают международный мир в безопасность.—Международная жизнь, 1971,
 № 6, с. 84.
 9 Amnon Neustadt, Die deutsch-israelische Beziehungen, s. 84.
 10 Willy Brandt, Die Wille zum Frieden, с. 344.
 11 Die deutsch-arabische Beziehungen, с. 130; Willy Brandt, Begegnungen und
 Einsichten, с. 590.
 12 Правда, 17.03.1970.
 13 Unsere Zeit, No. 29, 17.07.1971.
 14 Neues Deutschland, 22.09.1970.
 15 Th. Kramer, Указ. соч., с. 276—277.
 16 Deutsch-arabische Beziehungen, с. 130.
 17 Unsere Zeit, No. 5, 28.01.1972.
 18 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, 6. Wahlperiode, Sten. Berichte,
 5. Sitzung, 28.10.1969, Bd. 71, Bonn 1969/1970, с. 32.
 19 Bulletin, No. 4, 13.01.1970, с. 28.
 20 Deutsch-arabische Beziehungen, с. 130.

- 21 Bulletin, No. 25, 22.02.1972, S. 269.
- 22 Frankfurter Rundschau, 1.10.1970.
- 23 Verhandlungen des Deutschen Bundeslages, Bd. 72, 33. Sitzung, 25.02.1970, Bonn, 1970, S. 1554.
- 24 *الأخبار*, 1971/12/12
- 25 Amnon Neustadt. Указ. соч., с. 103—155.
- 26 Die Auswärtige Politik..., S. 756.
- 27 *الأخبار*, 1971/12/12
- 28 Bulletin, No. 19, 9.02.1971, S. 202.
- 29 Bulletin, No. 35, 10.03.1971, S. 357.
- 30 Bulletin, No. 144, 24.07.1971, S. 1250.
- 31 Der Bundesrepublik Deutschland—Mitglied der Vereinten Nationen. Eine Dokumentation. Verlag für Zeitarchive, GmbH, Bonn, 1977, S. 254.
- 32 Deutsch-arabische Beziehungen, S. 130.
- 33 Bulletin, No. 107, 13.07.1971, S. 1178.
- 34 Willy Brandt. Der Wille zum Frieden, S. 347.
- 35 Die Auswärtige Politik..., S. 813.
- 36 Willy Brandt. Reden und Interviews, Herbst 1971..., S. 239.
- 37 Amnon Neustadt. Указ. соч., с. 160.
- 38 Bulletin, No. 28, 25.02.1970, S. 253—256.
- 39 Bulletin, No. 27, 26.02.1970, S. 266.
- 40 Bulletin, No. 26, 25.02.1970, S. 254.
- 41 Süddeutsche Zeitung, 24.02.1970.
- 42 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 24.02.1970.
- 43 Abba Eban. An Autobiography, L., 1978, p. 483.
- 44 Unsere Zeit, No. 46, 13.10.1971; *И. Васильев, Импрессионистическая помощь Израилю—Международная жизнь*, 1971, с. 134.
- 45 Süddeutsche Zeitung, 24.02.1970.
- 46 Der Spiegel, No. 3, 12.01.1970; No. 4, 19.01.1970, S. 16.
- 47 Free Palestine, Mart 1970, vol. 2, No. 20.
- 48 Sunday telegraph, 22.04. 1973.
- 49 *Л. Корнеев. Сноски и военные монополии.—Международная жизнь*, 1972, № 10, с. 155.
- 50 *Congress de politique etrangere*, 14.12.1971.
- 51 Империялизм ФРГ, с. 412.
- 52 *Я. Бронин. Арабская нефть—США—Западная Европа—Мировая экономика и международные отношения*, 1972, с. 35—38.
- 53 Europa-Archiv, Folge 19, 10.10.1970, S. D 470; The Washington Post, 10.09. 1973.
- 54 *Е. Прицаков. Экономический аспект кризиса на Ближнем Востоке.—Международная жизнь*, 1972, № 5, с. 52.
- 55 The New York Times, 26.09.1970.
- 56 *Я. Бронин. Арабская нефть—США—Западная Европа*, с. 37.
- 57 Cristian Science Monitor, 17.11.1972.

- 58 The Washington Post, 1.04.1970.
- 59 Europa-Archiv Folge 8, 24.04.1970, S. 287.
- 60 Günter Keiser, Gefahren für die Energieversorgung Europas. — Aussenpolitik, Heft 7/Juli 1971, S. 412—420.
- 61 Europa-Archiv, Folge 100, 10.11.1971, S. 743—745.
- 62 Die Auswärtige Politik..., S. 86.
- 63 Die Deutsch-arabische Beziehungen, S. 134.
- 64 «Комитет Даванькова» в ЕЮС подготавливает доклады для ежеквартальных совещаний министров иностранных дел стран-членов сообщества, проводимых в целях согласования внешней политики. Контролирует несколько специализированных подкомитетов, занимающихся отдельными проблемами, как например «Ближний Восток».
- 65 Die Welt, 14.07.1971.
- 66 Deutsch-arabische Beziehungen, S. 134.
- 67 Палестинская проблема. Документы ООН, международных организаций и конференций. М., 1984, с. 30—33.
- 68 Die Welt, 14.07.1971.
- 69 Aussenpolitik, Heft 7/Juli 1971, S. 418.
- 70 Willy Brandt. Begegnungen und Einsichten, S. 560.
- 71 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Bd. 76, 133. Sitzung, 19.07.1971, Bonn, 1971, S. 7758.
- 72 Там же, с. 7759—7775.
- 73 Europa-Archiv, Folge 11, 10.06.1972, S. 368.
- 74 Там же.
- 75 Я. Броун. Проблемы Средиземноморья и империалистическая стратегия. — Мировая экономика и международные отношения, 1971, №9, с. 21.
- 76 Die Auswärtige Politik..., S. 86.
- 77 Deutsch-arabische Beziehungen, S. 133.
- 78 Deutsch-arabische Beziehungen, S. 135.
- 79 Orient, 3/September 1971, S. 95.
- 80 A. Neustadt. Указ. соч., с. 191.
- 81 Bulletin, No. 107, 13.07.1971, S. 1178.
- 82 Deutsch-arabische Beziehungen, S. 135.
- 83 Europa-Archiv, Folge 4/1976, S. 120; Archiv der Gegenwart, 1971, S. 1639.
- 84 Moustafa Haggag. Politische Aspekte des Deutschlandbildes in der veröffentlichten Meinung Ägyptens (1964—1972), Peter Lang Verlag, Frankfurt am Main, 1977, S. 51.
- 85 Deutsch-arabische Beziehungen, S. 133.
- 86 M. Haggag. Указ. соч., с. 52.
- 87 Bulletin, No. 123, 12.09.1972, S. 1531.
- 88 Аль-Ахрам, 7.09.1972.
- 89 1972/9/7, الامارات
- 90 Frankfurter Rundschau, 12.09.1972; Bulletin, No. 123, 12.09.1972; S. 1536.
- 91 С. Седое. Слоннам: ставка на террор. М., 1984, с. 67.
- 92 Bulletin, No. 140, 6.10.1972, S. 1699—1700.

- 93 Stern, No. 40, 24.09.1972, S. 179.
- 94 1972/9/30. **المحور (لبنان) مشورة بغداد**.
- 95 1972/9/20. **مشورة بغداد**.
- 96 BRD, Israel und die Palästinenser. Pahl-Rugenstein Verlag, Köln, 1973, S. 191.
- 97 Мировая экономика и международные отношения, 1969, №1, с. 80.
- 98 BRD, Israel und die Palästinenser, S. 208.
- 99 Parteitag der SPD, vom 10. bis 14. April 1973, Hannover, Protokoll der Verhandlungen, Bd. 1, Bonn, 1973, S. 130.
- 100 Там же, с. 89.
- 101 Там же, с. 204.
- 102 Там же, с. 1103.
- 103 Neue Rhein-Zeitung, 12.04.1973.
- 104 Socialist Affairs. Socialist International Information, may—june 1971, vol. XXI, No. 5—6, Helsinki council conference, 25—27 may 1971, p. 107.
- 105 Ю. Харитомов, Л. Шейдин. На силе и за кулисами.—Проблемы мира и социализма. 1972, №9, с. 77; М. А. Лавров. Социалистический Интернационал и Ближний Восток.—Народы Азии и Африки, 1973, №5, с. 32—34.
- 106 Ю. Пелин. Новая «вожарная команда» НАТО.—Международная жизнь, 1969, №3, с. 81.
- 107 Международная жизнь, 1972, №9, с. 113.
- 108 Newswook, №7, 15.02.1971; М. Брыкина. Западная Европа и США: партнерство и соперничество.—МЭ и МО, 1973, №10, с. 26.
- 109 The New York Times, 19.09.1970.
- 110 Frankfurter Rundschau, 19.07.1972. Об этом подробнее см.: Е. Абдрия. Причины изменений внутренней и внешней политики Египта после Г. А. Насера.—Характерные черты социально-политического развития арабских стран в 1950—1970 гг. Ереван, 1980, с. 111—116.
- 111 В. Шейн. НАТО: цена «зрелого партнерства».—МЖ, 1972, №1, с. 71—79.
- 112 О. Н. Быков. Куда идет Западная Европа.—МЭ и МО, 1969, №6, с. 106.
- 113 Außenpolitische Perspektiven des westdeutschen Staates, R. Oldenbourg Verlag, München/Wien, 1972, Bd. 2, S. 114.
- 114 Там же, т. 3, с. 61.
- 115 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 13.04.1973.
- 116 Имперализм ФРГ, с. 419.
- 117 The Times, 27.02.1973.
- 118 Udo Steibach. Neue Perspektiven der Nahost-Politik. — Europa-Archiv Folge 15, 10.08.1972, S. 537—538.
- 119 К. Н. Брутенц. Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979, с. 82.
- 120 Ю. М. Красков. Внешнеэкономическая стратегия монополий ФРГ: М., 1981, с. 69.
- 121 А. С. Кобелевко. Внешнеэкономическая политика империализма и развивающихся страны. М., 1977, с. 28—29.
- 122 Bulletin, No. 52, 3.4.1971.

- 123 Erhard Eppler, *Wenig Zeit für die Dritte Welt*, Verlag W. Kohlhammer GmbH, Stuttgart, 1971, S. 124—129.
- 124 Deutsch-arabische Beziehungen, S. 157—158.
- 125 الأيوار (بمبان) ١٧٣٤/١٢
- 126 Walter Scheef, *Aktuelle Probleme der Außenpolitik der BRD*. — Europa-Archiv, Folge 13, 10.7.1973, S. 437.
- 127 Bulletin, No. 60, 23.05.1973, S. 581.
- 128 Welt am Sonntag, 27.05.1973.
- 129 Unsere Zeit, No. 22, 1.6.1973.
- 130 Willy Brandt, *Reden und Interviews, Herbst 1971...*, S. 344.
- 131 J. Deligdisch, *Указ. сов.*, с. 188.
- 132 Bulletin, No. 64, 29.05.1973, S. 630.
- 133 Willy Brandt, *Reden und Interviews, Herbst 1971...*, S. 292.
- 134 Deutsch-arabische Beziehungen, S. 136.
- 135 Willy Brandt, *Der Wille zum Frieden*, S. 344.
- 136 Bulletin, No. 68, 6.6.1973, S. 674.
- 137 Der Spiegel, No. 24, 11.6.1973, S. 86.
- 138 Die Zeit, 8.6.1973.
- 139 Walter Laqueur, *Confrontation. The Middle East War and World Politics*. Wildwood House, Abacus, 1974, p. 57.
- 140 A. Neustadt, *Указ. сов.*, с. 138.
- 141 Bulletin, No. 68, 6.6.1973, S. 674.
- 142 Bulletin, No. 67, 5.6.1973, S. 661.
- 143 Bulletin, No. 71, 13.6.1973, S. 719.
- 144 *Там же*, с. 720.
- 145 J. Deligdisch, *Указ. сов.*, с. 594.
- 146 Willy Brandt, *Begegnungen und Einsichten*, S. 594.
- 147 Der Spiegel, No. 24, 11.6.1973, S. 76.
- 148 Die Zeit, 8.6.1973.
- 149 Der Spiegel, No. 25, 18.6.1973, S. 28.
- 150 Bulletin, No. 67, 5.6.1973, S. 661.
- 151 Der Spiegel, No. 25, 18.6.1973, S. 28.
- 152 *Там же*, с. 59.
- 153 *Там же*, с. 28.
- 154 Neues Deutschland, 12.6.1973.
- 155 Der Spiegel, No. 24, 11.6.1973, S. 76.
- 156 Neues Deutschland, 9.6.1973.
- 157 Neues Deutschland, 6.6.1973.
- 158 Bulletin, No. 71, 13.6.1973, S. 719.
- 159 Der Spiegel, No. 24, 11.6.1973, S. 76.
- 160 Willy Brandt, *Begegnungen und Einsichten*, S. 597.
- 161 Unsere Zeit, No. 24, 15.6.1973.
- 162 BRD, *Israel und die Palästinenser*, S. 208.
- 163 Die Politische Meinung, Heft 151, Nov./Dez. 1973, # 6.

- 164 L'Aurore, 9.7.1973.
- 165 Bulletin, No. 166, 28.11.1970, S. 1774.
- 166 Bulletin, No. 105, 8.9.1973, S. 1055.
- 167 J. Deligdisch Указ. соч., с. 187.
- 168 Внешняя политика стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1984, с. 224.
- 169 Р. В. Борисов. США: ближневосточная политика в 70-е годы. М., 1982, с. 144.
- 170 К. Н. Брутец. Указ. соч., с. 82.
- 171 Frankfurter Rundschau, 27.01.1973.
- 172 Handbuch der deutschen Außenpolitik, S. 323; Europa-Archiv, Folge 16, 25.8.1973, S. 569.
- 173 Bulletin, No. 128, 10.10.1973, S. 1276.
- 174 Bulletin, No. 130, 12.10.1973, S. 1282.
- 175 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 11.10.1973.
- 176 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 10.10.1973.
- 177 Vorwärts, 11.10.1973.
- 178 Die Welt, 11.10.1973.
- 179 Neues Deutschland, 19.10.1973.
- 180 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 12.10.1973, 17.10.1973.
- 181 Die Welt, 17.10.1973.
- 182 The New York Times, 25.10.1973.
- 183 Л. Н. Медведко. К востоку и западу от Суэца, с. 228.
- 184 О. М. Горбатов, Л. В. Черкацкий. Борьба СССР за обеспечение прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке. М., 1980, с. 72.
- 185 Аль-Ахрам, 21.10.1973.
- 186 Die Welt, 23.10.1973.
- 187 Der Spiegel, No. 45, 5.11.1973, S. 25.
- 188 General-Anzeiger, 27.10.1973.
- 189 Der Spiegel, No. 45, 5.11.1973, S. 25.
- 190 Archiv der Gegenwart, 1973, S. 18305.
- 191 SPD-Sozialdemokratische Pressedienst, 29.10.1973.
- 192 Frankfurter Rundschau, 26.10.1973.
- 193 Archiv der Gegenwart, 1973, S. 18321.
- 194 Там же.
- 195 Die Welt, 27.10.1973.
- 196 Международная жизнь, 1973, No 12, с. 51.
- 197 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, 7. Wahlperiode, Bd. 85, 62. Sitzung, 26.10.1973, Bonn, 1973, S. 3630.
- 198 SPD-Sozialdemokratische Pressedienst, 15.10.1973.
- 199 Там же, 8.10.1973.
- 200 Там же, 18.10.1973.
- 201 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 20.10.1973; Die Welt, 16.11.1973.
- 202 The Jerusalem Post, 7.11.1973.
- 203 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Bd. 85, 61. Sitzung, 25.10.1973, S. 3537.

- 204 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 30.10.1973.
- 205 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 3.11.1973.
- 205 SPD-Sozialdemokratische Pressedienst, 31.10.1973.
- 207 Unsere Zeit, 12.10.1973, 26.10.1973.
- 208 Archiv der Gegenwart, 1973, S. 18321.
- 209 Die Welt, 13.10.1973.
- 210 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Bd. 85, 62. Sitzung, S. 3630.
- 211 Orient, Opladen, 1973, No. 4, S. 179.
- 212 The Jerusalem Post, 7.11.1973; Die Welt, 7.11.1973.
- 213 Der Spiegel, No. 46, 12.11.1973, S. 25.
- 214 Die Welt, 27.10.1973.
- 215 Moshe Dayan. Story of my life. Spere Books Limited, L., 1977, p. 519.
- 216 Golda Meir. My life. Dell Publishing Co. Inc., N. Y., 1975, p. 430.
- 217 J. Delligdisch, Указ. соч., с. 189—192; A. Neustadt, указ. соч., с. 216—218.
- 218 Abba Eban. Autobiography, p. 600—601.
- 219 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 8.11.1973.
- 220 Willy Brandt. Über ein Tag hinaus. Eine Zwischenbilanz. Hoffmann und Campe Verlag, Hamburg, 1974, S. 316—318. Речь илет о возможках ФРГ сотрудничать в рамках ЕЭС с Голландией, которой был объявлен нефтяной бойкот за поддержку Израиля.
- 221 Willy Brandt. Begegnungen und Einsichten, S. 598.
- 222 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 8.11.1973.
- 223 Аль-Баар, 30.10.1973.
- 224 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 12.10.1973.
- 225 Die Welt, 20.10.1973.
- 226 Аль-Наджа, Бейрут, 28.11.1973.
- 227 Stern, No. 45, 31.10.1973, S. 211.
- 228 Süddeutsche Zeitung, 10.10.1973.
- 229 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 26.10.1973.
- 230 Die Politische Meinung, Heft 151, S. 54.
- 231 William Quandt. Decade of Decisions. American Policy Toward the Arab-Israeli Conflict 1967—1976. University of California Press, 1977, p. 185.
- 232 Bulletin, No. 167, 21.12.1973, S. 1676.
- 233 Süddeutsche Zeitung, 22.12.1973.
- 234 Kölner Stadt-Anzeiger, 22.12.1973.
- 235 Bulletin, No. 50, 26.03.1974, S. 492.
- 236 Там же.
- 237 Der Spiegel, No. 46, 12. November 1973, S. 27.
- 238 Там же.
- 239 Bulletin, No. 45, 4.04.1974, S. 435.
- 240 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, 7. Wahlperiode, Bd. 87, 90. Sitzung, 27.03.1974, Bonn, 1974, S. 5911.
- 241 Europa-Archiv, No. 9, 10.05.1975, S. D 237.
- 242 Europa-Archiv, No. 2, 25.01.1974, S. D 43—44.

- 243 *Аса-Аспау*, 18.11.1973.
- 244 *Аса-Баз*, 28.11.1973.
- 245 *Der Spiegel*, No. 46, 12.11.1973, S. 122.
- 246 *Der Spiegel*, No. 46, 11.11.1974, S. 30.
- 247 *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 18.01.1974.
- 248 *Europa-Archiv*, No. 2, 25.01.1974, S. D. 55.
- 249 *Frankfurter Rundschau*, 18.01.1974.
- 250 *Bulletin*, No. 6, 18.01.1974, S. 60.
- 251 *Frankfurter Rundschau*, 18.01.1974.
- 252 **A. Barlag**, *Machtwechsel*. Die Ara Brandt-Schoel. Deutsche Verlags-Anstalt, 1982, S. 689.
- 253 *Bulletin*, No. 29, 1.03.1974, S. 270.
- 254 **H.-D. Genscher**, *Deutschen Außenpolitik*. Verlag Bonn Aktuell GmbH, S. 57.
- 255 *Außenpolitik*, 1/1976, S. 60.
- 256 *Verhandlungen des Deutschen Bundestages*, Bd. 100, 7. Sitzung, 19.01.1977, Bonn, 1977, S. 148.
- 257 *General-Anzeiger*, 7.03.1974.
- 258 **Werner J. Feld**, *The European Community in the World Affairs*, Economic Power and Political Influence, Alfred Publishing Co. Inc., 1976, p. 150.
- 259 **W. R. Smyser**, *Deutsch-amerikanische Beziehungen*. Europa-Union Verlag, Bonn, 1980, S. 34.
- 260 *Bulletin*, No. 35, 14.03.1974, S. 328—330.
- 261 **Henry A. Kissinger**, *Memorian 1973—1974*, München, 1982, S. 173.
- 262 *Amerika und Westeuropa. Gegenwart- und Zukunftsprobleme*. Hrg. von K. Kaiser und H.-P. Schwarz, Belsar Verlag, Stuttgart/Zürich, 1977, S. 296.
- 263 *Europa-Archiv*, 18/1974, S. D. 415.
- 264 *Palestinian Leaders Discuss the New Challenges for the Resistance*,—*Palestine Essays*, No. 42, Beirut, 1974, p. 8.
- 265 *Аса-Аспау*, 18.06.1974.
- 266 *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 23.04.1974.
- 267 *Die Welt*, 23.04.1974.
- 268 *The Financial Times*, 19.04.1974; *Bulletin*, No. 31, 6.03.1974, S. 285.
- 269 *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 23.04.1974.
- 270 *Bulletin*, No. 50, 26.04.1974, S. 492.
- 271 *Verhandlungen des Deutschen Bundestages*, Bd. 86, 76. Sitzung, 24.01.1974, Bonn, 1974, S. 4770.
- 272 *Bulletin*, No. 50, 26.04.1974, S. 489.
- 273 **Willy Brandt**, *Ober ein Tag hinaus*, S. 166.
- 274 *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 22.04.1974.
- 275 *Die Welt*, 23.04.1974, 24.04.1974; *Frankfurter Allgemeine Zeitung* 25.04.1974.
- 276 *Bulletin*, No. 49, 19.04.1974, S. 474—475.
- 277 *Bulletin*, No. 50, 26.04.1974, S. 492.
- 278 **J. Deligdisch** *Yasa cor.*, c. 192.
- 279 *Die Welt*, 22.04.1974.

- 280 Deutsch-arabische Beziehungen, S. 139.
- 281 DKP—Presseident, Mai, 1974, No. 57.
- 282 *F. Mur. Ukaz cov.*, c. 37.
- 283 Verhandlungen des Deutschen Bundeslag. Bd. 88, 100. Sitzung, 17.05.1974, Bonn, 1974, S. 6598.
- 284 A. Neustadt, *Ukaz cov.*, c. 281.
- 285 Der Spiegel, No. 41, 7.10.1974, S. 154.
- 286 Bulletin, No. 111, 26.09.1974, S. 1136.
- 287 Der Spiegel, No. 52, 23.12.1974, S. 18.
- 288 Deutsch-arabische Beziehungen, S. 140; «Der Spiegel», No. 52, 23.12.1974, S. 18.
- 289 Bulletin, No. 83, 9.07.1974, S. 834.
- 290 Der Spiegel, No. 50, 9.12.1974, S. 22.
- 291 Der Spiegel, No. 52, 23.12.1974, S. 18.
- 292 The New York Times, 4.01.1975.
- 293 Der Spiegel, No. 3, 29.01.1975, S. 56.
- 294 Der Spiegel, No. 1/2, 6.01.1975, S. 33.
- 295 The Washington Post, 7.01.1975.
- 296 Rheinische Post, 14.01.1975.
- 297 *Аль-Ахрар*, 14.04.1975.
- 298 Willy Brandt, Über ein Tag Hinaus, S. 106.
- 299 Bulletin, No. 91, 15.07.1975, S. 865.
- 300 Der Spiegel, No. 29, 14.07.1975, S. 60.
- 301 Bulletin, No. 43, 3.04.1975, S. 409.
- 302 *Аль-Ахрар*, Bulletin, No. 35, 27.03.1976, S. 327 26.03.1976.
- 303 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 14.03.1975.
- 304 Unsere Zeit, 30.03.1976.
- 305 Bulletin, No. 30, 5.03.1974, S. 284; No. 94, 13.08.1974, S. 979.
- 306 Les Relations Arabo-allemandes—Sirie et Monde Arabe, Damask, 1978, No. 296, p. 29—31.
- 307 *Низамь ан-Шааб*, 7.02.1977.
- 308 *Аль-Ахрар*, 14.04.1975.
- 309 Le Figaro, 3.02.1975.
- 310 The Financial Times, 14.03.1975.
- 311 H.—D. Genscher, Deutsche Außenpolitik, S. 123—124.
- 312 *Аль-Ахрар*, 26.03.1976.
- 313 Bulletin, No. 37, 1.04.1976, S. 345.
- 314 *Тампва*, 5.02.1977.
- 315 Bulletin, No. 61, 14.06.1975, S. 570—571.
- 316 Bulletin, No. 37, 1.04.1976, S. 346.
- 317 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 29.03.1976; 31.03.1976.
- 318 *Аль-Ахрар*, 27.03.1976.
- 319 Bulletin, No. 107, 29.09.1976, S. 1067.
- 320 Bulletin, No. 9, 23.01.1976, S. 86.

- 321 Bulletin, No 132, 10.12.1976, S. 1262.
- 322 H.—D. Genscher. Deutsche Außenpolitik, S. 22.
- 323 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 27.01.1976.
- 324 A. Neustadt. Указ. соч., с. 312, 318.
- 325 Б. Ф. Якимович. указ. соч., с. 118.
- 326 Bulletin, No. 92, 6.08.1974, S. 960; No. 75, 12.06.1975, S. 704; No. 80, 6.07.1976, S. 755.
- 327 The International 1972—1976. Report of the Bureau on the activities of the Socialist International, L., 1976, p. 54.
- 328 Die Welt, 26.02.1975.
- 329 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 28.09.1975.
- 330 Der Spiegel, No. 10, 3.03.1975, S. 28.
- 331 Süddeutsche Zeitung, 28.02.1975.
- 332 Bulletin, No. 91, 15.07.1975; «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 8.07.1957.
- 333 Die Welt, 7.07.1975.
- 334 A. Neustadt. Указ. соч., с. 309—311.
- 335 Unsere Zeit, 28.02.1975.
- 336 Боннский съезд Германской коммунистической партии. М., 1977, с. 295.
- 337 Bulletin, No. 76, 25.06.1976, S. 717, 719.
- 338 A. Neustadt. Указ. соч., с. 350.
- 339 Bulletin, No. 121, 30.11.1977, S. 1178.
- 340 Amerika und Westeuropa, S. 189.
- 341 Der Spiegel, No. 50, 9.12.1974, S. 24.
- 342 Bulletin, No. 45, 20.04.1976, S. 433.
- 343 Amerika und Westeuropa, S. 190.
- 344 H. Bechtold. Nahost zwischen Kissinger und Genf. «Ausßenpolitik», 2/1975, S. 128.
- 345 Der Spiegel, No. 24, 7.06.1976, S. 99.

Глава III

- 1 См.: А. М. Захаров, О. Н. Фокин. Кипр-Дувид: политика, обречение на провал. М., 1982, с. 56—68; Л. Н. Медведко. Этот Ближний бурлящий Восток. М., 1985, с. 241—257; Е. М. Прижков. История одного словора, М., 1985, с. 151—168.
- 2 А. М. Захаров, О. Н. Фокин. указ. соч., с. 66.
- 3 Л. Н. Медведко. К востоку и западу от Суэца, с. 275.
- 4 Die Welt, 19.11.1977.
- 5 Bayern Kurier, 26.11.1977, 17.12.1977; Der Spiegel, No. 48, 21.11.1977, No. 49, 28.11.1977, No. 51, 12.12.1977; Frankfurter Allgemeine Zeitung, 25.11.1977.
- 6 Die Welt, 21.11.1977.
- 7 Europa-Archiv, No. 7, 10.04.1978, S. D 215.
- 8 Bulletin, No 113, 29.12.1977, S. 1213.
- 9 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 22.11.1977.
- 10 Die Welt, 22.11.1977; Frankfurter Allgemeine Zeitung, 22.11.1977.

- 11 Bayern Kurier, 26.11.1977, 17.12.1977; Frankfurter Allgemeine Zeitung 30.11.1977.
- 12 Der Spiegel, No. 49, 28.11.1977, S. 143; Bulletin, No. 14, 17.02.1978.
- 13 Unsere Zeit, 22.11.1977.
- 14 Bulletin, No. 121, 30.11.1977, S. 1118.
- 15 Der Spiegel, No. 50, 5.12.1977, S. 35.
- 16 Unsere Zeit, 30.11.1977.
- 17 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 30.11.1977.
- 18 Der Spiegel, No. 53, 26.12.1977, S. 81.
- 19 Europa-Archiv, No. 2, 25.01.1978, S. 41; Der Spiegel, No. 1, 2.01.1978, S. 27.
- 20 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, 8. Wahlperiode, Bd. 104, 65. Sitzung, 19.01.1978, Bonn, 1978, S. 4961.
- 21 Е. Дмитриев. Палестинский узел. М., 1978, с. 213—214.
- 22 Bulletin, No. 69, 27.06.1978, S. 650—651.
- 23 Die Welt, 11.11.1977.
- 24 Der Spiegel, No. 6, 6.02.1978, S. 114.
- 25 Bulletin, No. 99, 14.09.1978, S. 917.
- 26 Bulletin, No. 41, 3.05.1978, S. 389—390.
- 27 Der Spiegel, No. 5, 30.01.1978.
- 28 Die Welt, 5.11.1977.
- 29 Der Spiegel, No. 27, 3.07.1978, S. 21.
- 30 Там же.
- 31 Анализ документов см.: А. М. Захаров, О. И. Фолли. Указ. соч., с. 99—106; Е. М. Пряхков. История одного слова, с. 189—235; А. Болан Кэмп-Дэви: анализ документов.—Мир семидесятых. М., 1980, с. 262—272.
- 32 Die Welt, 19.09.1978.
- 33 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Bd. 107, 104.—105. Sitzungen, 21.—22. September 1978, Bonn, 1978, S. 8191—8319.
- 34 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 19.09.1978.
- 35 Die Welt, 20.09.1978.
- 36 Die Welt, 21.09.1978.
- 37 Europa-Archiv, No. 23, 10.12.1978, S. D 654; Bulletin, No. 107, 28.09.1978, S. 1003.
- 38 Le Monde, 22.09.1978.
- 39 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Bd. 107, S. 8201, 8319.
- 40 Там же, с. 8201.
- 41 Там же, с. 8316.
- 42 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 26.09.1978.
- 43 Bulletin, No. 128, 9.11.1978, S. 1190; No. 135, 18.11.1978, S. 1261, 1264.
- 44 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 9.09.1978; 14.09.1978; 15.09.1978.
- 45 Der Spiegel, No. 37, 11.09.1978, S. 141.
- 46 Europa-Archiv, No. 6, 25.03.1979, S. D 160.
- 47 Аль-Ахрам, 20.03.1979; Н. Камил. Половина капитулянтства.—Проблемы

- мира и социализма, 1979, № 3, с. 79; А. Бовим. Анатомия предательства Тужик.—указ соч. с. 283—289; с. 311—326; Л. Н. Медведев. Этот Ближний бурлящий Восток, с. 257—282; А. Г. Кляев указ. соч., с. 261—279.
- 48 Е. М. Пряхков. История одногоговора, с. 7.
- 49 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 28.03.1979.
- 50 Aussempolitik, 1981, No. 4, S. 324—325.
- 51 Die Welt, 30.03.1979; Frankfurter Allgemeine Zeitung, 30.03.1979.
- 52 Bulletin, No. 78, 13.06.1979, S. 730.
- 53 Die Welt, 27.03.1979.
- 54 Aussempolitik, 1979, No. 4, S. 421.
- 55 Europa-Archiv, 1975, No. 19, S. Z 175.
- 56 Sozialdemokratische Pressedienst, 26.03.1979.
- 57 Das wichtigste ist der Frieden. Dekumentation des Verteidigungspolitischen Kongress der FDP am 27./28. April 1979 in Münster, Nomos Verlagsgesellschaft, Baden-Baden, S 1980, S. 55.
- 58 Bulletin, No. 36, 28.03.1979, S. 326.
- 59 Die Welt, 29.08.1979.
- 60 Europa-Archiv, No. 9, 10.05.1979, S. 267.
- 61 Bulletin, No. 82, 26.06.1979, S. 765.
- 62 «Die Welt», 13.07.1979.
- 63 А. Neustadt. Указ. соч., с. 408.
- 64 Frankfurter Rundschau, 20.06.1979.
- 65 The Cristian Science Monitor, 11.07.1979.
- 66 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 31.03.1979.
- 67 Unsere Zeitung, 31.03.1979.
- 68 The Washington Post, 5.04.1979; Frankfurter Allgemeine Zeitung, 29.03.1979.
- 69 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 30.03.1979.
- 70 Le Monde, 18.04.1979.
- 71 The Washington Post, 27.05.1980.
- 72 Salah El Din. Exportstrategien für Agypten. Bochum, 1983, S. 79—84.
- 73 Der Spiegel, No. 13, 27.03.1979, S. 19—20.
- 74 Bulletin, No. 102, 6.09.1979, S. 951.
- 75 См.: П. А. Сараджян. Активизация деятельности организации «Братья-мусульмане» в Сирии в 1970—1982 гг.—Ислам в политической жизни стран современного Ближнего и Среднего, Ереван, 1986, с. 152.
- 76 Е. Дмитриев. Палестинский узел, с. 215.
- 77 Bulletin, No. 102, 6.09.1979, S. 960.
- 78 Der Spiegel, No. 12, 19.03.1979, S. 136; А. Neustadt,
- 79 А. Neustadt. Указ. соч., с. 397.
- 80 Deutsch-arabischen Beziehungen, S. 143.
- 81 Wolfgang Köhler. Die Stellung der Pstälinsener in der internationaler Politik.—Europa-Archiv, No. 24, 25.12.1980, S. 751.
- 82 Le Monde, 18.10.1979.

- 83 Der Spiegel, 17.07.1979; «The Cristian Science Monitor», 19.08.1979.
- 84 Süddeutsche Zeitung, 14.04.1980.
- 85 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 10.07.1979; «Die Welt», 13.07.1979.
- 86 Deutsch-arabischen Beziehungen, S. 142.
- 87 A. Neustadt. Указ. соч., с. 390. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 20.06.1979.
- 88 The Jerusalem Post, 22.06.1979.
- 89 The Cristian Science Monitor, 15.08.1979.
- 90 Süddeutsche Zeitung, 28.07.1979; «Die Welt», 28.07.1979.
- 91 Т. В. Носенко. Новые тенденции в подходе Франции к проблеме ближневосточного урегулирования, с. 154—177; В. П. Панкратова. Политика Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке в 70-е годы.—В кн.: Империализм и развивающиеся страны, М., 1984, с. 135—152.
- 92 Bulletin, No. 71, 17.06.1980, S. 599.
- 93 The Times, 22.01.1981.
- 94 The Cristian Science Monitor, 14.06.1980.
- 95 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 16.06.1980.
- 96 С. М. Рахоров. Указ. соч., с. 166.
- 97 Thomas Oppermann. Israel und Palästina—Reifeprüfung der Bohner Außenpolitik.—Europa-Archiv, No. 14, 25.07.1980, S. 437—438.
- 98 Там же, с. 440—444.
- 99 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 16.06.1980.
- 100 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Bd. 114, 222. Sitzung, 17.05.1980. Bonn, 1980, S. 9711.
- 101 Там же, 16.07.1980.
- 102 Там же, 11.06.1980.
- 103 Аль-Баас, Дамаск, 15.06.1980.
- 104 Аль-Мустакбаль, Бейрут, 6.09.1980.
- 105 Там же, с. Д 599.
- 106 Der Spiegel, No. 42, 10.10.1980, S. 24.
- 107 Там же.
- 108 Bulletin, No. 119, 13.11.1980, S. 1013—1016.
- 109 Udo Steinbach. Deutsche Politik Für Nahost und Golf.—«Außenpolitik», 1981, No. 4, S. 318.
- 110 Stand und Zukunft der deutsch-arabischen Beziehungen, S. 5, 9.
- 111 Deutsch-arabischen Beziehungen, S. 202.
- 112 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Bd. 114, 203. Sitzung, 28.02.1980. Bonn, 1980, S. 16171.
- 113 Die Sicherheit des Westens. Neue Dimensionen und Aufgaben. Bonn, 1981, S. 32.
- 114 K. Kaiser. Amerikanisch-europäische Beziehungen zu Beginn der Reagan-Administration.—Europa-Archiv, 1981, No. 9, S. 259—265.
- 115 Die Sicherheit des Westens. Neue Dimensionen und Aufgaben, S. 33.
- 116 Europa-Archiv, 1981, No. 9, S. 267.

- 117 W. R. Smyser. Deutsch-amerikanische Beziehungen. Europa-Union Verlag GmbH Bonn, 1980, S. 18—28.
- 118 Deutsch-arabischen Beziehungen, S. 260.
- 119 Правда, 9.03.1980.
- 120 Deutsch-arabischen Beziehungen, S. 330—331; S. 304.
- 121 Erhard Egpler. Wege aus der Gefahr. Rowolt Verlag, Hamburg, 1981, S. 211—212.
- 122 Europa-Archiv, No. 14, 25.07.1980, S. 438; Deutsch-arabischen Beziehungen, S. 152.
- 123 Ausseepolitik, 1981, No. 4, S. 322.
- 124 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 5.05.1981; 6.05.1981; 7.05.1981; 12.05.1981; Neue Zürcher Zeitung, 6.05.1981; Die Welt, 6.05.1981.
- 125 А. Григорьев. Лоскары прокладывают путь.—Известия, 12.05.1981.
- 126 Bulletin, No. 40, 6.05.1981, S. 343—345.
- 127 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Bd. 118, 34. Sitzung, 7.05.1981, Bonn, 1981, S. 1709—1711.
- 128 Bulletin, No. 40, 6.05.1981, S. 346.
- 129 Там же.
- 130 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Bd. 118, S. 1727.
- 131 Там же, с. 1739, 1722—1723.
- 132 Der Spiegel, No. 3, 16.01.1980.
- 133 Правда, 3.03.1982; За рубежом, 20.05.1982.
- 134 А. Дробов. Военно-экономическое сотрудничество ФРГ с арабскими странами.—Восток и современность, М., 1986, с. 111.
- 135 Гол Емельяков. Двойная игра факельщиков.—Литературная газета, 18.11.1987.
- 136 Bulletin, No. 52, 2.06.1981, S. 447.
- 137 The Financial Times, 27.01.1980; Europa-Archiv, No. 10, 25.05.1980, S. D 240.
- U. Braun. Saudis-Arabien's veränderter Standort: Auswirkungen für den West.—Europa-Archiv, No. 17, 10.09.1980, S. 545—546.
- 138 Bulletin, No. 29, 2.04.1982, S. 231—232.
- 139 Правда, 22.05.1982.
- 140 Wirtschaftswoche, 17.09.1982.
- 141 Федеративная Республика Германии, М., 1983, с. 385.
- 142 См. Н. Беллев, А. Беллев. Только два года, М., 1985; А. М. Захаров, О. Н. Фолым, указ. соч., с. 89—92, 230—232; Н. О. Оганесян. Ливанский кризис и позиция армянской общины Ливана (1975—1982 гг.). На арм. яз. Ереван, 1982; Е. М. Примахов. История одного слова, с. 236—286.
- 143 А. А. Азарянца. От Кзыл-Дзюндз к трагедии Ливана. М., 1983, с. 60.
- 144 Bulletin, No. 9, 23.01.1976; S. 86; No. 107, 29.09.1976, S. 1067; No. 132, 10.12.1977, S. 1261; No. 99, 14.09.1978, S. 917.
- 145 Europa-Archiv, No. 16, 25.08.1978, S. D 457, S. D 461.
- 146 Vorwärts, 20.03.1978.

- 147 Bulletin, No. 82, 26.06.1979, S. 765; No. 45, 30.04.1980, S. 380; No. 71, 17.06.1980, S. 600.
- 148 **Helmut Schmidt**. Freiheit verantworten. Econ Verlag, Düsseldorf-Wien, 1983, S. 70.
- 149 Bulletin, No. 36, 30.03.1982, S. 299.
- 150 **Л. Г. Броник**. Политика империалистических держав в районе Средиземного моря, с. 201.
- 151 Bulletin, No. 55, 8.05.1982, S. 469—471.
- 152 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Bd. 121, 105. Sitzung, 9.06.1982, S. 6342.
- 153 Там же, с. 6343.
- 154 Там же, с. 6345, 6446.
- 155 Там же, с. 6344.
- 156 Там же, с. 6345—6346.
- 157 Bulletin, No. 56, 9.06.1982, S. 477—478.
- 158 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Bd. 121, S. 6347, 6554.
- 159 Правда, 12.06.1982.
- 160 Bulletin, No. 67, 1.07.1982.
- 161 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 5.07.1982.
- 162 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 17.07.1982.
- 163 Bulletin, No. 73, 21.07.1982, S. 661—662.
- 164 Bulletin, No. 90, 5.10.1982, S. 833.
- 165 Там же.
- 166 Там же.
- 167 **Г. Голье**. Новая боннская коалиция: куда повернет руль.—Проблемы мира и социализма, 1983, № 6, с. 68—69.
- 168 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, 9. Wahlperiode, Bd. 122, 121. Sitzung, 13.10.1982, Bonn, 1982, S. 7220—7223.
- 169 **Г. Мас**. Поворот направо, с. 89.
- 170 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, 10. Wahlperiode, Bd. 124, 4. Sitzung, 4.05.1983, S. 72.
- 171 Bulletin, No. 102, 12.09.1984, S. 900—903.
- 172 Bulletin, No. 6, 20.01.1983, S. 40; No. 110, 2.10.1984.
- 173 Bulletin, No. 6, 18.01.1984, S. 47.
- 174 Bulletin, No. 109, 11.11.1982, S. 995.
- 175 Der Spiegel, No. 49, 6.12.1982, S. 60.
- 176 Bulletin, No. 4, 13.01.1983, S. 31.
- 177 Bulletin, No. 109, 11.11.1982, S. 996; No. 103, 5.10.1983, S. 947.
- 178 Bulletin, No. 109, 11.11.1982, S. 996.
- 179 Bulletin, No. 17, 9.02.1983, S. 158.
- 180 Bulletin, No. 17, 9.02.1983, S. 158.
- 181 Bulletin, No. 6, 18.01.1984, S. 45—46.
- 182 **Nachum Orland**. Die deutsch-israelische Beziehungen aus der Beurteilung von Begin. — Orient, 1983, No. 3, S. 468.

- 183 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 5.02.1983.
- 184 Bulletin, No. 17, 9.02.1983, S. 157.
- 185 Bulletin, No. 6, 18.01.1984, S. 47; «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 7.02.1982.
- 186 Bulletin, No. 97, 27.09.1983, S. 896; No. 6, 20.01.1983, S. 49; No. 103, 5.10.1983, S. ; No. 6, 18.01.1984, S. 47—48.
- 187 Аза-Ахрам, 31.10.1984; Bulletin, No. 134, 6.11.1984, S. 1188.
- 188 Правда, 31. 05, 1985.
- 189 Bulletin, No. 13, 2.02.1984, S. 109—120.
- 190 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 6.10.1983.
- 191 Der Spiegel, No. 42, 17.10.1983, S. 19.
- 192 Bulletin, No. 16, 10.02.1984, S. 141—144.
- 193 Bulletin, No. 6, 18.01.1984, S. 49.
- 194 Der Spiegel, No. 5, 30.01.1984, S. 28.
- 195 Der Spiegel, No. 40, 3.10.1983.
- 196 Der Spiegel, No. 5, 27.01.1986, S. 25.
- 197 Stern, No. 53, 4.12.1985.
- 198 В. Меньшиков, П. Меньшиков, «Тихая оккупация», М., 1983, с. 79.
- 199 Der Spiegel, No. 40, 3.10.1983, S. 42.
- 200 Там же.
- 201 Bulletin, No. 105, 12.10.1983.
- 202 Der Spiegel, No. 42, 17.10.1983, S. 19.
- 203 Der Spiegel, No. 16, 14.04.1986, S. 14.
- 204 Bulletin, No. 109, 11.11.1982, S. 996.
- 205 Bulletin, No. 97, 27.09.1983, S. 896.
- 206 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 3.10.1983.
- 207 Bulletin, No. 103, 5.10.1983, S. 949; No. 102, 12.09.1984, S. 903.
- 208 West Germany and the Middle East.—Middle East Economic Digest March 1984; M. Menta. West Germany and the Middle East.—Middle East, L., 1985, No. 130, p. 29—40.
- 209 V. Köhler. Fragen der deutsch-arabischen Zusammenarbeit. — Außenpolitik, 1983, No. 3, S. 236—237.
- 210 European Foreign Policy—Making and the Arab-Israeli Conflict—Orient, 1983, No. 1, S. 37.
- 211 Bulletin, No. 109, 11.11.1982, S. 996; No. 20, 18.02.1983, S. 188.
- 212 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 14.01.1983.
- 213 Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Bd. 122, 128, Sitzung, 12.11.1982, Bonn, 1982, Anlage 34, S. 7919.
- 214 Bulletin, No. 8, 24.03.1983, S. 243; «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 7.02.1983.
- 215 Der Spiegel, No. 49, 6.12.1982, S. 38.
- 216 Правда, 19.08.1984, 19.04, 1985.
- 217 Bulletin, No. 6, 18.01.1984, S. 47—48.
- 218 Н. О. Однеськи. Революционный процесс в современном арабском мире

(Особенности и перспективы).—«IV Всесоюзная конференция арабистов. Тезисы докладов», Ереван, 1985, с. 52—54.

- 219 Bulletin, No. 103, 5.10.1983, S. 947.
220 Bulletin, No. 27, 19.03.1983, S. 233—234; No. 105, 12.10.1983, S. 262; «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 8.10.1983.
221 Bulletin, No. 130, 17.12.1982, S. 1169—1171; «Frankfurter Allgemeine Zeitung» 13.—16.12.1982; Bulletin, No. 103, 5.10. 1983, S. 947; No. 32, 27.03.1984, S. 26.
222 Bulletin, No. 6, 20.01.1983, S. 50.
223 Bulletin, No. 4, 13.01.1984, S. 31; No. 100, 7.09.1984, S. 882.
224 Bulletin, No. 109, 11.11.1982, S. 996.
225 Bulletin, No. 20, 18.02.1983; No. 24.03.1983, S. 243.
226 Bulletin, No. 100, 7.09.1984, S. 882; No. 110, 2.10.1984, S. 988.
227 Правда, 10.11.1987; Frankfurter Allgemeine Zeitung, 4.01.1988.
228 Der Spiegel, 27.07.1987.
229 Правда, 30.11.1986, 4.08.1987.
230 Bulletin, No. 109, 11.11.1982, S. 996; No. 6, 20.01.1983, S. 49.
231 Bulletin, No. 134, 6.11.1984, S. 1188; Ам-Ахпан, 31.10.1984.
232 Der Spiegel, No. 42, 17.10.1983, S. 18; Bulletin, No. 16, 1984, S. 141, 144.
233 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 13.12.1982.

(Особенности и перспективы).—«IV Всесоюзная конференция арабистов. Тезисы докладов», Ереван, 1985. с. 52—54.

- 219 Bulletin, No. 103, 5.10.1983, S. 947.
220 Bulletin, No. 27, 19.03.1983, S. 233—234; No. 105, 12.10.1983, S. 262; 3 «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 8.10.1983.
221 Bulletin, No. 130, 17.12.1982, S. 1169—1171; «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 13.—16.12.1982; Bulletin, No. 103, 5.10. 1983, S. 947; No. 32, 27.03.1984, S. 23.
222 Bulletin, No. 6, 20.01.1983, S. 50.
223 Bulletin, No. 4, 13.01.1984, S. 31; No. 100, 7.09.1984, S. 882.
224 Bulletin, No. 109, 11.11.1982, S. 996.
225 Bulletin, No. 20, 18.02.1983; No. 24.03.1983, S. 243.
226 Bulletin, No. 100, 7.09.1984, S. 882; No. 110, 2.10.1984, S. 988.
227 Правда, 10.11.1987; Frankfurter Allgemeine Zeitung, 4.01.1988.
228 Der Spiegel, 27.07.1987.
229 Правда, 30.11.1986, 4.05.1987.
230 Bulletin, No. 109, 11.11.1982, S. 996; No. 6, 20.01.1983, S. 49.
231 Bulletin, No. 134, 6.11.1984, S. 1188; Ам-Ахрар, 31.10.1984.
232 Der Spiegel, No. 42, 17.10.1983, S. 18; Bulletin, No. 16, 1984, S. 141, 144.
233 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 13.12.1982.